

ISSN 2077-4877

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Философско-гуманитарные науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 20

В двух частях

Часть 1

Минск
РИВШ
2021

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по политическим, философским и экономическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 28 декабря 2020 г.)

Редакционная коллегия:
пред. редкол., д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсенюк*;
д-р филос. наук проф. *В. Ф. Берков*; д-р ист. наук доц. *Г. Я. Голенченко*;
д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*; д-р филос. наук проф. *В. В. Позняков*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Четет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьев*;
д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*;
д-р полит. наук, проф. каф. политологии *Л. Е. Земляков*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. Г. Абраменко

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель

E. Abramenko

Gomel State University of F. Skoryna, Gomel

УДК 321.72:342.53

ПОНЯТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

THE CONCEPT OF PARLIAMENTARISM IN POLITICAL SCIENCE

В статье рассматриваются различные подходы к пониманию парламентаризма: от взглядов на парламентаризм как принципа верховенства парламента до расширения его форм через включение таких категорий как представительный характер парламента, выборы, профессиональная основа работы парламентариев. На основе проведенного анализа дается определение парламентаризма и выделяются его структурные элементы.

Ключевые слова: парламентаризм; парламента; разделение властей; представительная демократия.

The article examines various approaches to understanding parliamentarism: from views on parliamentarism as the principle of the supremacy of parliament to expanding its forms through the inclusion of categories such as the representative character of parliament, elections, and the professional basis of the work of parliamentarians. On the basis of the analysis, the definition of parliamentarism is given and its structural elements are highlighted.

Keywords: parliamentarism; parliament; separation of powers; representative democracy.

Парламентаризм на современном этапе является одним из наиболее распространенных понятий, а повышенный интерес к данной политической категории обусловлен развитием событий на рубеже XX–XXI вв., которые демонстрируют важность вопросов организации и взаимоотношений между органами государственной власти.

Необходимо отметить, что парламентаризму уделяется достаточно важное место в научной литературе. Немецкий политолог К. Шмитт отметил, что критическая литература о парламентаризме появилась вместе с парламентаризмом [1, с. 159].

Идеи парламентаризма можно проследить уже в работах античных авторов, например, в работах Платона, Аристотеля, Цицерона можно найти рассуждения о месте представительного органа в системе государственной власти. В эпоху Нового времени в Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Дж. С. Милль, А. Токвиль и др. обосновывали идеи представительства народа, общественного договора, разделения властей, взаимосвязи народного представительства с законодательной властью, утверждения принципа верховенства парламента.

Парламентаризм обоснованно связывают с законодательной властью, так как вышел из ее недр. Несмотря на это понятия «парламент» и «парламентаризм»

нельзя отождествлять. Иногда под парламентаризмом понимают теорию и практику функционирования парламента, однако, существование в системе государственных органов представительного учреждения не означает существования такого особого политического института как парламентаризм. В настоящее время в ряде исламских монархий (Кувейте, Объединенных Арабских Эмиратах, Бахрейне), а также в социалистических странах (Китайская Народная Республика, Куба, Вьетнам, Корейская Народная Демократическая Республика) существуют парламенты, но они играют исключительно законосовещательную роль.

В политической науке существует два подхода к толкованию парламентаризма: юридический и политологический.

Юридический подход основывается на понимании парламентаризма как одной из форм правления. Однако, поскольку парламентаризм – это сложное и многоплановое явление, понимать его лишь как разновидность формы правления, которая может быть охарактеризована уровнем подчинения парламента, правительства и главы государства друг другу, очевидно недостаточно. Парламентаризм характеризует степень демократизации общества через достигнутый уровень обеспечения прав, обязанностей и свобод граждан.

Для нашего исследования интерес представляет политологический подход. С данной точки зрения парламентаризм можно рассматривать в трех аспектах:

- идейно-теоретическую концепцию, служащую научным обоснованием необходимости парламента как института и его общественных функций;
- политико-правовой институт, воплощающий в себе единство представительной и законодательной власти в обществе, где существует разделение властей;
- особый случай расширения власти парламента и образования парламентского правительства (ситуация характерная для парламентских республик) [2, с. 47].

Английский исследователь А. Дайси отмечал, что основой парламентаризма является принцип парламентского верховенства, когда парламент имеет право издавать и уничтожать всевозможные законы; никакое лицо, никакое собрание лиц, не имеет права издавать постановления, которые были бы не согласны с парламентскими актами или пользовались бы судебной защитой вопреки парламентскому акту [3, с. 45–46].

Иной позиции придерживался немецкий исследователь Г. Еллинек, который, несмотря на то, что считает парламент центральным звеном парламентаризма, не относит его к основным органам государства. В частности, он указывает на то, что парламент, не являясь самостоятельным органом, не может оказывать прямого воздействия на государство и на подвластных государству лиц. Его появление, существование и исчезновение не влечет за собой дезорганизации или видоизменения государства [4, с. 30–33].

Русский ученый С. Котляревский, собрав и проанализировав обширный материал, определяет парламентаризм как выражение солидарности и консенсуса между правительством и представительством [5, с. 57].

Американский исследователь Дженнингс главное предназначение парламентаризма видел в том, что речи, произносимые в парламенте, имеют отклик в стране и сила парламента находится не в его полномочиях, а в общественном мнении [6, с. 58].

П. Леше выделил понимание парламентаризма в узком и широком смысле. Узкое определение связано с парламентским парламентаризмом, который опирается на определенные институты, общественные структуры, общественно-политическую культуру. Согласно более широкой трактовке парламентаризм связан с наличием парламента как выразителя интересов народа [4, с. 21].

Парламентаризм – это явление многоплановое и имеет сложную внутреннюю структуру. Однако, несмотря на то, что понятие «парламентаризм» часто используется в политологии, в научной литературе нет его единого толкования.

Ряд исследователей рассматривает парламентаризм как разновидность политического режима. В частности, М. А. Моргунова утверждает, что парламентаризм это метод осуществления государственной власти, особый режим, определяемый реальными взаимоотношениями, складывающимися между законодательной и исполнительной властями в каждом конкретном государстве, при котором ведущую роль играет парламент [7, с. 26–27]. Подобной точки зрения придерживается и Б. А. Страшун, отмечая, что главной чертой парламентаризма как политического режима является ответственность правительства перед парламентом за свою деятельность [8]. То есть парламентаризм – это режим, когда власть правительства находится в зависимости от парламентского востума доверия, а парламент является единственным демократическим институтом [6, с. 54]. Это такой режим, когда правительство, чтобы достигнуть и сохранить власть должно пользоваться доверием законодательного органа [9].

Стивен Фиш определяет парламентаризм как систему, в которой законодательный орган формирует правительство, премьер-министр осуществляет значительную исполнительную власть и несет ответственность перед законодательным органом, президент или отсутствует, или исполняет церемониальные функции [10].

Исследователи акцентируют внимание на разных аспектах парламентаризма. А. А. Мишин определяет парламентаризм как систему государственного руководства обществом, которая характеризуется распределением законодательного и исполнительного труда при привилегированном положении парламента [11, с. 174]. Подобное мнение высказывают авторы учебника «Парламентаризм: обеспечение законодательных (представительных) органов власти»: «Парламентаризм – это система политической организации государства, при которой четко разграничены функции законодательной и исполнительной властей при привилегированном положении парламента» [12]. В Большом энциклопедическом словаре «Право и политика» парламентаризм рассматривается как система правления, характеризующаяся четким распределением законодательной и исполнительной функций при формальном верховенстве представительного и законодательного органа – парламента по отношению к другим государственным органам. И уточняется, что при парламентаризме правительство одобряется парламентом и ответственно перед ним [13, с. 762].

Ряд исследователей определяют парламентаризм как особую систему организации государственной власти, структурно и функционально основанную на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития идей социальной справедливости и правопорядка. Можно сказать, что данные определения указывают на парламентскую систему организации и функционирования верховной государственной власти при разделении ее законодательных и исполнительных функций. Например,

Р. М. Романов утверждает, что одним из критериев парламентаризма является приоритет законодательных органов перед исполнительными и судебными органами власти [14]. Но подобную определяющую роль в государственной системе парламент играет только в парламентских республиках и парламентских монархиях, когда правительство формируется парламентом и ответственно перед представительным и законодательным органом. В этом случае парламентаризм невозможен в президентских республиках, когда президент формирует правительство, и оно ответственно перед ним (США, Российская Федерация и др.), а также в парламентско-президентских республиках, где правительство формирует президент, а оно ответственно и перед президентом и перед парламентом (Австрия, Франция, Финляндия и др.). В тоже время в связи с тем, что общественные процессы усложняются, во многих развитых и развивающихся странах приоритетное положение отдается не законодательной, а исполнительной власти [15, с. 27]. То есть приведенные выше определения понимают парламентаризм в узком смысле: через верховенство, привилегированное положение парламента, ответственность правительства перед ним [16]. Можно сказать, что данные определения парламентаризма носят ограничительный характер.

В широком смысле под парламентаризмом понимается система организации и функционирования верховной государственной власти, характеризующейся разделением законодательной и исполнительной функций при существенной роли парламента [17]. Некоторые исследователи отмечают, что это «...особая система руководства обществом, которая характеризуется разделением труда законодательного и исполнительного при существенной идеологической роли парламента» [18, с. 360].

В тоже время в понятии «парламентаризм» заключен и существенный мировоззренческий аспект. Он может существовать только тогда, когда граждане государства оценивают его как положительное явление, принимают в качестве центра принципов существования и основного способа функционирования представительной демократии, воспринимают такие явления как парламентская дискуссия, идеологический плюрализм, многопартийность, разделение полномочий. То есть нужен определенный уровень политико-правовой культуры граждан.

Некоторые авторы останавливаются именно на ценностных характеристиках. Например, в интерпретации О. О. Миронова парламентаризм характеризуется как сложный и многогранный феномен, некая шкала социальных ценностей, где господствует закон, утвердились принципы верховенства права и разделения властей, где гражданское общество характеризуется демократизмом и высокой политико-правовой культурой [14].

А. Д. Керимов рассматривает парламентаризм как сложное иерархическое явление, функционирующее на трех уровнях: на уровне парламента; на уровне взаимодействия парламента с другими институтами государственной власти (причем парламент должен иметь возможность реально осуществлять свои функции) и на уровне политической, правовой и общей культуры общества (когда интеллектуальный и образовательный уровень и власть имущих и простых граждан, позволяет им рассматривать парламентаризм как позитивное явление) [19, с. 116].

Белорусский исследователь А. В. Горелик определяет парламентаризма как институт, который через механизм свободных выборов способствует вывлению, согласованию и реализации интересов различных социальных слоев

и групп [20, с. 81], а Т. Ф. Милова как одну из форм демократии и способ реализации свободы [21, с. 11].

Помимо рассмотренных можно привести и другие трактовки парламентаризма: одна из непреложных ценностей конституционализма [22, с. 116]; способность представительного органа власти свободно обсуждать и принимать политические решения в форме законов [16, с. 21]; система управления при которой законодательная и исполнительная деятельность органов власти специализирована, а депутаты работают на профессиональной основе [23, с. 359] и др.

Некоторые исследователи рассматривают парламентаризм как исторический процесс оформления народного представительства в парламентское учреждение и становление парламента ведущим органов в системе государственной власти [23, с. 359].

С. А. Авакьян отмечает, что парламентаризм можно рассматривать как идейно-теоретическую концепцию, которая служит для научного обоснования необходимости существования и функционирования парламента как института, приоритетности его полномочий в законодательной сфере и ценности представительного правления для любого демократического государства [24, с. 430]. Н. Ю. Арутюнян подчеркивает, что парламентаризм можно рассматривать в широком и узком смыслах. В широком, как духовное, политико-правовое явление, как совокупность определенных знаний, идей и принципов, в узком – как парламентскую деятельность в своих политико-правовых содержаниях, в условиях различных форм правления [25, с. 14].

Парламентаризм, с точки зрения политической теории, является формой представительной демократии. В данном значении он практически отождествляется с такими ценностями демократии как верховенство закона, первостепенное значение прав личности в отношении с государством, наличие гражданского общества с высоким уровнем политической культуры граждан. Это институциональный механизм, обеспечивающий представительство воли и интересов народа или отдельных групп населения в законодательных органах власти [26]. Авторы учебника «Парламентское право России» рассматривают парламентаризм как систему управления в государстве, которая предполагает выборы парламента, его ведущую роль в системе органов государства, выполнение законодательных, кадровых и контрольных функций, использование парламентских форм деятельности на основе состязательности и сотрудничества парламентариев, которые представляют различные слои общества. Также отмечается поливариантность государственной практики [27, с. 15–16].

Рассматривая такой сложный феномен как парламентаризм, необходимо учитывать, что это с одной стороны комплексная составляющая законодательной власти, многофункциональная подсистема и составная часть разветвленной политической системы. С другой стороны, парламентаризм является достаточно неустойчивым и динамичным явлением, на которое влияют особенности общественно-политической жизни конкретной страны, национальные традиции и политическая культура населения и даже исторический момент.

Отдельного внимания заслуживают определения, рассматривающие парламентаризм через совокупность его признаков. А. Дайси считал, что основными чертами парламентаризма являются:

- 1) всемогущество представительного органа, которое основывается на том, что его ограничивает только общественное мнение;

2) право парламента при помощи закона регламентировать все общественные отношения и вмешиваться не только в государственные, но и в частные дела [3].

Л. А. Нудненко среди признаков парламентаризма называет: выборность парламента; представительный характер парламента; коллегиальность парламента и коллективное решение вопросов; работа депутатов на профессиональной основе [28, с. 382–383].

С. А. Авакьян обращает внимание на следующие черты: освобождение депутатов от основных производственных функций; депутатство как профессия и социальное состояние; определенный круг дел законодательного и представительного органа: определенные формы, методы и стиль работы парламента [29, с. 26–29].

По мнению А. В. Зиновьева, основными чертами парламентаризма являются: демократизм формирования и деятельности парламента; подотчетность парламента народу; реальная полнота власти парламента; представительный характер парламента [30].

По нашему мнению, парламентаризм можно охарактеризовать как политический институт, обеспечивающий взаимодействие избранного на основе общепризнанных демократических процедур народного представительства (парламента) с другими органами государственной власти, отражающий его особое положение в государственной системе и реализующий сотрудничество государства с гражданским обществом.

Рассматривая парламентаризм как сложный политический феномен можно выделить основные структурные элементы:

- функционирование центрального законодательного и представительного учреждения;
- взаимодействие парламента с другими органами государственной власти в рамках системы разделения властей;
- работа депутатов на профессиональной основе;
- политическая культура общества.

Таким образом, на сегодняшний день не сложилось общепринятого определения парламентаризма, что свидетельствует о его многогранности. Изучение различных подходов позволяет проследить эволюцию взглядов на парламентаризм от принципа верховенства парламента до расширения его форм через включение таких категорий как представительный характер парламента, выборы, профессиональная основа работы парламентариев. Парламентаризм – это сложный исторический феномен, в основе которого заложены такие взаимосвязанные элементы как наличие реально функционирующего парламента, действующего в системе разделения властей, на основе верховенства права; формирование парламента путем выборов с участием всех слоев населения и политических партий (для обеспечения широкого представительства); взаимодействие парламента с институтами гражданского общества и его информационная открытость.

Список использованных источников

1. Шмитт, К. Политическая теология: сб.: пер. с нем. / К. Шмитт; Ин-т социологии РАН, Моск. высш. шк. соц. и эк. наук. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. – 333 с.
2. Парламентское право России / под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. – М.: Юрист, 1999. – 321 с.

3. Дэйси, А. В. Основы государственного права Англии / А. В. Дэйси. – М., 1905. – 659 с.
4. Танцура, М. С. Парламентаризм в современной России: становление и динамика: дис. ... канд. полит. наук: 23. 00. 02 / М. С. Танцура. – Владивосток, 2005. – 168 с.
5. Котляревский, С. Сущность парламентаризма / С. Котляревский // Новое время. – 1994. – № 14. – С. 56–58.
6. Крылов, Б. С. Парламент буржуазного государства. Политическая сущность и формы парламента и парламентаризма на современном этапе / Б. С. Крылов. – М.: Изд-во ИМО, 1963. – 355 с.
7. Моргунова, М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика / М. А. Моргунова. – М.: Изд. центр РГГУ, 2001. – 348 с.
8. Страшун, Б. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Б. А. Страшун. – М., 1995. – 354 с.
9. Cheibub, J. A. Democratic institution and regime survival: Parliamentary and Presidential Democracies Reconsidered / J. A. Cheibub, F. Limongi // Ebsco [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: <http://web.ebscohost.com/ehost/pdf?vid=9&hid=108&sid=ed3b99c8-8b31-4e80-84af-42eba04f0255%40sessionmgr104/>. – Date of access: 14.12.2009.
10. Fish, M. S. Stronger legislatures, stronger democracies / M. S. Fish // Proquest [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=2&did=982179921&SrchMode=2&sid=2&Fmt=4&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1260613389&clientId=53220>. – Date of access: 14.12. 2009.
11. Мишин, А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / А. А. Мишин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Белые альфы, 1996. – 398 с.
12. Парламентаризм: обеспечение законодательных (представительных) органов власти / В. В. Бакушев, В. Н. Лихачев [и др.]; под науч. ред. В. В. Бакушева, В. Н. Лихачева. – М.: РеалПринт, 2015. – 744 с.
13. Гавриленко, В. Г. Парламентаризм / В. Г. Гавриленко // Большой энциклопедический словарь «Право и политика». – Минск, 2001. – 1000 с.
14. Романов, Р. М. Понятие и сущность парламентаризма / Р. М. Романов // Социально-политический журнал. – 1998. – № 4. – С. 210–225.
15. Керимов, А. Д. Понимание парламентаризма и перспективы его развития в России / А. Д. Керимов // Гражданин и право. – 2002. – № 7–8. – С. 25–33.
16. Евзеров, Р. Я. Парламентаризм и разделение властей. Судьба понятий / Р. Я. Евзеров // Обществознание в школе. – 1999. – № 4. – С. 18–25.
17. Шеховцов, В. А. Становление отечественного парламентаризма / В. А. Шеховцов // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт: материалы науч. конф., Москва, 21–23 марта 2002 г. / МГУ; редкол.: С. А. Авакян. – М., 2003. – С. 46–52.
18. Алексеева, М. В. Конституционное право: учебник для бакалавров / М. В. Алексеева, М. Б. Смоленский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. – 541 с.
19. Керимов, А. Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности / А. Д. Керимов. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 190 с.
20. Горелик, А. В. Представительная власть в Беларуси в контексте общемировой практики парламентаризма / А. В. Горелик // Место и роль Национального собрания Республики Беларусь в конституционной системе разделения властей: материалы науч.-теорет. конф., Минск, 16 дек. 2008 г. / Ин-т парламентаризма и предпринимательства; редкол.: В. А. Божанов [и др.]. – Минск, 2008. – С. 81–82.
21. Горелик, А. В. Парламент как форма представительства интересов: современный взгляд на проблему (по материалам круглого стола): сб. науч. ст. / А. В. Горелик; Ин-т

парламентаризма и предпринимательства. – Минск, 2008. – Вып. 6: Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития. – С. 2–19.

22. *Амандыкова, С. К.* Становление парламентаризма как одна из ценностей казахстанского конституционализма / С. К. Амандыкова // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт: материалы науч. конф., Москва, 21–23 мар. 2002 г. / МГУ; редкол.: С. А. Авакьян [и др.]. – М., 2003. – С. 116–125.

23. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата / С. В. Васильева, В. А. Виноградов, В. Д. Мазаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – 560 с.

24. *Авакьян, С. А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – Т. 2. – 907 с.

25. *Арутюнян, Н. Ю.* Парламентаризм в трансформации общественно-политической жизни Республики Армения: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Н. Ю. Арутюнян; Ин-т нац. стратег. исслед. им. Д. Канаяна МО РА. – Ереван, 2013. – 32 с.

25. *Олейник, И. И.* Парламентаризм в системе народного представительства [Электронный ресурс] / И. И. Олейник // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2019. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentarizm-v-sisteme-narodnogo-predstavitelstva/viewer>. – Дата доступа: 12.02.2021.

26. Парламентское право России / Т. Я. Хабриева [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 400 с.

27. *Нудненко, Л. А.* Конституционное право России / Л. А. Нудненко. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 500 с.

28. *Авакьян, С. А.* Федеральное Собрание – парламент России / С. А. Авакьян. – М.: Российский юрид. издат. дом, 1999. – 432 с.

29. *Шульженко, Ю. Л.* Понятие «парламентаризм» в современной отечественной науке [Электронный ресурс] / Ю. Л. Шульженко // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2017. – № 5(63). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-parlamentarizm-v-sovremennoy-otechestvennoy-nauke>. – Дата доступа: 12.02.2021.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

П. А. Баракхвостов

Белорусский государственный экономический университет, Минск

P. A. Barakhvostov

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 1:304.5

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ФРОНТИРОВ (НА ПРИМЕРЕ ОСМАНСКОЙ ВЕНГРИИ)

THE FORMATION AND EVOLUTION OF THE CIVILIZATION FRONTIER (ON THE BASIS OF THE CASE OF OTTOMAN HUNGARY)

В настоящей работе на примере Османской Венгрии в рамках интегрально-институционального подхода анализируется процесс формирования и эволюции цивилизационных фронтиров. Выделены причины низкой скорости эрозии фронтирных признаков: слияние

в пределах фронта социальных систем с различными типами доминирующих базовых институтов; отсутствие эффективного управления фронтальной территорией; имплантация одного социума в другой без межэтнической, социальной, конфессиональной миксации. Процесс формирования нового социума в данных условиях приводит к нарастанию внутренней турбулентности и, в конце концов, к распаду зарождающейся социальной системы.

Ключевые слова: цивилизация; фронт; базовые институты; институциональная матрица; Османская Венгрия.

Herein, the case of Ottoman Hungary is employed to analyze, within the integral institutional approach, the process of formation and evolution of civilizational frontiers. The reasons for the low speed of the erosion of frontier attributes are specified: merger within the frontier of systems with different types of dominant basic institutions; lack of efficient administration of the frontier territory; implantation of one society into another without proper interethnic, -social, and -religious mixing. The process of formation of the new society under such conditions leads to the ever growing inner turbulence and, ultimately, disintegration of the forming social system.

Keywords: civilization; frontier; basic institutions; institutional matrix; Ottoman Hungary.

Сложные процессы турбулентности в современном мире, попытки переформатирования геополитического пространства актуализировали проблему исследования фронтиров. Существует множество трактовок данного концепта. В соответствии с классическими работами Ф. Дж. Тернера [1], фронт – это особый вид границы, осуществляющей как пространственное, так и социокультурное разделение. Р. Биллингтон определяет фронт как «географический регион... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников» [2]. И. Я. Левяш отмечает, что «фронт – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» [3, с. 194]. В отличие от межгосударственной четко выраженной границы, это размытая область «переменной ширины» [4], характеризуемая культурной мозаичностью, «неустойчивым равновесием» [5, с. 82]. Фронтиры – это «своеобразные инкубаторы для формирования и развития новых обществ» [6, р. 14]. Какими же факторами определяется размер этой «зоны неопределенности» и характер ее эволюции? Решению данной проблемы и посвящена данная работа, в которой анализируется феномен Османско-Австрийского фронта – Венгрии времен Османского владычества. Этот случай представляет интерес, поскольку связан с опытом межкультурного взаимодействия.

Исследования базируются на неоинституциональном подходе, в соответствии с которым общество представляет собой целостное интегрированное образование [7], в котором взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы (экономическая, политическая, социокультурная) равнозначны. Вся система регулируется сложной системой институтов, в котором можно выделить «ядро» – базовые экономические, политические и социокультурные институты, формирующие институциональную матрицу [8]. В ней одновременно присутствуют зародившиеся в глубокой древности и прошедшие долгий путь эволюции в соответствии с технологическими укладами два типа институтов, взаимодействующих между собой по принципу «доминантность –

компенсаторность» [9]: редистрибутивные и рыночные. Редистрибутивная модель предполагает институты редистрибуции (аккумуляции – согласования – распределения), общественно-служебную собственность, общественный/служебный труд, жалобы как институт обратной связи, унитарно-централизованное политическое устройство и элементы коммунитарного мировоззрения. Модель рынка – это отношения купли-продажи, частная/личная собственность, наемный труд, прибыль как институт обратной связи, федеративные начала государственного устройства, примат личности в основе мировоззрения [10].

Таким образом, фронтальные процессы можно рассматривать как взаимодействие институциональных матриц двух (или более) социальных систем. На примере Османской Венгрии выделим особенности динамики этого взаимодействия.

В течение XIV–XV веков христианский Запад столкнулся с серьезным вызовом – нашествием османов, стремившихся расширить свои территории с целью предоставления новых земель сипахам (составлявшим могущество армии), янычарам, многочисленным военным и гражданским служивым. Их главной целью была Вена, но на пути к ней располагалась Венгрия. Страна была ослаблена распрями между сторонниками короля, крупными феодалами, желавшими большей самостоятельности, и более бедным дворянством, объединившимся с зарождающейся городской буржуазией. Попытки решения кризиса за счет отмены налога на содержание армии и, как следствие, ее роспуска обусловили поражение Венгрии в столкновении с османами [11, p. 172].

Согласно договору между Венгрией и Австрией, в случае смерти венгерского короля Лайоша трон должны были унаследовать Габсбурги. Однако после его гибели часть венгерской знати отказалась признавать это соглашение и выбрала своим королем Яноша Запольяи. Таким образом, в результате раскола элит в течение последующих 150 лет Венгрия оказалась разделенной на три части: западные и северные районы (Королевская Венгрия) вошли в состав империи Габсбургов; центральные и южные области, включая столицу Буду, оказались под властью Османской империи; на востоке же образовалось княжество Трансильвания с Я. Запольяи во главе, платившее дань турецкому султану, но сохранившее широкую автономию во внутренних делах.

Таким образом, *пре*-стадией формирования фронта является распад социальной системы вследствие как внешних (натиск сильного врага), так и внутренних причин (раскол элит, обусловивший ослабление государства и его неспособность противостоять вторжению) и возникновение пространственного контакта «центров силы». Фронтализации подверглись как Королевская, так и Османская Венгрия, однако только в последнем случае имело место формирование цивилизационного фронта, особенности эволюции которого рассмотрим более подробно.

Первой стадией фронтализации Маджаристана (турецкое название Османской Венгрии) стало формирование военного фронта, что выразилось в массовом перемещении населения из района между Веной и Будой. Это было обусловлено разрушениями, причиненными непрекращающимися стычками враждующих османов и венгров, эмигрировавших на сопредельные австрийские территории. Кроме того, Султан Сулейман взял почти 100 000 венгров – в основном, женщин и детей – и продал их в рабство в Стамбуле в качестве устрашения тем, кто будет сопротивляться османскому завоеванию [12, p. 239].

Второй стадией фронтиризации стало оформление административно-территориального деления по османскому образцу и установление особых военизированных форм управления. Новоприобретенные земли были разделены на два вилайета (провинции) – Буда и Темешвар. Позднее (в XVII веке) образованы два маленьких вилайета Эгер и Канижа. Буда, значительно превышавшая по размерам и численности населения другие провинции, была разделена на двенадцать санджаков. Каждым вилайетом руководил паша, а паша Буды являлся Верховным правителем Маджаристана [13, р. 42].

Османь построили иерархическую систему управления Венгрией, что соответствовало институциональной матрице Османской империи с доминирующими базовыми институтами редистрибутивного типа: Верховный правитель (представитель Султана в Маджаристане) – паша – управляющий санджаком бей – управляющие на местном уровне сипахи [13].

Наряду с указанным военным управлением, в Османской Венгрии существовала вторая ветвь власти, представленная Муфтием Буды и кади, которые следили за соблюдением законов шариата. Суд Муфтия Буды стал судом последней инстанции не только для местных мусульман, но и для венгров-католиков [14, р. 194]. Кади представляли османский закон на местном уровне, выступая как судьи для мусульманской и христианской общин.

Третья стадия фронтиризации – перенесение (трансплантация) на новые территории османских экономических институтов, в частности, внедрение тимарной системы [15]. Официально теперь все новоприобретенные земли принадлежали султану, который передавал их местным османам во временное пользование за несение государственной службы. При этом тимариот, получивший надел, являлся владельцем не территории, занимаемой деревней, и крестьян, населяющих данную деревню (в отличие от венгерской знати, османь не считали крестьян крепостными, предоставив им ограниченные права на свою землю, например, возможность передать ее своим наследникам); он становился получателем дохода от сбора налогов с крестьян этой деревни. В обмен на это тимариот, помимо несения воинской службы, осуществлял надзор за соблюдением правил землепользования, своевременным выполнением полевых работ и сбором налогов. В Маджаристане выделялись три типа земельных пожалований: самые крупные (составляли 20 % новоприобретенных территорий) – хассы с годовым доходом более 100 тысяч акче; средние (10 % новых земель) – зеаметы с годовым доходом от 20 до 100 тысяч акче; тимары (40 % новых территорий) с доходом менее 20 тысяч акче [16]. Большинство хассов владел султан, и доход от них поступал непосредственно в Стамбул. Остальными хассами владели паши и беи. Зеамет и тимар – пожалование небольшое, однако в дополнение к нему тимариот имел право на получение пахотных и сенокосных угодий в размере одного чифта (от 0,65 до 1,4 га, в зависимости от качества земли), использование приусадебного участка, общинного выгона, гумна и т. п. [16] Кроме того, он имел неперпериодический доход в виде военной добычи.

Следует отметить, что сипахи и займы не считали свои земельные пожалования пожизненным источником дохода, их можно было отобрать в любое время. Вследствие этого местные османские правители были ориентированы на краткосрочную прибыль, их мало заботило состояние крестьян.

Установление тимарной системы обусловило полную эмиграцию венгерской знати на территорию, контролируемую Австрией.

Кроме того, Османская империя внедрила на территории Венгрии свою налоговую систему [12; 16]. Все немусульмане, владеющие более чем 300 акче собственности, должны были платить подушный налог. Кроме того, был введен налог на собственность (25 акче за каждую дверь каждого строения, которым они владели). Более того, крестьяне должны были платить натуральный налог на сельскохозяйственную продукцию (как правило, 1/30 всего урожая, но это число по желанию сипаха могло доходить до 1/10). В дополнение к этому османы могли начислять дополнительные налоги, в частности на овец и свиней, использование пастбищ и т. д. Кроме того, сохранилась десятина (10 % от общего объема производимой крестьянами сельскохозяйственной продукции), однако теперь она шла в османскую казну в Буде. Следует однако отметить, что некоторые венгерские экономические институты сохранились, в частности, освобождаясь от налогообложения те, кто не платил их и при венграх.

Важным шагом османов стала переориентация экономики. Наличие милитарного фронта практически полностью уничтожило производство зерна и виноделие. Однако османы внедрили в Венгрии животноводство, уделив особое внимание крупному рогатому скоту, налог на содержание которого был значительно ниже, чем для других домашних животных [16, р. 207]. Кроме того, остановилось почти все текстильное и ремесленное производство. Османы не были заинтересованы в его восстановлении. Вместо этого они завозили товары (до 88 % всего импорта) из других регионов Османской империи [17, р. 22].

Четвертая стадия фронтиризации – перестройка социокультурных институтов. Главной целью османов стала исламизация местного населения. Однако проводимая политика не позволила ее достичь. Вследствие внедрения тимарной системы венгерская знать полностью эмигрировала. Для крестьянства же внедряемые законы шариата были чужды. Не нашли поддержки для себя османы и в крупных городах, вынудив жителей немецкого или венгерского происхождения (которые составляли подавляющее большинство) покинуть их или жить за городскими стенами. Кроме того, чрезвычайно слабой была мусульманская община, состоящая, главным образом, не из турок, а из новообращенных боснийцев, не получавших значимые должности в империи и, следовательно, не стремящихся интегрироваться в имперское сообщество. Мусульмане Османской Венгрии существовали как имплантированный социум, почти полностью пространственно и культурно отрезанный от остального населения. Этими факторами объясняется тот факт, что массовой исламизации в Маджаристане не произошло. Тем не менее, изменения в религиозной жизни имели место: к началу XVII века до 90 % венгров, проживавших на территории Османской империи, обратились в ту или иную форму протестантизма [18, р. 94].

Таким образом, в Венгрии сложился социокультурный фронт. Тем не менее, он не был абсолютно непрозрачным. Венгры многому научились у турецких кожевников, гончаров и оружейников. Например, сапоги, вошедшие в состав венгерского национального костюма, – обувь турецкого происхождения. Кроме того, в венгерской вышивке и орнаменте можно увидеть турецкие элементы.

Пятая стадия – эрозия фронтирных признаков. Если этот процесс происходит достаточно интенсивно, охватывая все измерения, как это было, например, в случае завоевания Сибири Россией, фронт интегрируется в общестрановое пространство. Однако можно привести примеры цивилизационных фронтиров другого типа – с низкой скоростью эрозии фронтирных признаков. К их числу

следует отнести Османскую Венгрию. Характерные особенности подобных цивилизационных фронтиров: предполагается слияние институциональных матриц с различными доминирующими базовыми институтами; отсутствует эффективное управление, что обусловлено нежеланием встраивать новые институты в существовавшую ранее систему, учитывать местные особенности; имеет место имплантация одного социума в другой без межэтнической, социальной, конфессиональной миксации.

Процесс формирования нового социума в данных условиях приводит к нарастанию неопределенности, внутренней турбулентности. В Османской Венгрии ее признаками стали: необходимость чрезмерно большого войска для поддержания своей власти (к концу XVI века в османской армии служило 38 000 человек, из них – 25 000 в «фронтирной» Венгрии [19, р. 143–145]) при неспособности их содержания как центральной, так и местной властью; попытка решения данной проблемы путем предоставления тимаров наемникам за счет уменьшения земельных пожалований сипахам, что вызывало недовольство последних и отказ от службы. Усиление турбулентности привело к распаду войска, мусульманской общины и, в конце концов, зарождающейся социальной системы. Австрийцы вытеснили османов из Буды в 1686 г.

Таким образом, в эволюции цивилизационного фронта можно выделить следующие стадии: формирование зоны пространственного контакта (милитарного фронта); оформление административного-территориального деления по образцу титульного социума и установление особых военизированных форм управления; трансплантация экономических и социокультурных институтов; эрозия фронтирных признаков и дефронтиризация (либо распад зарождающейся социальной системы).

В заключение отметим, что формирование цивилизационного фронта в Венгрии оказало большое воздействие на развитие европейского континента, побудив к объединению. Европа, вышедшая из конфронтации XVI века с исламом, встала на путь политического, религиозного и культурного плюрализма.

Список использованных источников

1. *Turner, F. J.* The Significance of Sections in American History [Electronic resource] / F. J. Turner. – Mode of access: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>. – Date of access: 15.01.2021.
2. *Billington, R. A.* America's Frontier Heritage / R. A. Billington. – University of New Mexico Press, 1975. – 320 p.
3. *Левяш, И. Я.* Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты / И. Я. Левяш // Диалог культур в эпоху глобальных рисков / под ред. А. В. Данильченко. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 193–196.
4. *Semple, E. C.* Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthro-geography [Electronic resource] / E. C. Semple. – Mode of access: <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>. – Date of access: 15.01.2021.
5. *Замятина, Н. Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 75–88.
6. *Kopytoff, I.* The African Frontier: the Reproduction of Traditional African Societies / I. Kopytoff. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1987. – 213 p.
7. *Парсонс, Т.* Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. – М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462–525.

8. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию / С. Г. Кирдина. – СПб.: Нестор История, 2014. – 468 с.

9. Polanyi, K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity) / K. Polanyi. – N.Y.: Academic press, 1977. – 280 p.

10. Борщ, Л. М. Концепция институциональной организации общественных отношений редистрибутивной и рыночной экономик / Л. М. Борщ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 8-1. – С. 144–151.

11. From Hunyadi to Rákóczi: War and Society in Late Medieval and Early Modern Hungary / Béla K. Király, János M. Bak (eds.). – N.Y.: Brooklyn College Press, 1982. – 545 p.

12. Bayerle, G. One Hundred Fifty Years of Frontier Life in Hungary / G. Bayerle // From Hunyadi to Rakoczi: War and Society in Late Medieval and Early Modern Hungary. – N.Y.: Brooklyn College Press, 1982. – P. 227–242.

13. Sugar, P. F. South Eastern Europe under Ottoman Rule. 1354-1804 / P. F. Sugar. – Seattle: University of Washington Press, 1977. – 384 p.

14. Agoston, G. Muslim Cultural Enclaves in Hungary Under Ottoman Rule / G. Agoston // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1991. – V. XLV. – P. 181–204.

15. Новичев, А. Д. К истории рабства в Османской империи. Система девширме / А. Д. Новичев // Тюркологический сборник 1976. – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – С. 88–108.

16. Kaldy-Nagy, J. The Administration of the Saniaq Registrations in Hungary / J. Kaldy-Nagy // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1968. – V. XXI. – P. 181–223.

17. Zimany, V. Economy and Society in Sixteenth and Seventeenth Century Hungary / V. Zimany. – Budapest: Akademiai Kiado, 1987. – 119 p.

18. Szakály, F. The Early Ottoman Period Including Royal Hungary (1526–1606) / F. Szakály // A History of Hungary / P. F. Sugar (ed.). – Bloomington: Indiana University Press, 1990. – P. 83–99.

19. Hungarian-Ottoman Military and Diplomatic Relations in the Age of Suleiman the Magnificent / Géza Dávid, Pál Fodor (eds.). – Budapest: Hungarian Academy of Science, Institute of History, 1994. – 210 p.

(Дата подачи: 01.02.2021 г.)

Д. В. Белявцева

Белорусский государственный университет, Минск

D. Bialiautsava

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.174

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И РЕГИОНАМИ В УНИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

EVOLUTION OF RELATIONS BETWEEN THE CENTER AND REGIONS IN UNITARY STATES

Статья посвящена выделению современных направлений и форм развития отношений между центральной и региональной властью в унитарном государстве. Анализируются основные подходы к исследованию проблемы, сформулированные в теории федерализма, концепциях многоуровневого управления, регионализма и государственного строительства. Выявляются формы перераспределения управленческих полномочий

между центром и регионами в европейских странах. Определяются факторы, влияющие на выбор формы. Делается вывод о возможности их применения в Республике Беларусь.

Ключевые слова: региональная власть; местная власть; отношения «центр-регион»; регионализм; децентрализация; деконцентрация; деволюция; унитарное государство.

The article is devoted to the allocation of modern directions and forms of development of relations between the central and regional authorities in a unitary state. The main approaches to the study of the problem, formulated in the theory of federalism, the concepts of multilevel governance, regionalism and state-building are analyzed. The forms of redistribution of administrative powers between the center and regions in European countries are revealed. The factors influencing the choice of the form are determined. The conclusion is made about the possibility of their application in the Republic of Belarus.

Keywords: regional power; local power; «center-region» relations; regionalism; decentralization; deconcentration; devolution; unitary state.

Одним из ключевых инструментов поддержания единства общества в условиях обострения экономических, экологических, гуманитарных проблем, усложнения и интенсификации информационных потоков является выстраивание эффективного функционирования вертикального и горизонтального уровней управления обществом. Применительно к проблеме государственного строительства в унитарных государствах речь может идти о перераспределении полномочий между центром и регионами, а в плане укрепления связей между элементами организации управления – о возрастании роли органов регионального и местного самоуправления. Таким образом, поиск направлений эволюции региональной власти и трансформации национальной модели отношений между центральным и региональным уровнем управления политическим пространством приобретает исключительную актуальность для унитарных государств, в том числе и Республики Беларусь.

Теоретические аспекты указанной проблемы представлены в исследованиях российских, отечественных (Р. Г. Абдулатипов, Л. Ф. Болтенкова, И. М. Бусыгина, Г. А. Василевич, В. Н. Ватыль и др.) и зарубежных авторов (Г. Балдершейм, Г. Вольман, К. Дуве, Н. Керстинг, М. Китинг и др.) и прослеживаются в практике реформирования системы территориально-политического управления ряда государств. В данной статье мы выделим современные тенденции эволюции отношений «центр – регион» и определим перспективы их реализации в Республике Беларусь.

В рамках анализа отношений между центром и регионами мы будем исходить из следующих положений. Изучение территориально-политической системы государства предполагает выявление особенностей распределения управленческих полномочий между центром, аккумулирующим общенациональные политико-административные функции и регионом, представляющим интересы административно-территориальной единицы первого уровня (область). Кроме региональной власти в управлении территориально-политической системой участвует местная власть, располагающаяся на более низком управленческом уровне, чем региональная (районная, поселковая и т. д.).

Выстраивание организации региональной власти в унитарном государстве происходит в рамках двух основных моделей: континентально-европейской и англосаксонской. Различия между ними лежат в плоскости развития самоуправления и процедуры формирования органов управления территориального

сообщества. Будучи инструментом для анализа национальных моделей они позволяют выявлять особенности структуры региональной власти в конкретном государстве. С точки зрения структуры организация региональной власти в Республике Беларусь соответствует континентальной модели. У нас присутствуют и органы самоуправления, и органы, представляющие центральную власть. Тем не менее, практика развития простых по форме государственных образований свидетельствует, что трендом становится политика децентрализации, формирование региональных властей на основе принципов выборности, своеобразная «федерализация» унитарных государств. Присутствует и политика жесткой централизации. Это дает основание ряду авторов говорить о таких моделях, как квази-федеративная и централизованная [1].

Обратимся к теоретическим исследованиям федерализма, многоуровневого управления, регионализма и процессов государственного строительства. Они рассматривают указанную проблему в рамках процессов вертикального перераспределения полномочий между различными слоями правительства, процессов регионализации и региональной интеграции. В американской политико-правовой науке, долгое время доминирующим в вопросе трактовки федеративной структуры был тезис о том, что федерализм есть совокупность равноправных уровней власти (центральной и региональной). Анализ институциональной структуры осуществлялся с применением структурно-функционального и системного подходов. К концу XX в. модель пирамиды, соответствующая строго централизованному унитарному обществу, и модель «центр-периферия» – федерации строго централизованного типа теряют свою актуальность для анализа процессов государственного строительства. Все структуры, входящие в систему, и большие и маленькие становятся равными и способными к трансформации в соответствии с вызовами внешней среды [2, с. 112]. Формируется концепция «нового федерализма», предполагающая учет идеологических и ценностных составляющих развития общества.

Чем изыскания, осуществляемые в рамках федерализма, могут быть полезны для формирования отечественной модели эволюции отношений между центром и регионами? В исследовательской литературе присутствует тезис о том, что федерализм, предусматривая существенный уровень политической автономии и самоуправления для различных территорий и групп, обладает более широким спектром возможностей адаптации к процессам глобализации, нежели «жестко» централизованное унитарное государство.

Очевидно, что территориально-политическое устройство каждого государства, в первую очередь, отвечает принципу целесообразности. С одной стороны, все унитарные государства не могут быть трансформированы в федеративные. Как утверждал У. Ливингстон, «именно территориальная сгруппированность разнообразия и обуславливает потребность в федеративной системе управления» [3, р. 2]. С другой, сегодня даже малые государства, ранее не отличавшиеся региональным разнообразием, демонстрируют существенные различия местных интересов. По меткому выражению У. Райкера, федерализм возникает там, где существуют мотивы «экспансии» или «обороны» [4].

Представления о федерализме как человеческих взаимоотношениях и нецентрализованном управлении [5, р. 5], комплексе идей, а не реальном государственном устройстве [6] позволяют включить их в корпус исследований, содержащих подходы для решения проблемы эволюции отношений между

различными уровнями власти, и унитарных государств. В рамках указанной трактовки в процедуру принятия решений на национальном уровне может быть включена как минимум региональная власть [7, с. 16]. На наш взгляд, в такой интерпретации федерализм выступает как стратегия общенациональной правящей элиты по формированию территориально-политического пространства, способствующая укреплению единства общества.

Развивая тезис о федерализме как нецентрализованном управлении А.Тарр, подчеркивает, что интеграция (единство) общества обеспечивается доминирующими ценностями и не коррелирует напрямую с объемом самостоятельности и властных полномочий у территориальных образований [8]. Иными словами, в условиях экономической турбулентности и наличия прочной национальной идеи, «федерализация» унитарного государства возможна как реформирование не только системы административно-территориального деления, но и эволюция, пошаговая трансформация региональной власти через развитие и поддержку формальных и неформальных управленческих практик на разных уровнях, способных эффективно реагировать на внешние вызовы. Указанные процессы являются сопряженными, функционально взаимосвязанными.

Итак, для «федерализации» значимым условием оказывается наличие определенной национальной идеи или нейтральной политической культуры, способной принять новые композиционно-институциональные механизмы и отношения и сделать их дееспособными. Как отмечает белорусский исследователь В. А. Мельник, «национальная идея... не освобождает нацию от неустанной, ни на миг не прекращающейся работы по сохранению и воспроизводству себя... Это – непреходящая задача жизнедеятельности нации, всех созданных ею институтов» [9, с. 54]. Угрозу процессу перераспределения управленческих полномочий чаще всего несут радикализм, тоталитаризм, технократизм и этнический национализм, которые присутствуют в большинстве стран в латентном виде. Они могут быть мобилизованы в условиях экономической и социальной нестабильности, в том числе посредством неконтролируемых информационных потоков. Для Республики Беларусь, на наш взгляд, на сегодняшний момент наибольшую проблему может составлять идеология технократизма, предполагающая простое копирование моделей, выработанных в других странах и пренебрегающая сложившимися в обществе ценностями и культурно-историческими особенностями.

По мнению европейских федералистов, появление в повестке дня вопроса о необходимости перераспределения полномочий между разными уровнями власти может трактоваться как индикатор дефицита легитимности государства в целом, обострившегося из-за чрезмерной централизации. Таким образом, представляется, что сохранение целостности государственного образования лежит в плоскости изменения композиции взаимоотношений между различными уровнями власти, а «федерализация» есть инструмент снятия чрезмерной нагрузки на центральные институты, стабилизации общественно-политического развития государства в целом и увеличения степени доверия к нему.

Основной целью эволюции системы управления политическим пространством любого уровня является создание возможностей для достижения результатов во внешней среде. Оптимизация частных функций в этой связи не приводит к оптимизации целого. Например, в большинстве унитарных государств существует проблема различий между столицей и регионами. Присутствует она

и в Беларуси, являясь одной из очевидных особенностей регионализма. Чаще всего организации управления такой моделью региона как столица присущи исключительные полномочия. Но это не решает проблему сбалансированности отношений «центр – регион» в масштабах всего государства. В какой же форме возможна «федерализация» в унитарном государстве? Какие композиционно-институциональные механизмы и отношения могут быть использованы в практике эволюционного развития отношений между центром и регионами в Республике Беларусь?

В политико-правовых исследованиях проблема перераспределения управленческих полномочий описывается в терминах «децентрализация», «деконцентрация» и «деволюция» [10–13]. С точки зрения проблемы «федерализации» государственного управления наиболее общим термином для описания процесса перераспределения полномочий выступает «децентрализация». В научной литературе она рассматривается в соотнесении с понятиями «власть» и «полномочия». Деконцентрация и деволюция определяются как формы или этапы децентрализации [14].

Деконцентрация предполагает передачу части полномочий от центральных властей в компетенцию органов управления, которые находятся в подчинении центральных. Практика осуществления деконцентрации в европейских государствах привела к созданию равноправных условий для органов власти на местах [15, с. 176]. Присутствует также мнение о том, что деконцентрация – это «бюрократическая децентрализация» [16, с. 378]. Но в целом можно утверждать, что деконцентрация государственного управления предполагает развитие местной власти и отличается от децентрализации с точки зрения институциональных и договорных оснований.

Деволюция чаще всего трактуется как передача власти от центрального правительства подчиняющимся ему региональным учреждениям. Органы, созданные в результате, образуют промежуточный уровень между центральными и местными органами власти. Деволюция не имеет своим следствием создание суверенных органов власти. Обязанности и компетенция региональных органов определяются центральными властями. В связи с этим, представляется, что деволюция может иметь обратное развитие.

Выделяют различные виды деволюции: административная, законодательная, бюджетная. По мнению М. Качоровской, административная – является наиболее ограниченной формой, поскольку региональные учреждения лишь осуществляют политические программы, подготовленные и утвержденные в других местах. Законодательная – включает создание выборных региональных ассамблей с полномочиями по разработке политики по отдельным направлениям и может приводить к определенной степени финансовой независимости и приобретать форму автономии [17, с. 107–184]. На наш взгляд, с одной стороны, деволюция выступает как наиболее «мягкий» инструмент реформирования региональной власти, позволяющий поэтапно осуществлять ее эволюцию. С другой стороны, как подчеркнул Ж. Ведель, выражается «в передаче властных полномочий ... органам, большей частью – избираемым населением» [18, с. 392]. Иными словами, ее результатом являются радикальные изменения в унитарной государственной системе, приближающие унитаризм к федерализму. При условии выраженной территориальной сгруппированности разнообразия в государстве – это возможно. Данная стратегия находит свое применение в Великобритании для обозначения

процесса регионализации Уэльса и Шотландии. Сопоставимые процессы происходят в Италии и Испании. Ряд европейских государств, демонстрирующих проявления регионализма различной степени интенсивности и имеющие развитую систему самоуправления, реализуют административную деволюцию.

При всем разнообразии национальных моделей деволюция способствует усилению региональной или местной власти. К ключевым признакам, позволяющим соотнести децентрализацию и выявить в ней специфические характеристики деволюции, возможно отнести асимметричность (индивидуальность) и внутривнутриполитическую обусловленность процесса. Вряд ли можно назвать наделение столиц исключительными управленческими полномочиями административной деволюцией. Определяющими факторами деволюции выступают внутривнутриполитические. Если процессы перераспределения управленческих полномочий затрагивают все регионы в равной мере, степени и форме, а стимулом к проведению преобразований выступают экономические факторы, то в таком случае речь идет не о деволюции, а о регионализации [19, с. 43]. Таким образом, деволюция на сегодняшний день имеет ограниченные возможности встраивания в организацию региональной власти в Республике Беларусь.

Как уже подчеркивалось, проблема перераспределения управленческих полномочий между различными уровнями власти является составной частью идеологического дискурса. В рамках либеральных моделей предпочтительна децентрализация на правовых основаниях и создание квази-федерального устройства государственной власти и управления. В условиях формирования транснационального политического пространства «федерализация» является инструментом стратификации пространства, нацеленной на сглаживание контрастов между центром и регионами [20, с. 10]. Но как отмечает С. Тирней, в долгосрочной перспективе это чревато рисками формализации и утраты гибкости в функционировании системы управления, а также поддержки этой системы со стороны общества. Вопрос о выборе эффективной модели связан, прежде всего, с взвешенной оценкой возможностей той или иной формы децентрализации соответствовать социальным условиям конкретного государства во всем их многообразии с учетом легитимного управления рисками, обусловленными территориальными различиями [21, р. 238, 252]. Иными словами, указанные политические стратегии децентрализации в Республике Беларусь вряд ли могут обеспечить управляемость территориально-политической организации на этапе развития.

Важнейшей предпосылкой для реформирования данной сферы в Беларуси выступает создание условий для обеспечения исполнения решений общенациональной власти и поддержания баланса центристских и центробежных тенденций. Среди факторов, осложняющих осуществление трансформаций, – нарушение принципа равномерности в административно-территориальном делении, усиление процессов миграции, недостаточность финансирования регионов. Таким образом, изменение административно-территориального деления и перераспределение управленческих полномочий между центральной и региональной властью выступают взаимосвязанными направлениями эволюции организации управления территориально-политической системой.

Важно, чтобы дисперсия власти не превратилась в дезинтеграцию, не опирающуюся ни на какие правовые акты и решения. С учетом имеющихся на данный момент в белорусском обществе особенностей демографического, культурного,

поселенческого развития, зафиксированных по итогам переписи населения 2019 г., а также структурных изменений в экономике и региональной специфики природно-климатического характера именно деконцентрация и реформирование административно-территориального деления выдвигаются в повестку дня в среднесрочной перспективе. Деконцентрация предполагает укрепление финансовой самостоятельности региональной и местной власти и способствует повышению уровня доверия местной власти. Усиление финансовой состоятельности региональной и местного уровней возможно в Республике Беларусь не столько через элементы бюджетного федерализма, сколько через реализацию эксплицитной региональной политики и максимальное включение вопросов регионального развития в Государственные программы. Необходимо также заметить, что важным фактором, определяющим выбор направления и формы эволюции отношений между центром и регионами, является геополитический. Ибо любая национальная модель включается в мировые интеграционные процессы различного уровня.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Развитие отношений между центром и регионами – это вопрос идеологии построения государства, готовности правящей элиты, характера решаемых государством задач и их иерархии. Эволюция может быть представлена как реализация принципов деконцентрации, деволуции и децентрализации. Позиция правящей элиты прозвучала в выступлении Президента А. Г. Лукашенко на VI Всебелорусском народном собрании: «Мы должны максимально приблизить центры принятия решений к людям, обеспечить постоянную, эффективную обратную связь между властью и населением. Это должно исходить из жизни и от наших людей. Никакой надуманности быть не должно, ибо будем иметь обратный эффект от такой перестройки» [22]. В современных условиях предпочтение между централизацией и децентрализацией организации управления территориально-политическим сообществом в Республике Беларусь стимулируется экономической составляющей. Последняя, предполагает обеспечение стабилизирующей роли общенациональной власти. Представляется, что данная стратегия укладывается в политику деконцентрации, реформирования административно-территориального деления государства и повышения эффективности региональной политики.

Список использованных источников

1. *Туровский, Р. Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений / Р. Ф. Туровский. – М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2006. – 399 с.
2. *Элейзер, Д. Дж.* Сравнительный федерализм / Д. Дж. Элейзер // Полис. – 1995. – № 5. – С. 106–115.
3. *Livingston, W.* Federalism and Constitutional Change / W. Livingston. – Oxford: Clarendon Press, 1956. – 380 p.
4. *Riker, W. H.* Federalism: Origin, Operation and Significance / W. H. Riker. – Boston: Little, Brown and Company, 1964. – 169 p.
5. *Elazar, D.* Federalism and the Way to Peace Reflections Paper. 1st edition. Institute of intergovernmental Relations, 1st edition / D. Elazar. – Ontario, Canada: Queen's University Kingston, 1994. – 170 p.
6. *King, P.* Federalism and Federation / P. King. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982. – 159 p.

7. King, P. Классифицирование федераций / П. Кинг // Полис. – 2000. – № 5. – С. 6–18.

8. Tarr, G. A. Popular Constitutionalism in State and Nation / G. A. Tarr // The People's Constitutions: Popular Constitutionalism in State and Nation. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 238–280.

9. Мельник, В. А. Национальная идея или белорусская идея? / В. А. Мельник // Белорусская думка. – 2014. – № 3. – С. 52–54.

10. The Dynaics of Federalism in National and Supranational Political Systems / by M. A. Pagano, R. Leonardi. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 346 p.

11. Biela, J. Policy Making in Multilevel Systems: Federalism, Decentralisation, and performance in the OECD countries / J. Biela, A. Kaiser, A. Hennl. – Colchester: ECPR PRESS, 2013. – 242 p.

12. Federalism and Legal Unification: A Comparative Empirical Investigation of Twenty Systems (Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice) / D. Halberstam, M. Reimann, W. Mathias. – New York: Springer Science & Business Media, 2014. – 559 p.

13. Conceptualizing, Measuring, and Theorizing Dynamic De Centralization in Federations / P. Dardanelli, J. Kincaid, A. Fenna, A. Kaiser, A. Lecours, A. K. Singh // Publius: The Journal of Federalism. – 2019. – Vol. 49, iss. 1. – P. 1–29.

14. Ляпин, И. Ф. Конституционные особенности децентрализации государственной власти в России / И. Ф. Ляпин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 1 – С. 152–155.

15. Ряскова, М. В. Местное управление и федерализм в политико-административных системах / М. В. Ряскова // Проблемы управления. – 2007. – № 4. – С. 171–178.

16. Еремян, В. В. Местное управление и самоуправление в Латинской Америке / В. В. Еремян. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. – 497 с.

17. Ewolucja, dewolucja, emergencja w systemach politycznych / J. Szymanek, M. Kaczorowska, A. Rothert. – Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, 2007. – 244 s.

18. Ведель, Ж. Административное право Франции / Ж. Ведель. – М.: Прогресс, 1973. – 512 с.

19. Пузаков, А. В. Децентрализация власти как тенденция и признаки деволюции / А. В. Пузаков // Регионология. – 2012. – № 3. – С. 37–43.

20. Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / Н. А. Косолапов [и др.]; отв. ред. М. В. Стрженева. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 266 с.

21. Tierney, S. Federalism in a Unitary State: a Paradox too Far? / S. Tierney // Regional and Federal Studies. – 2009. – Vol. 19. – No. 2. – P. 237–253.

22. БЕЛТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-resheniya-vns-ne-budut-spontannymi-i-neozhidannymi-428139-2021/>. – Дата доступа: 18.02.2021.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

С. В. Венідзіктаў

Магілёўскі інстытут Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь,
Магілёў

S. V. Venidziktau

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic
of Belarus, Mogilev

УДК 007

МАСАВАЯ ІНФАРМАЦЫЯ І МАСАВАЯ АЎДЫТОРЫЯ ЯК КАМУНІКАТЫЎНЫЯ ФЭНОМЕНЫ

MASS INFORMATION AND MASS AUDIENCE AS COMMUNICATION PHENOMENA

У артыкуле аналізуюцца розныя падыходы да зместу і структуры паняцця «масава-ва інфармацыя», вылучаюцца яго функцыянальныя асаблівасці. Прыводзіцца характарыстыка масавай аўдыторыі як калектыўнага рэцыпіента масавай інфармацыі, адзінства якога дасягаецца праз успрыманне сіметрычнай інфармацыі ў рэжыме рэальнага часу альбо праз далучэнне да дыскурсу сродкаў масавай камунікацыі. Асэнсаваны тэорыі камунікацыі, у якіх выяўляецца актыўнасць і суб'ектнасць масавай аўдыторыі. Сцвярджаецца, што трансфармацыя камунікацыйнай парадыгмы выклікае зніжэнне ўстойлівасці сацыяльных структур да інфармацыйнай агрэсіі, дэзынтэграцыю прасторы масавай камунікацыі.

Ключавыя словы: інфармацыя; камунікацыя; масавая інфармацыя; масавая аўдыторыя; медыя; сродкі масавай інфармацыі (СМІ); інфармацыйная прастора.

The article explores various approaches to the content and structure of the concept of «mass information», highlights its functional features. The characteristics of the mass audience as a collective recipient of mass information are given; the unity of mass audience is achieved by the perception of symmetric information in real time or in the form of an introduction to the discourse of mass media. Various theories of communication are comprehended, in which the activity and subjectivity of the mass audience is manifested. It is argued that the transformation of the communication paradigm leads to a decrease in the resistance of social structures to information aggression, disintegration of mass communication space.

Keywords: information; communication; mass information; mass audience; media; mass media; information space.

Паняцце «інфармацыя» мае істотную асаблівасць: частата ўжывання і до-сыць устойлівае выкарыстанне ў розных сферах не прыводзяць да адзінага яго разумення. Звычайна слова «інфармацыя» выкарыстоўваецца чалавекам для абазначэння ўсяго, што так ці інакш звязана з дадзенымі, звесткамі, а таксама спосабамі іх захоўвання і перадачы – лічбавымі, вярбальнымі, сімвалічнымі і г. д. Пры гэтым слоўнікі і стандарты прапануюць мноства азначэнняў, агульнымі элементамі якіх з'яўляюцца: веды (дадзеныя) аб матэрыяльных або нематэрыяльных аб'ектах, суб'ект успрымання дадзеных (чалавек альбо адмыс-ловая тэхніка), сэнсавы кантэкст і камунікацыйны працэс. Прычым наданне сэнсу інфармацыі адбываецца ў працэсе яе інтэгрэрацыі, што дазваляе мер-каваць аб наяўнасці адрозненняў паміж уласна дадзенымі, што складаюць ядро інфармацыі, і ведамі як успрыятай і суб'ектывізаваанай інфармацыяй.

Заснавальнік кібернетыкі Н. Вінер разумеў пад інфармацыяй «пазначэнне зместу, атрыманае намі з навакольнага свету ў працэсе прыстасавання да яго нас і нашых пачуццяў» [6], распрацоўшчык сучаснай тэорыі інфармацыі К. Шэнан – «паведамленне, якое перадаецца ў выглядзе кодавых пасылаў па канале сувязі» [18]. Тлумачальны слоўнік Ожагава фіксуе «штодзённае» вызначэнне паняцця «інфармацыя»:

1) звесткі пра навакольны свет і працэсы, якія адбываюцца ў ім, успрынятыя чалавекам ці адмысловай прыладай;

2) паведамленні, што ўтрымліваюць звесткі аб становішчы спраў, аб стане чаго-небудзь [9].

«Вялікі тлумачальны слоўнік рускай мовы» С. А. Кузнецова прапануе практычна ідэнтычную трактоўку [2]. У юрыдычнай практыцы прынята лічыць інфармацыяй любыя звесткі, дадзеныя (матэрыяльнага альбо нематэрыяльнага характару), незалежна ад іх афармлення. Напрыклад, у Законе Рэспублікі Беларусь ад 10 лістапада 2008 г. № 455-3 «Аб інфармацыі, інфарматызацыі і абароне інфармацыі» інфармацыяй называюцца «звесткі аб асобах, прадметах, фактах, падзеях, з’явах і працэсах незалежна ад формы іх прадстаўлення» [16].

У цяперашні час адбываецца пераасэнсаванне паняцця інфармацыі, робяцца спробы аб’яднаць яе статычныя і дынамічныя характарыстыкі, пераадолюючы абмежаванні штодзённага, філасофскага і агульнанавуковага падыходаў [3; 5]. Мы прапануем разумець пад інфармацыяй любыя дадзеныя, якія валодаюцьсэнсавай нагрукай і маюць характарыстыкі паўнаты, дакладнасці, верыфікуемасці, адэкватнасці, даступнасці, фіксуемасці, а таксама пэўны ўзровень суб’ектыўнасці.

У першую чаргу, нас цікавіць сацыяльны аспект паняцця «інфармацыя», які рэалізуецца ў тым выпадку, калі звесткі інтэнсіўна і мэтанакіравана распаўсюджваюцца ў сацыяльных структурах з выкарыстаннем спецыяльных сродкаў і тэхналогій. Некалькі звязішы праблему, у гэтым выпадку будзем весці гаворку пра феномен *масавай інфармацыі*. Разгляд структуры паняцця і яго функцыянальны аналіз дазваляюць вылучыць рысы, якія вызначаюць спецыфіку масавай інфармацыі, яе адрозненні ад уласна «інфармацыі»:

а) масавая інфармацыя ўключае як веды, так і іх ацэнку, трактоўку, гэта значыць не валодае адназначна фіксуемымсэнсам, які мае ўніверсальны характар для суб’екта;

б) масавая інфармацыя ўяўляе сабой складаную камунікатыўную з’яву, якая існуе толькі ў кантэксце пэўнай інфармацыйнай рэальнасці і страчваесэнсавое напаўненне па-за гэтым кантэкстам;

в) масавая інфармацыя валодае ўласцівасцю актуальнасці, гэта значыць яе каштоўнасць вызначаецца адпаведнасцю характарыстыкам сацыяльнай рэчаіснасці, здольнасцю ўносіць змены ў сацыяльную сістэму;

г) масавая інфармацыя не мае адназначнага суб’екта ўспрымання, яе рэцэпцыя характарызуецца поліварыятыўнасцю;

в) у дачыненні да масавай інфармацыі не заўсёды можа выкарыстоўвацца крытэрыі аўтарства;

е) масавая інфармацыя ўяўляе сабой адкрытую сістэму, магчымасць змяненняў у якой адпавядае характарыстыкам суб’ект-суб’ектнай мадэлі камунікацыі;

ж) масавая інфармацыя характарызуецца нязначным перыядам існавання, не можа быць зафіксавана ў выглядзе ўніверсальных дадзеных пазачасовага характару;

з) эвалюцыя масавай інфармацыі знаходзіцца ў прамой залежнасці ад эвалюцыі грамадскай сістэмы, мае палітычна рэlevantны характар;

і) стварэнне і распаўсюджванне масавай інфармацыі прадугледжвае наяўнасць спецыяльнай камунікацыйнай інфраструктуры, а таксама інстытуцыяналізацыю апошняй.

Названыя характарыстыкі, на наш погляд, з'яўляюцца асноўнымі і могуць быць дапоўнены з улікам канкрэтнай галіны даследавання феномену масавай інфармацыі. Так, з юрыдычнага пункту гледжання масавая інфармацыя ўяўляе сабой «прызначаныя для няпэўнага колу асоб друкавання, аўдыё-, аўдыёвізуальныя і іншыя інфармацыйныя паведамленні і (або) матэрыялы, апублікаваныя ў друку, паведамленыя пры дапамозе тэлевізійнага вярчання і радыёвяшчання або ў іншай форме перыядычнага распаўсюджвання» (пераклад наш. – С. В.) [15]. А. В. Марозаў пад масавай інфармацыяй разумее «від сацыяльнай інфармацыі, якая збіраецца, назапашваецца, апрацоўваецца, перадаецца з дапамогай сродкаў масавай інфармацыі і якой хаця б на адным з вышэйзгаданых этапаў яе жыццёвага цыклу карыстаецца масавая аўдыторыя» (пераклад наш. – С. В.) [13, с. 11]. Т. В. Навуменка, характарызуючы масавую інфармацыю, звяртае ўвагу на яе «мегаглабальны» характар («...[інфармацыя] з'яўляецца неабходным і найважнейшым удзельнікам абсалютна ўсіх глабальных сацыяльных працэсаў» (пераклад наш. – С. В.) і называе яе сутнаснай характарыстыкай цыркуліраванне на ўзроўні масавай свядомасці грамадства [14]. Б. А. Грушын, супрацьпастаўляючы індывідуалізаваную і масавую інфармацыю, вызначае апошнюю як «інфармацыю, памножаную і перададзеную ў масавым маштабе, практычна на неабмежаваную <...> аўдыторыю» (пераклад наш. – С. В.) [12, с. 26]. Вылучэнне масавай інфармацыі можа адбывацца і па крытэрыі прызначэння (у супрацьлегласць персанальнай, сакрэтнай, спецыяльнай інфармацыі і да т. п.), прадугледжваючы яе напаўненне аб'ёмам паняццяў, зразумелым большай частцы соцыуму – *масавай аўдыторыі* («усе атрымальнікі інфармацыі, якая распаўсюджваецца прэсай, ці выпадковую аб'яднанні людзей, не звязаных агульнымі ўзроставымі, прафесійнымі, культурнымі і іншымі прыкметамі і інтарэсамі» (пераклад наш. – С. В.) [8, с. 136]).

Пад масавай аўдыторыяй мы разумеем калектыўнага рэцыпіента масавай інфармацыі, адзінства якога дасягаецца ўспрыманням сіметрычнай інфармацыі ў рэжыме рэальнага часу або ў форме далучэння да дыскурсу сродкаў масавай камунікацыі на аснове агульнасці інфармацыйных інтарэсаў і патрэб. Такім чынам, масавая аўдыторыя валодае характарыстыкамі неаднароднасці, дэцэнтралізаванасці і ананімнасці. Спрэчным з'яўляецца пытанне аб ступені актыўнасці і суб'ектнасці масавай аўдыторыі: у адных даследаваннях цэнтральнай характарыстыкай з'яўляецца гатоўнасць пераважна да пасіўнай рэацыі інфармацыі, у іншых – здольнасць трансфармаваць атрыманыя дадзеныя ў сацыяльную актыўнасць, у практыкі грамадзянскага ўдзелу. Актыўнасць аўдыторыі ў сучасных трактоўках уключае ў сябе «выбарчы тып інфармацыйных паводзін, большую настроенасць на інфармацыйную функцыю, артыкуляцыю патрэб, выкарыстанне інфармацыі СМІ ў міжасобасных зносінах» (пераклад наш. – С. В.) [1, с. 52].

У мадэлі камунікацыі П. Лазарсфельда, Б. Беральсона і Г. Гадэ [21] масавая аўдыторыя складаецца з сацыяльных груп, якія ўключаюць у сябе лідэраў меркаванняў, здольных у працэсе рэтрансляцыі масавай інфармацыі аказваць

вырашалны ўплыў на яе ўспрыманне рэцыпіентамі і на сацыяльны наступствы дзейнасці масмедыя. Вывучэнне асаблівасцей перадвыбарчай агітацыі падчас прэзідэнцкіх кампаній ў ЗША ў сярэдзіне XX ст. прывяло навукоўцаў да высновы аб немагчымасці СМІ забяспечыць жаданае ўздзеянне на грамадскую думку, ігнаруючы этап «другаснага» асэнсавання ў малых сацыяльных групах. У. Шрам ў 1960-я гг. развіў ідэі П. Лазарсфельда ў тэорыю шматступеннага патоку інфармацыі, сцвярджаючы, што «...міжасобныя каналы функцыянуюць паралельна каналам масавай камунікацыі і аказваюць значны ўплыў на грамадства» (пераклад наш. – С. В.) [24, с. 7]. Эвалююемай сістэмай, па У. Шраму, вядзе да ўскладнення ланцугоў рэтрансляцыі інфармацыі, да яе суб'ектывізацыі. Цыркулярная мадэль камунікацыі, распрацаваная У. Шрамам і Ч. Осгудам, апісвае масавую аўдыторыю ў выглядзе ўдзельніка бясконцага інтэрактыўнага працэсу інтэрпрэтацыі, дзе адпраўленне і атрыманне паведамленняў адбываецца практычна адначасова. Апісаная ў гэтай мадэлі канцэпцыя зваротнай сувязі адзначыла пераход ад лінейнай камунікацыі да бясконцай цыркулярнай, дынамічнай, самарэгулюемай сістэмы, што дазволіла адмовіцца ад суб'ект-аб'ектнай мадэлі [7]. Відавочнай заганаю такога падыходу з'яўляецца схільнасць масавай інфармацыі да скажэнняў з прычыны магчымых некарэктных трактовак і некіруемага тыражыравання, а таксама нягэўнага ўзроўню «безумоўнага даверу» грамадзян да СМІ, што абгрунтавана ў працах Э. Роджэрса і М. дэ Флёра [23].

Актыўнасць і суб'ектнасць масавай аўдыторыі па-рознаму выяўляецца і ў іншых тэорыях камунікацыі: дыфузнай мадэлі, мадэлі «брамніка» К. Левіна, семіятычнай мадэлі, дыкурснай мадэлі камунікацыі і інш. Так, дыфузная мадэль Дж. Колемана апісвае працэс паступовага прыняцця грамадствам інавацый («дыфузіі» новых дадзеных у інертную сацыяльную сістэму), які адбываецца праз лідэраў меркаванняў і сцвярджае прыярытэт міжасобных камунікацый над масавай інфармацыйнай дзейнасцю СМІ [20]. У мадэлі «брамніка» апісваецца працэс, з дапамогай якога СМІ вызначаюць парадак дня, фільтруюць паведамленні, дазваляючы адным з іх даходзіць да масавай аўдыторыі і перакрываючы шлях іншым, актуалізуюць адны навіны і замоўчваюць іншыя [22]. Прычым «брамнікі» ў выглядзе медыярэсурсаў маюць на мэце максімальнае задавальненне запытаў аўдыторыі, якая знаходзіцца па іншы бок «інфармацыйных варотаў» (мадэль К. Левіна не можа ўжывацца ў якасці ўніверсальнай для аналізу ўсіх тыпаў СМІ, страціўшы актуальнасць з распаўсюджваннем сацыяльных медыя). Сярод семіятычных мадэлей камунікацыі найбольш вядомы тэорыі Р. Якабсана, У. Эко і Ю. Лотмана, у якіх апісваецца ўспрыманне чалавекам разнастайных знакавых сістэм [17, с. 55], абгрунтоўваецца важнасць візуальнай камунікацыі, што шырока выкарыстоўваецца ў PR-камунікацыі [19, с. 33–36], распрацоўваюцца асновы камунікатыўнага аналізу культуры на аснове культурных кодаў [11]. Нарэшце, дыкурсная мадэль камунікацыі падкрэслівае важнасць, разам з семантычным, тэкставым ядром масавай інфармацыі, экстралінгвістычных фактараў, якія ўключаюць сацыяльны кантэкст і ідэалагічныя ўстаноўкі (з гэтага пункту гледжання інфармацыя набывае структуру ў адпаведнасці з матрыцамі, патэрнамі, прынятымі ў розных сферах жыцця дзейнасці) [10].

Змена суб'ектнага статусу масавай аўдыторыі ў прасторы інтэрактыўнай камунікацыі адлюстравана ў тэорыі Дж. Уэбстэра, які разглядае аўдыторыю

з трох кропак гледжання: у якасці масы, аб'екта і агента. З першай пазіцыі мы маем справу з аморфным, пасіўным утварэннем, пазбаўленым суб'ектнасці і схільным да аднабаковай рэцэпцыі мэдыякантэнту. Аўдыторыя як аб'ект цікавая з пазіцыі асэнсавання магчымых наступстваў спажывання масавай інфармацыі і трансфармацыі фарміруемых СМІ перакананняў у сацыяльны дзеянні. У якасці агента масавая аўдыторыя характарызуецца здольнасцю да самастойнага рэгулявання характару інфармацыйнага спажывання, імкненнем да павышэння якаснага ўзроўню медыйнага прадукту [25, с. 190–207].

Дазволім сабе сцвярджаць: масавая інфармацыя можа аказваць сацыяльнае ўздзеянне толькі пры здольнасці і гатоўнасці масавай аўдыторыі да яе рэцэпцыі. Таму вывучэнне асаблівасцей цыркулявання інфармацыйных плыняў у макраштабе немагчыма без уліку спецыфікі аўдыторных груп у канкрэтным соцыуме. Набываючы імпульс да пашырэння дзякуючы росту аўдыторыі, масавая інфармацыя губляе першапачатковую ўмоўную ўстойлівасць, адыходзіць ад першапачатковага сэнсу: «Мас-медыя спачатку фарміруюць густы людзей, а затым, зрабіўшы спробу вывучаць іх інтарэсы і патрэбы, вызначаюць гэтыя перавагі ў якасці арыенціраў ва ўласнай дзейнасці і тым самым даказваюць правільнасць інфармацыйнай палітыкі» (пераклад наш. – С. В.) [8, с. 140].

А. В. Еўдакімаў і іншыя аўтары, разам з масавай, прызнаюць важнасць для тыражыравання інфармацыі *спецыялізаванай* аўдыторыі («устойлівае цэлае, якое складаецца з мноства індывідаў, аб'яднаных агульнымі інтарэсамі, мэтамі, каштоўнасцямі, а таксама сацыяльнымі, прафесійнымі, культурнымі і іншымі прыкметамі» (пераклад наш. – С. В.) [8, с. 137]), прадстаўнікі якой могуць выказваць розныя меркаванні: стэрэатыпныя (найбольш устойлівыя і распаўсюджаныя), экспертныя (прадцыруемыя прызнанымі спецыялістамі ў пэўнай вобласці), эталонныя (ствараемыя лідэрамі меркаванняў як спецыялізаванай, так і масавай аўдыторыі) [гл.: 8, с. 137]. Спецыялізаваная аўдыторыя ўваходзіць у склад аўдыторыі масавай, валодае пэўнай аўтаноміяй і вызначаецца выбіральнасцю ў спажыванні інфармацыйнага прадукту (нельга, да прыкладу, адмаўляць таго факту, што эксперт у пэўнай сферы адначасова са спецыялізаванымі звяртаецца да папулярных медыярэсурсаў). Як правіла, такі від аўдыторыі ў найменшай ступені схільны да маніпулявання грамадскай думкай, валодае дастатковым «інфармацыйным імунітэтам»: кажучы словамі камунікатыўнай тэорыі К. Левіна, ён сам з'яўляецца «брамнікам» на шляху масавай інфармацыі. З пункту гледжання разгледжанай вышэй тэорыі Дж. Уэбстэра, спецыялізаваную аўдыторыю варта разглядаць у якасці агента масавай камунікацыі.

Бясспрэчным з'яўляецца і наступны факт: інфармацыя становіцца масавай і скажаецца не толькі з прычыны свайго шырокага распаўсюджвання і ўздзеяння на свядомасць і паводзіны людзей (масавай аўдыторыі) – сапраўды масавай яна становіцца толькі пры ўдзеле спецыяльна створаных для забеспячэння яе агрэгаты і цыркулявання рэсурсаў. Такім з'яўляюцца сродкі масавай інфармацыі – СМІ (у больш шырокай трактоўцы – сродкі масавай камунікацыі (СМК), медыя). Безумоўна, масавая інфармацыя – магла станавіцца і да з'яўлення СМІ ў іх сучасным разуменні (напрыклад, масавае распаўсюджванне філасофскіх і духоўных вучэнняў, якое прывяло да ўзнікнення сусветных рэлігій), але толькі СМІ змаглі ператварыць навіны ў інструмент сацыяльнага ўздзеяння, кіравання грамадствам.

Трансфармацыя камунікатыўнай парадыгмы ў сучасным грамадстве прывяла да таго, што каштоўнасць масавай інфармацыі зараз вызначаецца не крытэрыямі праўдзівасці / памылковасці, а яе здольнасцю ствараць змены ў сацыяльна-палітычнай сістэме, глабальна распаўсюджвацца і спажывацца, абмінаючы этап крытычнага асэнсавання аўдыторыяй [4]. Такая характарыстыка новай медыярэальнасці прадвызначае зніжэнне ўзроўню ўстойлівасці грамадскіх структур да інфармацыйнай агрэсіі, схільнасць да маніпулятыўнага ўздзеяння – як вынік дзейнасці традыцыйных і новых медыя. Усё гэта адлюстроўвае працэсы крайняй суб'ектывізацыі публічнага дыскурсу, атамізацыі масавай інфармацыі і змены саміх крытэрыяў аб'ектыўнасці: адпаведнасць медыякарціны рэчаіснасці яе рэальнаму вобразу губляе значэнне для масавай аўдыторыі, прыводзячы да росту грамадскай канфліктнасці, дэзынтэграцыі прасторы масавай камунікацыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Батурчик, М. В.* Категории анализа аудитории СМИ с позиции концепции социальных практик П. Бурдьё / М. В. Батурчик // *Философия и социальные науки.* – 2007. – № 2. – С. 48–52.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. *Венидиктов, С. В.* Информационное взаимодействие в интеграционных формированиях: структурно-функциональная характеристика пространства медиакommunikации: монография / С. В. Венидиктов. – Могилев: Могилев. ин-т. МВД, 2019. – 176 с.
4. *Венидиктов, С. В.* Коммуникационный разрыв общества и государства в условиях информационной дезинтеграции / С. В. Венидиктов // *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество.* Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2020. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 45–47.
5. *Венидиктов, С. В.* Медиакommunikация в развитии евразийского пространства: стратегический ресурс интеграции: монография / С. В. Венидиктов. – Минск: БГУ, 2018. – 263 с.
6. *Винер, Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине; или Кибернетика и общество / Н. Винер; 2-е изд. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
7. *Грачев, М. Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М. Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.
8. *Евдокимов, В. А.* Аудитория масс-медиа как объект и субъект коммуникации / В. А. Евдокимов // *Наука о человеке: гуманитарные исследования.* – 2010. – № 6. – С. 136–142.
9. *Информация [Электронный ресурс] / Толковый словарь Ожегова онлайн.* – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10048>.
10. *Йоргенсен, М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филипс; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
11. *Лотман, Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПб», 2000. – 704 с.
12. *Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. Ониква.* – М.: Политиздат, 1980. – 446 с.

13. *Морозов, А. В.* Профессиональные коммуникации. История и теория коммуникаций: учебно-методический комплекс / А. В. Морозов; Бел. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск, 2018. – 104 с.

14. *Науменко, Т. В.* Массовая информация и ее влияние на современные процессы глобализации [Электронный ресурс] / Т. В. Науменко // *Credo New: международный теоретический журнал*. – 2015. – № 2. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr2-2015/27739-massovaya-informaciya-i-ee-vliyanie-na-sovremennyye-processy-globalizacii.html. – Дата доступа: 15.01.2021.

15. О средствах массовой информации: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3: в ред. от 17 июля 2018 г. № 128-3 // АПС «Бизнес-Инфо»: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2021.

16. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3: в ред. от 11 мая 2016 г. № 362-3 // АПС «Бизнес-Инфо»: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «Профессиональные правовые системы». – Минск, 2020.

17. *Почепцов, Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. – 656 с.

18. *Шеннон, К.* Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 830 с.

19. *Эко, У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 544 с.

20. *Coleman, J. S.* Medical innovation: Diffusion of a medical drug among doctors / J. S. Coleman, E. Katz, H. Menzel. – Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966. – 246 p.

21. *Lazarsfeld, P. F.* The people's choice: How the voter makes up his mind in presidential election / P. F. Lazarsfeld, B. Berelson & H. Gauder. – N.Y.: Columbia Univ. Press, 2021. – 224 p.

22. *Lewin, K.* Forces behind food habits and methods of change [Electronic Source] / K. Lewin // *Bulletin of the National Research Council*. 108 / National Academy of Sciences online. – Mode of access: <https://www.nap.edu/read/9566/chapter/8>. – Date of access: 21.01.2021.

23. *Rogers, E. M.* Diffusion of Innovations / E. M. Rogers. – N.Y.: The Free Press A Division of Macmillan Publishing Co., Inc., 1983. – 453 p.

24. *Schramm, W.* How Communication Works / W. Schramm // *Process and Effects of Mass Communication*; Wilbur Schramm and Donald F. Roberts (eds.). – Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1971. – 997 pp.

25. *Webster, J. G.* The audience / J. G. Webster // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. – 1998. – № 42. – P. 190–207.

(Дата падачы: 20.01.2021 г.)

К. С. Волнистая
Республиканский институт высшей школы

Kseniya Valnistaya
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 327.7

КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМНОГО И ОРГСИСТЕМНОГО ПОДХОДА НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЕВРАЗИЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

THE CONCEPT OF A SYSTEM AND ORGSYSTEM APPROACH ON THE EXAMPLE OF ANALYSIS OF THE EURASIAN INTEGRATION PROCESSES

В статье вводятся понятия системного и оргсистемного подхода как элементов структурирования действий по развитию интеграционных объединений, а также их возможное применение в интеграционных объединениях евразийского континента на примере Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: евразийская интеграция; концепция; системы; системный подход; оргсистемный подход; модель интеграции; экономический союз; таможенный союз; ЕАЭС.

The article introduces the concept of a systemic and organizational system approach to integration, as elements of structuring actions for the development of integration associations, as well as its possible application in the integration associations of the Eurasian continent on the example of the Eurasian Economic Union.

Keywords: Eurasian integration; concept; systems; system approach; organizational system approach; integration model; economic union; customs union; EEU.

Структурированные интеграционные процессы между странами и объединениями, несмотря на их относительную новизну, являются предметом исследований многих научных школ и направлений, в частности структуриализма, неолиберализма и других, каждое из которых представляет собственную оценку различных интеграционных механизмов. В результате подобных исследований, в теории интеграции утвердились такие представления, как интеграция «снизу» (объединение стран на корпоративном уровне), а также интеграция «сверху» (политико-экономический процесс между регионами и странами) [1]. В связи с наличием корреляции, для оценки эффективности построения, управления и регулирования деятельности интеграционных процессов и проектов предлагается использовать такие термины, как системный и оргсистемный подходы.

Системный подход к рассмотрению интеграции изучает и описывает естественное течение интеграционных процессов с использованием существующих механизмов их построения и регулирования, без вмешательства и дополнительного ускорения происходящих процессов. Представитель позднего неолиберализма Ученый-неолибералист Бела Баласса выделял пять основных форм экономической/политэкономической интеграции, которые последовательно повышают степень взаимодействия и сближения интеграционных акторов на региональном уровне [2]:

1. Зона свободной торговли – ЮСМКА, ЗСТ СНГ с 2011 года.
2. Таможенный союз – Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана до 2014 года; Южноафриканский таможенный союз, Андское сообщество.
3. Общий рынок (единое экономическое пространство ЕЭП) – АСЕАН, МЕРКОСУР, Европейское экономическое сообщество до 1993 года, ЕврАзЭС в 2012–2015 годах.
4. Экономический союз (в наиболее зрелой форме: экономический и валютный союз) – Европейский союз с 1993 года, ЕАЭС.
5. Полная экономическая и политическая интеграция (полностью интегрированная группировка).

Основным вопросом XXI века является не создание союзов и объединений, а их эффективное функционирование, для чего приоритетным становится поиск оптимальной модели управления ими, а также использование всего человеческого потенциала. Представители корпорационализма (С. Рольф и Ю. Росту) высказывали мнение, что именно функционирование транснациональных корпораций способно обеспечить интегрирование международной экономики, её рациональное и сбалансированное развитие, а не рынок и государственное регулирование [3]. Разумеется, необходимо учитывать роль международных акторов, каким является ТЭК, благодаря которым мир пришёл к глобализму, однако они вряд ли обладают достаточным функционалом для дальнейшего развития интеграционных процессов. Во многом это связано с преимущественной идеей в поиске максимальной экономической выгоды. Подтверждением этому может служить череда произошедших в последние годы и ожидаемых в ближайшие годы слияний и поглощений на уровне крупного и крупнейшего капитала (например, Royal Dutch Shell & BG Group, Siemens & Alstom), говорит о том, что мировым ТНК в текущей фазе развития труднее справляться с задачами интегратора и модератора сбалансированного развития в масштабе мирохозяйственной системы взаимоотношений и взаимодействий [4].

Говоря же о межстрановых союзах сегодняшнего времени, стоит отметить, не менее важным ресурсом, наравне с экономическими выгодами является человеческий потенциал (Человек Сознательный по А. Анисимову) [5]. Исходя из этого, основные функции по развитию и приданию максимально эффективного развития интеграционных объединений перекладываются исключительно на межнациональные органы, которые должны использовать все доступные ресурсы для этого.

Исходя из этого, в рамках оргсистемного подхода интеграционные процессы, помимо уже существующих механизмов, имеют в своем составе другие вертикали управления процессами. Оргсистемный подход в своём идеальном виде служит своеобразной надстройкой системного подхода, расширяя его. Подобная систематизация позволяет проследивать развитие интеграционных объединений, а также роль оргсистемных факторов (в контексте интеграционных объединений – наднациональных органов) и эффективность их функционирования.

Оргсистемной надстройкой, которая учитывает дополнительные факторы построения интеграции, уже выступает существующая концепция европейских ценностей, реализуемая ЕС, так называемый «треугольник ценностей»: образование, наука, культура, которые дополняют конструкции теории Балласа. Говоря о евразийской интеграции, следует подчеркнуть необходимость создания аналогичной второй вертикали для евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, учитывая

культурные и ценностные особенности и потенциал населения стран-участниц. Подобный подход уже был предложен А. Анисимовым по созданию второй вертикали ЕАЭС, в рамках которого предлагается создание второго контура политики евразийской интеграции путем её институционализации начиная с уровня четвертой интеграционной стадии (экономический союз). Предлагается создать валютную зону евразийской валюты развития ограниченного объема, – зачетной или обычной, но ограниченной проектным интеграционным планированием денежной эмиссии. В предложенной конфигурации вторая вертикаль. евразийской интеграции содержательно должна включать следующие элементы, которые формируют матрицу евразийского интеграционного управленческого маневра (СЭП-пространство Евразийской интеграции) [6] (рис. 1):

Рис. 1. Схематическое изображение матрицы СЭП-пространства 2-й вертикали евразийской интеграции (по А. Анисимову)

1. Платформа Евразийских научных лабораторий (ЕАН-лаб), создаваемая в форме совместных научно-исследовательских центров (лабораторий) фундаментальных исследований по согласованному участниками ЕАЭС спектру научных направлений, содействующих развитию интеграционного пространства. Созданием евразийских научных лабораторий решается вопрос сохранения и последующего усиления научно-технологического потенциала интеграции (в том числе научных школ, которые и будут главными притягательными силами для молодых ученых).

2. Евразийский межгосударственный план, который ведет стратегическое (долгосрочное и сверхдолгосрочное) планирование, в том числе консолидированный и интегрированный динамический межотраслевой баланс ЕАЭС и его анализ. ЕА МГ план выделяет направления научно-технологического долгосрочного развития, долгосрочные планы НИОКР и технологическое планирование, и продвигает данное планирование через инструмент проектов в сетевые институты ЕАН лабораторий.

3. Банк развития евразийской интеграции как центр эмиссии наднациональной валюты развития, в рамках небольшого, относительно размеров совокупного ВВП стран ЕАЭС, и ограниченного расчетной ёмкостью утвержденных и принятых в перспективную реализацию проектов ЕАЭС.

4. Сверхструктурные проекты развития, обязательным условием для которых выступает наличие промышленно-производственного, хозяйственного функционала у таких институтов – то есть атрибутов субъекта хозяйственно-го управления, у номинируемого на реализацию сверхструктурного проекта

ЕАЭС, в том числе, использование технологических результатов получаемых от деятельности ЕАН лабораторий. Целью подобной практики является закрепление технологических успехов стран-участниц ЕАЭС. Расширение евразийской рамки сверхструктурных проектов возможно рассматривать и при сопряжении проектов ЕАЭС и Один пояс – один путь (КНР), например, в качестве инструментария сотрудничества ЕАЭС – Монголия – КНР.

Для создания и реализации подобных элементов оргсистемного подхода уже существует необходимый мировой опыт. Так, для реализации *Евразийской платформы научных лабораторий* можно использовать опыт механики инновационного развития, применяемой в XX–XXI вв. в разных странах мира, которые обладают фундаментальной наукой. В данной механике выделяется три подхода [6]:

- Первый подход реализуют такие страны, как Швейцария, Германия, у которых инновационное развитие происходит в зоне взаимного пересечения интересов государства, науки и промышленности.
- Второй подход реализуется в Великобритании и США, где инновационное развитие ведется в области «треугольника», вершинами которого являются интересы государства, науки и промышленности.
- Третий подход реализуется в развивающихся странах, России, Казахстане и Беларуси, в которых интересы государства являются приоритетными, а наука и промышленность оказываются внутри интересов государства, либо пересекаются с ними.

Описанный в данном случае подход, который относится к оргсистемному, может быть использован для наращивания контуров и качеств управления интеграции, а также правомочен и для анализа общественных процессов, и организации изменений в общественных системах, потому что наращивание качеств управления приводит к повышению мощности состояний, и проводимости событий объектом управления, то есть содействует раскрытию потенциалов развития, заложенных в объект.

В сравнении с другими интеграционными группировками, топология евразийской интеграции позволяет политико-экономически установить дополнительную, вторую интеграционную вертикаль, с целью синхронизации ее деятельности с первой, базовой вертикалью в виде ЕАЭС и формировать вторую вертикаль как – институционально самодостаточную, интегрально встроенную в единую систему Евразийской интеграции, в качестве собственного правила, что позволяет расширить не только текущее интеграционное затруднение, качественно сбалансировав и укрепив ЕА интеграцию в целом, но и применять данную управленческую новацию интеграционного строительства и в будущем. Четкое разделение на вертикали возможность наблюдать их развитие и становление в текущем времени также позволяет рассматривать процессы евразийской интеграции как эталонный пример описания концепции системного и оргсистемного подхода.

Таким образом, в современной теории международных отношений используется принцип системного подхода – рассмотрение процессов интеграции исходя из их естественного развития с использованием конкретных механизмов их построения и регулирования, без оценки данных механизмов. Оргсистемный подход, который вводится автором, помимо уже существующих механизмов, включает более детальный анализ вертикалей управления интеграционными

процессами, который учитывает системный подход и является его надстройкой. Благодаря наличию оргсистемного подхода, в анализ включается развитие интеграционных объединений и роль ключевых факторов, что в свою очередь позволяет более детально анализировать внутренние процессы, а также моделировать сценарии дальнейшего функционирования интеграционных объединений.

Список использованных источников

1. *Анисимов, А. М.* Общественные резервы – потенциал евразийской интеграции / А. М. Анисимов, С. Ю. Градов // Социальное и гуманитарное сотрудничество в ЕАЭС: реалии и перспективы: сб. науч. ст. XI Евразийского научного форума / под общ. науч. ред. М. Ю. Спириной. – СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2019. – Ч. I. – С. 38–48.
2. *Анисимов, А. М.* К вопросу о планировании и управлении реализацией сверхструктурных проектов в экономике на примере актуальной задачи нефтегазового комплекса / А. М. Анисимов, Е. А. Руденко // Проблемы современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 167–172.
3. *Глазьев, С. Ю.* Последняя мировая война / С. Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2016. – 512 с.
4. *Глазьев, С. Ю.* Экономика будущего. Есть ли у России шанс? / С. Ю. Глазьев // «Коллекция Изборского клуба». – М.: Книжный мир, 2017. – 640 с.
5. Евразийская интеграция: развитие представлений объективного обществоведения: доклад / А. М. Анисимов [и др.]. – СПб.: СИНЭЛ, 2019. – 174, [1] с.
6. Экономика общественных резервов: общая теория [хозяйственного уклада в форме] общественных резервов: доклад / А. М. Анисимов, С. Ю. Градов, Е. А. Руденко. – СПб.: СИНЭЛ, 2020. – С. 240.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Д. В. Драгун

Белорусский государственный университет, Минск

D. V. Dragun

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.22

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОТЕСТНАЯ КИБЕРАКТИВНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

POLITICAL PROTEST CYBERACTION: CONCEPT, FORMS AND MECHANISMS OF COUNTERACTION

Статья посвящена анализу современных проявлений политической протестной киберактивности, состояния и механизмов противодействия ее противоправным формам. Впервые сформулировано авторское определение термина «политическая протестная киберактивность», предложены авторская классификация форм политической протестной киберактивности и некоторые рекомендации по противодействию противоправным формам политической протестной киберактивности.

Ключевые слова: политическая протестная киберактивность; неконвенциональная форма политической протестной киберактивности; хактивизм; киберэкстремизм; кибертерроризм.

The article is devoted to the analysis of modern manifestations of political protest cyber activity, the state and mechanisms of countering its illegal forms. For the first time, the author's definition of the term "political protest cyber activity" is formulated, the author's classification of forms of political protest cyber activity and some recommendations for countering illegal forms of political protest cyber activity are proposed.

Keywords: political protest cyber activity; an unconventional form of political protest cyber activity; hacktivism; cyber extremism; cyber terrorism.

Жизнь современного общества отмечена стремительным развитием компьютерных технологий, масштабным ростом числа пользователей сети Интернет в общемировом [1] и национальном сегментах [2, с. 23], всеобщей киберинтеграцией [3, с. 16–17]. Изменения, продуцируемые диджитализацией общественной жизни, охватывают различные ее стороны: будь то политика, государственное управление, микро- и макроэкономика, образование, наука или культура.

Такие многочисленные преимущества киберпространства, как: неограниченный и постоянно расширяющийся круг пользователей; возможность низкобюджетного и оперативного распространения информации в рамках целевой аудитории посредством мультимедийных технологий; право анонимного доступа пользователей; недостижимость всеохватывающего анализа размещенной информации; невозможность полномасштабного ограничения доступа к ней [4, с. 159; 5, с. 6–7; 6, с. 125], трансформируют его, с одной стороны, в благоприятную среду осуществления политической протестной активности и, с другой стороны, в эффективный инструмент ее организации.

Отечественная и зарубежная наука в последние годы уделяет пристальное внимание различным аспектам политической протестной киберактивности. Существенный вклад в разработку данной темы внесли западные ученые: Ф. Бардо, С. Вилсон, Д. Деннинг, М. Кастельс, Б. Коллин, П. Олсон, Ф. Паже, М. Поллит, Д. Рейнсель, А. Сэмюэль и другие. Ряд аспектов данной проблематики получил отражение в трудах таких белорусских, украинских, российских ученых и аналитиков, как: Л. А. Бураева, В. Б. Вехов, Д. Н. Карпова, Д. А. Ковлагина, В. А. Копылов, Е. А. Кошечкина, Е. Н. Молодчая, Н. О. Мороз, С. Г. Туронок, Н. А. Швед и др.

Новизна темы данной статьи обусловлена появлением новых форм политической протестной деятельности, их активной популяризацией политическими акторами, и, несмотря на значительный объем публикаций по теме работы, остается широкий спектр вопросов, требующих дополнительных исследовательских усилий именно с политологических позиций.

Цель статьи – раскрыть понятие, формы и механизмы противодействия политической протестной киберактивности.

Появление киберпространства, как уникальной скоростной, гибкой и общедоступной среды, существенно облегчающей создание, хранение, распространение и обсуждение социально-политической информации, повлекло возникновение новых, «виртуальных» форм политических протестов, для обозначения которых предлагаем использовать термин «*политическая протестная киберактивность*». Под *политической протестной киберактивностью* понимается совокупность конвенциональных или неконвенциональных индивидуальных или коллективных практик выражения недовольства по отношению к политической

системе общества или отдельным ее элементам посредством глобальной компьютерной сети Интернет.

Политическая протестная киберактивность имеет универсальный характер воздействия на социум, так как охватывает практически все сферы жизни общества. В силу практически стопроцентного внедрения в общества развитых стран цифровых технологий «киберпротестующие» получают колоссальный простор возможностей.

Во-первых, это связано с тем, что политическая протестная киберактивность характеризуется большей рентабельностью по сравнению с традиционными методами ведения борьбы. Для участия в виртуальной протестной деятельности требуется компьютер и стабильное и быстрое Интернет-соединение, что, как правило, обходится намного дешевле и легче при осуществлении, чем организация традиционных массовых мероприятий, если речь идет о конвенциональной форме политического протеста, или приобретение традиционных видов вооружений, если речь идет о кибертерроризме. Кроме того, в последнем случае такой метод борьбы не предполагает гибели нападавшего, как это имеет место с террористами-смертниками [7, с. 211].

Во-вторых, имеется возможность анонимного участия в политической протестной киберактивности, что провоцирует неспособность правоохранительных органов полноценно осуществлять меры противодействия неконвенциональным ее проявлениям.

В-третьих, политическая протестная киберактивность осуществляется удаленно, без непосредственного физического контакта с материальным миром. Это может привести к транснациональному характеру рассматриваемой деятельности.

В-четвертых, целевой аудиторией киберпротестного воздействия будет являться большее число людей, чем при использовании традиционных методов политического протеста, что связано со всепроникающим характером киберпространства. Отметим, что наиболее подверженной такому воздействию группой населения является молодежь.

В данном контексте необходимо указать на некоторые тенденции развития политической протестной киберактивности, характерные для современного этапа эволюции социума. Это, в первую очередь, непрерывный рост общемирового уровня популярности виртуальных форм протеста на фоне все большей цифровизации традиционных его форм. Так, социальные сети и мессенджеры обрели широкое применение для информационной поддержки протестующих. Более того, в рамках сети Интернет формируется выразительная организационная структура деятельности протестных акторов, обмена информацией, согласования проводимых акций, что способствует вовлечению в политическую протестную киберактивность новых участников из различных слоев населения. И, наконец, под воздействием обострения идеологических, конфессиональных и политических конфликтов политическая протестная киберактивность становится долговременным фактором политического процесса.

Однако, несмотря на вышеуказанные аспекты политической протестной киберактивности, свидетельствующие об актуальности исследований в данной сфере, в современной политической науке не выработана четкая классификация виртуальных форм политического протеста. Так, российский политолог Р. И. Шарапов к таковым относит, с одной стороны, протестную деятельность

в социальных сетях и блогосфере и, с другой стороны, политически мотивированные кибератаки [8, с. 99], не указывая, однако, четких критериев классификации.

В данном контексте представляется необходимым предложить *авторскую классификацию форм политической протестной киберактивности*. В ее основу следует положить критерий соответствия виртуального протеста действующим нормативным правовым актам. Формы политической протестной киберактивности в таком случае подразделяются на *конвенциональные* и *неконвенциональные*.

Конвенциональная форма политической протестной киберактивности представляет собой совершение значимых действий, осуществляемых посредством инструментов сети Интернет и не выходящих за рамки действующего законодательства, которые демонстрируют критическое отношение актора к сложившейся политической системе общества или отдельным ее элементам. Это может выражаться, например, в ведении протестных каналов/групп в социальных сетях и мессенджерах и выражении негативной оценки в комментариях к официальных публикациям государственных органов и должностных лиц. В данном ракурсе нельзя не отметить и появившийся недавно феномен так называемых «онлайн-митингов» на платформах Zoom, YouTube, «Яндекс.Карты» и «Яндекс.Навигатор» [9, с. 17].

В свою очередь, *неконвенциональная форма политической протестной киберактивности* отличается противоправным характером совершаемых актором действий. В зависимости от общественной опасности в неконвенциональной политической протестной киберактивности можно выделить:

I. Хактивизм как незаконное использование компьютерных технологий для достижения политических целей. Особенности хактивизма являются его ненасильственный характер и отсутствие серьезного ущерба, наносимого критически важной инфраструктуре, жизни и здоровью населения.

II. Киберэкстремизм как деятельность по созданию, хранению и распространению посредством сети Интернет информации экстремистского характера с целью оказания деструктивного воздействия на психику людей для достижения политических целей. Для отнесения информации к разряду экстремистской, она должна соответствовать следующим признакам:

1. Содержать отрицательную эмоциональную оценку объекта повествования (нации, расы, религии).

2. Формировать негативную установку по отношению к данному объекту.

3. Подстрекать к действиям, направленным против объекта повествования [10, с. 20].

III. Кибертерроризм как атаки на информационные системы, несущие угрозу здоровью и жизни людей, а также способные спровоцировать серьезные нарушения функционирования критически важных объектов в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти и управления, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, устрашения населения и дестабилизации общественного порядка [11]. К особенностям данной неконвенциональной формы политической протестной киберактивности следует отнести следующие:

1. Кибертерроризм порождает реальную опасность для неопределенного круга лиц, которая возникает в результате угрозы совершения или претворения в жизнь общественно опасных действий.

2. Акт кибертерроризма представляет собой форму публичного насилия, рассчитанную на массовую ретрансляцию в средствах массовой информации.

3. Целью кибертерроризма является формирование социально-психологической обстановки напряженности, апатии и страха, провоцирующей те или иные деяния в интересах кибертеррористов со стороны государственных органов и гражданского общества.

4. При кибертеррористическом акте общеопасное насилие применяется для психологического воздействия и склонения к определенному поведению других лиц.

На современном этапе наиболее характерным проявлением неконвенциональной формы политической протестной киберактивности является хактивистская деятельность децентрализованного киберактивистского движения «Anonymous», киберактивистских группировок «Анонимный интернационал», «Киберберкут» и «Киберпартизаны».

Отдельного упоминания заслуживает инструментарий неконвенциональной формы политической протестной киберактивности. При совершении кибератак в информационном пространстве чаще всего используются получение незаконного доступа к личной, коммерческой, банковской информации, к государственным и военным секретам; нанесение ущерба физическим элементам информационного пространства; уничтожение информации, программного обеспечения, технических ресурсов путем внедрения вирусов, программных закладок, преодоления систем защиты; техническое внедрение в каналы трансляции средств массовой информации с целью распространения слухов, дезинформации, объявления требований террористической организации; уничтожение или подавление работы линий связи, перегрузка узлов коммуникации, изменение адресации запросов в сети Интернет [12, с. 34].

В настоящий момент международно-правовое сотрудничество в борьбе с неконвенциональными формами политической протестной киберактивности находится на начальном этапе развития. Основы такого сотрудничества на международном уровне заложены Резолюцией Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций № 56/261 от 31 января 2002 года «Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века». На региональном уровне приняты Будапештская Конвенция Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» от 23 ноября 2001 года, Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности, Конвенция Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в области информационных технологий от 21 декабря 2010 года.

Противодействие противоправным формам политической протестной киберактивности в Республике Беларусь осуществляется как в рамках общей системы противодействия преступлениям в сфере информационных технологий, экстремизму и терроризму, так и в рамках системы обеспечения информационной безопасности.

Субъектами, непосредственно осуществляющими борьбу с противоправными формами политической протестной киберактивности в пределах своей компетенции, являются органы государственной безопасности Республики Беларусь, органы внутренних дел Республики Беларусь, Служба безопасности

Президента Республики Беларусь, Вооруженные Силы Республики Беларусь, органы пограничной службы Республики Беларусь. Общее руководство осуществляют Президент Республики Беларусь и Совет Министров Республики Беларусь [13; 14]. Координация деятельности вышеназванных субъектов осуществляется посредством Комиссии по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом [15].

Основными направлениями противодействия неконвенциональным формам политической протестной киберактивности являются предупреждение, выявление и пресечение противоправной киберактивистской деятельности в киберпространстве и минимизация последствий актов противоправного политического протестного киберактивизма [16]. Приоритетным направлением является предупреждение, которое состоит в устранении причин и условий популярности противоправных цифровых методов борьбы; оказании профилактического воспитательного воздействия на склонных к радикальной и насильственной деятельности лиц; прогнозировании угроз безопасности критически важным информационным системам, подлежащим первоочередной защите; создании эффективной системы защиты информационных систем от воздействия извне; повышении уровня правовой грамотности и цифрового этикета.

Выявление и пресечение противоправной протестной политической деятельности в киберпространстве осуществляются путем своевременного получения и анализа информации о подготовке и совершении в отношении Республики Беларусь или ее резидентов кибератак, призванных дестабилизировать общественный порядок, создать в социуме атмосферу страха, оказать воздействие на принятие решений государственными органами, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности; предотвращения данных кибератак и установления и розыска лиц, причастных к их совершению.

Минимизация последствий неконвенциональных форм политической протестной киберактивности выражается в сведении к наименьшему количеству числа пострадавших от негативных последствий, причиненных кибератаками; ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного характера; форсированном восстановлении разрушенной инфраструктуры; минимизации размеров ущерба и материальных потерь и их возмещении физическим и юридическим лицам. Особого внимания требует нейтрализация морально-психологического воздействия и социальная реабилитация лиц, пострадавших в результате совершения противоправных актов политической протестной киберактивности.

Эффективность противодействия неконвенциональным формам политической протестной киберактивности обусловлена качеством обеспечения информационной безопасности, которое зависит от эффективности государственного реагирования на риски, вызовы и угрозы в информационной сфере и лежит в плоскости построения информационной инфраструктуры и информационных ресурсов, устойчивых к противоправным воздействиям. Немаловажным направлением обеспечения информационной безопасности является защита информации, неправомерные действия в отношении которой могут причинить вред ее обладателю, пользователю или иному лицу.

Таким образом, на основании проведенного в данном исследовании анализа противоправных форм политической протестной киберактивности можно сделать выводы о необходимости:

I. На международном уровне:

- выработать международные нормативные правовые акты в сфере совместной профилактики, выявления и предотвращения противоправных актов политической протестной киберактивности;
- создать международный орган, основной задачей которого будет объединение усилий национальных правоохранительных органов стран-участниц в области борьбы с киберпреступностью и противоправными формами политической протестной киберактивности.

II. На национальном уровне:

- закрепить кибертерроризм в качестве отдельного состава уголовно наказуемого деяния. При этом объектами данного деяния будут являться критически важные объекты информатизации, обеспечивающие жизнедеятельность населения и функционирование основных отраслей экономики, связь и системы коммуникации, а также те объекты, нарушение или прекращение функционирования которых может причинить ущерб окружающей среде;

- сформировать и укомплектовать двухуровневую систему органов кибербезопасности, включающую в себя:

1) научно-аналитический уровень, в рамках которого будут анализироваться угрозы кибербезопасности государства и разрабатываться методы по их устранению и минимизации;

2) исполнительный уровень, в рамках которого будут реализовываться меры по противодействию киберугрозам:

- повсеместно внедрить в учебные программы подготовки специалистов профессионально-технического, средне-специального и высшего образования специализированные дисциплины, формирующие у обучающихся «цифровые» навыки.

Список использованных источников

1. Новые данные МСЭ свидетельствуют как о растущем распространении интернета, так и о расширяющемся цифровом гендерном разрыве [Электронный ресурс] // Международный союз электросвязи. – 2019. – Режим доступа: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/Pages/2019-PR19.aspx>. – Дата доступа: 12.01.2021.

2. Информационное общество в Республике Беларусь / Национальный Статистический Комитет Республики Беларусь; под общ. ред. И. В. Медведевой. – Минск, 2019. – 101 с.

3. Ковалев, М. М. Цифровая экономика – шанс для Беларуси: моногр. / М. М. Ковалев, Г. Г. Головенчик. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – 327 с.

4. Петрянин, А. В. Уголовно-правовые, оперативно-розыскные и криминалистические механизмы противодействия экстремизму в телекоммуникационных сетях и сети «Интернет»: на примере статьи 280 УК РФ / А. В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1. – С. 158–161.

5. Булах, Е. В. Преимущества интернета как среды политической коммуникации в современном обществе / Е. В. Булах // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 3. – С. 4–7.

6. Валеев, А. Х. Борьба с проявлением экстремизма в сети Интернет / А. Х. Валеев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2011. – № 6. – С. 125–127.

7. Драгун, Д. В. Кибертерроризм – новая и наиболее опасная форма терроризма в условиях цифровизации белорусского государства / Д. В. Драгун // У истоков и в авангарде белорусской политологии: материалы науч. конф., посвящ. 30-летию кафедры политологии

Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 нояб. 2020 г. / Беларус. гос. ун-т; редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – С. 209–214.

8. *Шарапов, Р. И.* Особенности виртуальных форм современного политического протеста / Р. И. Шарапов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2016. – № 1. – С. 97–101.

9. *Ильина, Е. М.* Цифровая трансформация политического участия / Е. М. Ильина // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики: сб. ст. XIV междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 мая 2020 г. / Минский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова; редкол.: А. Б. Елисеев, И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Минск: СтройМедиаПроект, 2020 – С. 17.

10. Экстремистский текст и деструктивная личность / Ю. А. Антонова [и др.]; Уральский гос. пед. ун-т; под общ. ред. Ю. А. Антоновой. – Екатеринбург, 2014. – 276 с.

11. Об утверждении Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1: в ред. Постановления Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18.03.2019 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=P219s0001&p1=1>. – Дата доступа: 12.01.2021.

12. *Прокопьева, В. А.* Политика противодействия кибертерроризму в современной России / В. А. Прокопьева // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2016. – № 4. – С. 31–38.

13. О противодействии экстремизму: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700203>. – Дата доступа: 12.01.2021.

14. О борьбе с терроризмом: Закон Респ. Беларусь, 3 января 2002 г., № 77-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. // Комитет государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://kgb.by/ru/zakon77-3>. – Дата доступа: 12.01.2020.

15. О комиссии по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом: Указ Президента Респ. Беларусь, 17 авг. 2015 г., № 356 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31500356&p1=1>. – Дата доступа: 12.01.2021.

16. Об утверждении Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 июля 2013 г., № 658: в ред. Постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 27.07.2015 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21300658>. – Дата доступа: 12.01.2021.

(Дата подачи: 22.02.2021 г.)

В. А. Евстафьев

Полесский государственный университет, Пинск

V. Evstafyev

Polesky State University, Pinsk

УДК 321.022

ОБ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ON THE CURRENT ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF STUDENT SELF-GOVERNMENT BODIES AT THE MODERN STAGE

Предметом анализа выступают факторы, определяющие особенности жизнедеятельности органов студенческого самоуправления белорусских ВУЗов. Рассмотрены особенности современного статуса органов студенческого самоуправления в постсоветский период, обусловленные трансформацией социально-экономического и социально-политического уклада, а также усилением воздействия на все стороны социальных взаимодействий молодежи процессов развития информационно-коммуникационных технологий. Предложен авторский подход в части способов повышения эффективности организационных структур студенческого самоуправления.

Ключевые слова: студенческое самоуправление; организационная структура; социально-политические преобразования; информационно-коммуникационные технологии.

The subject of the analysis is the factors that determine the characteristics of the life of student self-government bodies in Belarusian universities. The features of the current status of student self-government bodies in the post-Soviet period, caused by the transformation of the socio-economic and socio-political structure, as well as the increased impact of the development of information and communication technologies on all aspects of social interactions of young people are considered. The author's approach is proposed in terms of ways to improve the efficiency of organizational structures of student self-government.

Keywords: student self-government; organizational structure; socio-political transformations; information and communication technologies.

В условиях современных общественных процессов, характеризующихся повышением интенсивности динамики протекания, снижением позитивной аксиологической детерминированности их основных целевых ориентиров, а также высоким уровнем неопределенности повседневной событийности возрастает значение сохранения апробированных и поиска новых теоретико-методологических и организационно-институциональных подходов для поддержания межпоколенческих оснований их устойчивости и стабильного воспроизводства.

Одним из базовых элементов системы государственного и общественно-го управления общественно-политическими процессами и государственными институтами выступает эффективное пополнение состава ее кадровой компоненты, представленной профессиональными специалистами, обладающими компетенциями по выработке и реализации управленческих решений. Среди социальных структур, обеспечивающих формирование у молодых специалистов

профессиональных качеств, в совокупность которых наряду с профильной подготовкой осуществляется встраивание организационно-управленческих знаний и умений, ведущую роль продолжает выполнять университетская образовательная и воспитательная среда.

В пространстве направлений и форм внутриуниверситетской жизнедеятельности, включение студентов в которые необходимо рассматривать в аспекте становления у них первичных навыков проявления гражданского и политического участия, а также принятия значимых коллективных решений, наряду с иными видами социальной активности особое значение принадлежит их включению в деятельность студенческого самоуправления в системе высшего учебного заведения.

Необходимо в первую очередь отметить, что исторический процесс генезиса и развития органов студенческого самоуправления к настоящему времени концентрирует в себе опыт поступательного становления и совершенствования их организационных форм, которые сопровождалась заметным расширением возможностей студенческих сообществ по воздействию на различные аспекты повседневной реальности вуза.

На начальных этапах истории автономных объединений студенческой молодежи на современных белорусских территориях, относящихся к XIX веку, значительная часть ее инициатив, представляемых немногочисленными и слабо структурированными сообществами университетской молодежи, была приоритетно ориентирована на разнообразные формы антиимперской и антипривилегийной политической активности, а также на оказание социальной поддержки студентам, чтение дополнительной литературы и иные формы самостоятельной учебной работы [1, с. 12–13].

К завершению советского периода своего развития студенческое самоуправление в целом приобрело форму и свойства структурного элемента системы управления университетской жизнью. Более того, за счет инкорпорированных в систему студенческого самоуправления первичных организаций комсомола и погружением в связанные с его деятельностью управленческие процессы и информационные потоки обеспечивалась возможность прямого приобщения университетской молодежи к актуальной политико-экономической повестке дня страны [2, с. 177].

Уровень повседневных практик самоуправления студентов объективно «подтягивался» до организационных стандартов партийно-комсомольской работы и оказывал влияние на формирование управленческих навыков студенческого актива. При этом в механизмы внутриуниверситетского взаимодействия органов студенческого самоуправления были заложены подходы, позволяющие реализовать принцип «обратной связи». Осуществляемые в форме стандартизированной регулярной отчетности, данные схемы позволяли оценивать степень эффективности воздействия организационной и идейно-воспитательной работы на учебный процесс, поддерживать устойчивые взаимосвязи между активом самоуправления и рядовыми студентами, а также повышать гражданскую и политическую активность студенческой массы.

Разрушение советского государства сформировало новую политическую реальность, которая воплотилась в появлении многоукладной экономики, в реформировании политической системы и содержания политических процессов, а также в изменении способов реализации политической субъектности граждан

и общественных объединений. Ускорение темпов развития информационно-коммуникационных технологий выступило детерминантой коренных трансформаций в содержании и алгоритмах социальных и политических коммуникаций, и стало фактором значимых изменений в способах межличностных и групповых взаимодействий.

В этой связи после прекращения деятельности комсомола как центрального института советской модели молодежной политики и как элемента системы студенческого самоуправления, его структуры оказались в положении, которое характеризовалось выраженной локализацией их институциональных статусов, сокращением масштабов информационного поля их деятельности, а также появлением функциональной неопределенности в условиях сменившегося социально-экономического уклада и политического строя. Вместе с тем, органы студенческого самоуправления в ВУЗах страны в первой половине 1990-х гг. фактически остались единственными молодежными структурами, сохранившими относительную организационную устойчивость и, в связи с этим – формальную способность обеспечения прямого и всеобщего представительства интересов студенческой молодежи во внутриуниверситетской жизни.

После реализации указанных коренных социально-политических и социально-экономических преобразований возникла объективная необходимость системного переосмысления и переопределения подходов к организации функционирования структур студенческого самоуправления. Поскольку в постсоветский период в структуре управления их деятельностью произошла фактическая ликвидация централизованной направляющей их работу компоненты, то требованием времени стало восстановление для системы студенческого самоуправления общереспубликанских стратегий целеполагания. Данные стратегии должны были ориентировать студенческую активность на реализацию целей и задач суверенного бытия страны, выработку соответствующих данным политическим императивам организационных форм, определение ресурсной базы студенческих проектов, а также поиск результативных технологий деятельности, способных обеспечивать гармоничное сочетание приоритетов индивидуального и корпоративного развития.

Однако, как в указанный период, так и на протяжении более чем двадцати последующих лет со стороны политико-властных институтов системных действий, направленных на превращение органов студенческого самоуправления в значимый фактор совершенствования внутриуниверситетской жизнедеятельности и формирования организационно-управленческих компетенций студенческой молодежи предпринято не было. Основным направлением приложения усилий со стороны государственного аппарата с 1997 г. стало формирование, как его обозначило в информационном пространстве республики руководство страны, единого и «мощного» молодежного объединения (БПСМ, а затем с 2002 г. – БРСМ). Полагаем, что это обстоятельство стало одним из значимых факторов замедления и приостановки процессов централизованной наработки организационных и методологических инноваций для сферы студенческого самоуправления в вузах.

За более, чем четверть-вековой период, который можно обозначить для данной сферы, как этап автономно-локального функционирования, структура социальных взаимодействий в обществе в целом и молодежная среда белорусского социума в частности приобрели совокупность качественно новых

характеристик, которые могут быть оценены как факторы, осложняющие приведение организаций студенческого самоуправления к формату эффективно функционирующей системы.

Во-первых, в связи с внедрением рыночных (капиталистических) отношений в систему социальных взаимодействий был произведен демонтаж институциональных механизмов централизованного включения и вовлечения молодежи в общегосударственные процессы, предметность которых предопределялась в прямой и непосредственной зависимости от выполнения задач социального и экономического развития страны. Помимо решения широкого круга учебных и организационно-методических задач внутри ВУЗа, такое включение обеспечивало устойчивость процессов политической и гражданской социализации будущих специалистов. В настоящее время органы студенческого самоуправления функционируют вне механизмов переноса в ее повседневные практики актуальных общегосударственных смыслов, в силу отсутствия подобных механизмов в существующей модели государственного управления.

Во-вторых, за постсоветский период произошли существенные изменения в способах и количественно-качественных способах реализации гражданской и политической субъектности молодежи:

- прекратила свое существование большая часть механизмов организованного включения молодежи в политическую жизнь, свойственных политической системе социалистического типа [3, с. 76];
- не была сформирована институциональная замена ликвидированным после распада СССР механизмам воспроизводства формализованных оценок деятельности в отношении органов государственного управления, предприятий и учреждений, а также общественных объединений со стороны вышестоящих партийных и комсомольских комитетов, которые в советский период реализовывались посредством процедур решений и постановлений собраний и соответствующих комитетов;

В-третьих, революционным образом усилилось воздействие на все стороны социальных взаимодействий молодежи процессов развития информационно-коммуникационных технологий. Одним из наиболее значимых и динамичных процессов в информационной сфере стало значительное возрастание роли сетевых Интернет-структур и расширение их политико-мобилизационных возможностей в молодежной и, особенно – в студенческой среде. Как показала практика событий, последовавших в республике после окончания избирательной кампании по выборам Президента РБ во второй половине 2020г., период, когда, например, было допустимо игнорировать влияние, глобальных цифровых сетей на политическое сознание и поведение белорусской молодежи, закончился.

Перечисленные выше трансформации в институциональной и духовно-информационной сферах молодежных коммуникаций предопределили необходимость их практического учета в процессах совершенствования системы студенческого самоуправления в вузах страны. Данный вызов нашел отражение в ряде действий, предпринятых в последние годы со стороны органов государственного управления. Так, к их числу имеет прямое отношение принятый Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1228 от 23.12.2014 Республиканский план мероприятий по проведению в 2015 году Года молодежи в нашей стране. В соответствии с п. 1 данного плана «Совершенствование нормативной правовой базы в области государственной молодежной политики» к февралю

2015 г. впервые в практике работы с молодежью в стране предполагалась разработка концепции развития студенческого самоуправления в Республике Беларусь и ее утверждение к ноябрю 2015 г. [4].

28–29 сентября 2015 года в Белорусском государственном университете состоялась I Международная конференция «Студенческое самоуправление: опыт и перспективы развития». Мероприятие было направлено на развитие студенческого самоуправления, международного молодежного сотрудничества и укрепление дружественных отношений между молодежью Беларуси и других стран. В заключительный день работы форума, 29 сентября, активисты рассмотрели и обсудили проект концепции студенческого самоуправления в Республике Беларусь [5].

Президиум Республиканского совета ректоров в своем решении от 05.05.2016 г. № 2 «О взаимодействии администрации (руководства) учреждения высшего образования и органов студенческого самоуправления в решении актуальных задач жизнедеятельности ВУЗа» в п. 1 постановляющей части повторю, уже от своего имени рекомендовал Министерству образования осуществить обновление нормативно-правовой базы функционирования органов студенческого самоуправления УВО на республиканском уровне, в том числе разработать Концепцию развития студенческого самоуправления, типовое Положение о студенческом совете, в котором уточнить его функции как координатора всех органов студенческого самоуправления УВО, его права и полномочия, порядок формирования и ресурсное обеспечение студенческого самоуправления. При этом содержание рекомендаций указанного Президиума учреждениям высшего образования в части организации функционирования органов студенческого самоуправления сконцентрировалось на таких направлениях как обеспечение регулярной отчетности данных структур перед студенчеством, выдвижение студенческого актива в кадровый резерв, обеспечение материального стимулирования актива органов студенческого самоуправления, обеспечение учета мнения студенчества при принятии решений по актуальным вопросам их жизнедеятельности, а также создание структур, позволяющих формировать у студенческой молодежи предпринимательские навыки для зарабатывания средств, которые могут быть использованы в целях реализации студенческих проектов [6].

Однако, несмотря на проделанную в указанном направлении работу обнаружить признаки ее результативного завершения к настоящему времени не удается. Более того в тексте документа Министерства образования РБ «Особенности организации социальной, воспитательной и идеологической работы в учреждениях высшего образования в 2020/2021 учебном году» его положения, освещающие установки на взаимодействие с органами студенческого самоуправления, изложены с максимальной степенью абстрагирования от конкретных характеристик особенностей ситуации в сфере автономной внутриуниверситетской активности студентов [7].

В этой связи полагаем целесообразным изложить авторскую позицию, отражающую направления трансформации наиболее значимых сторон деятельности органов студенческого самоуправления с целью повышения ее результативности и эффективности.

Во-первых, по нашему мнению, назрела потребность в уточнении самого понятия «студенческое самоуправление». С учетом рассмотренных выше системных преобразований в общественных отношениях необходимо сохранить в его

содержании смыслов таких категорий, как «управление», «самоуправление», «предмет самоуправления», «методы самоуправления») и ряда других понятий из аппарата теории и практики управления [8]. При этом одним из наиболее значимых аспектов при определении содержания категории «предмет студенческого самоуправления» представляется обеспечение терминологической точности и однозначности в части определения сфер функционирования УВО и жизнедеятельности студентов, на которые могут оказывать реальное управленческие воздействия решения, принимаемые органами их самоуправления.

Во-вторых, очевидными на наш взгляд является восстановление в полном объеме в функциональной структуре студенческого самоуправления достижительных элементов, отражающих общеустановленные и согласованные рациональные представления о его результативности и о способах ее измерения и оценки. Демонтаж достижительного дискурса в представлениях о предназначении внутриуниверситетского студенческого активизма, обозначившийся в постсоветский период, привел к гипертрофированной акцентуации в его презентациях в публичном информационном пространстве описаний структурной и процессной составляющих, закрепленных в соответствующих нормативных положениях. При этом происходит уменьшение возможностей для определенного понимания форм промежуточной и итоговой результативности студенческого самоуправления, количественных и качественных показателей, отражающих (в том числе и в динамике) его субъектную составляющую, а также объемов материально-финансовых и технических ресурсов, вовлекаемых в мероприятия и программы, инициируемые студенческой средой. Нормативное детализированное фиксирование данных элементов деятельности, как правило, либо не осуществляется, либо находится вне пределов доступного информационного поля.

В-третьих, в совершенствовании способов функционирования органов студенческого самоуправления в максимально доступном объеме должны быть использованы возможности современных информационно-коммуникационных технологий. Содержание данного направления, на наш взгляд, может быть обозначено включением в него следующих позиций:

- обеспечение системной, полной и целостной информационной картины функционирования органов студенческого самоуправления как в СМИ УВО, так и в медийном поле административных территорий;
- повышение уровня возможностей реальной информационной доступности в отношении текущего и перспективного планирования деятельности органов студенческого самоуправления и связанных с этим параметром возможностей включения для студентов в реализацию мероприятий и программ, включая форумные модели коммуникаций;
- расширение с использованием ресурсов цифровых информационно-коммуникационных технологий процедурных возможностей студентов для их непосредственного участия в процессах подготовки и реализации значимых внутриуниверситетских решений;
- формирование и совершенствование институциональных практик публичной отчетности актива студенческих советов перед студентами с использованием возможностей цифровых информационно-коммуникационных технологий;
- создание электронных архивов и баз данных, предназначенных для накопления материалов, отражающих все аспекты функционирования органов студенческого самоуправления;

- формирование новых цифровых сетевых структур, обеспечивающих оперативный обмен информацией, координацию действий и обмен актуальным опытом в сфере студенческого самоуправления как во внутреннем пространстве университета, так и в межуниверситетском формате.

Таким образом, выводы по изложенному выше могут быть обобщены в следующей форме:

1. Органы студенческого самоуправления в постсоветский период в течение длительного периода времени фактически оказались вне пространства предметной теоретико-методологической, организационно-деятельной системной рефлексии, что предопределило ограничение возможностей их преобразовательного воздействия в сфере их функционального влияния;

2. В постсоветский период возникли макро-факторы, чье появление было обусловлено трансформацией социально-экономического и социально-политического уклада, изменением способов реализации политической субъектности граждан и общественных объединений, а также революционным усилением воздействия на все стороны социальных взаимодействий молодежи процессов развития информационно-коммуникационных технологий. Обозначенные факторы к настоящему моменту времени с достаточной степенью однозначности предопределяют направленность и содержание процессов по преобразованию системы органов студенческого самоуправления;

3. В качестве способов повышения эффективности организационных структур студенческого самоуправления, в соответствии с авторской позицией, необходимо рассматривать меры по научно-теоретическому переосмыслению базового категориального аппарата данной сферы деятельности, восстановлению и рационализации в их функциональных алгоритмах результативно-достижительной составляющей, а также широкое включение в ресурсный арсенал студенческого самоуправления возможностей информационно-коммуникационных технологий.

Список использованных источников

1. Студенческое самоуправление в Беларуси / С. А. Воронкевич [и др.]. – Минск: «Энциклопедикс», 2013. – 92 с.

2. *Требулькевич, Е.* Становление системы студенческого самоуправления в 1980-е годы / Е. Требулькевич // Научные записки. Серия: педагогика – 2017. – № 2. – С. 175–181.

3. *Евстафьев, В. А.* Политическая субъектность молодежи в аспекте формирования стратегии государственной молодежной политики в Республике Беларусь / В. А. Евстафьев // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук: научно-практический журнал. – 2019. – № 2. – С. 80–86.

4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря 2014 г. № 1228 «Об утверждении республиканского плана мероприятий по проведению в 2015 году Года молодежи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.just-minsk.gov.by/dfiles/001706_181540_post_sm_1228_plan.pdf. – Дата доступа: 02.06.2015.

5. Студенческое самоуправление: опыт и перспективы развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mspu.by/index.php/home/4610-studencheskoe-samoupravlenie-opyt-i-perspektivy-razvitiya>. – Дата доступа: 20.01.2021.

6. Решение Президиума Республиканского совета ректоров от 05.05.2016 г. № 2 «О взаимодействии администрации (руководства) учреждения высшего образования и органов студенческого самоуправления в решении актуальных задач жизнедеятельности

ВУЗа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://srrb.niks.by/wp-content/uploads/2019/12/2016-05-05-2.pdf>. – Дата доступа: 09.02.2021.

7. Инструктивно-методическое письмо «Особенности организации социальной, воспитательной и идеологической работы в учреждениях высшего образования в 2020/2021 учебном году» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-vospitatelnoy-raboty-i-molodezhnoy-politiki/upravlenie-raboty/informatsionno-analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/> – Дата доступа: 03.02.2021.

8. Князев, С. Н. Управление: искусство, наука, практика: учеб. пособие / С. Н. Князев. – Минск: Армита – Маркетинг, Менеджмент. – 512 с.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

А. Н. Зинченко

Белорусский государственный университет, Минск

A. N. Zinchanka

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.8

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЧАСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ПРИМЕРЕ ИХ СТАНОВЛЕНИЯ В АФРИКЕ К ЮГУ ОТ САХАРЫ

HUMAN RIGHTS AS PART OF THE EUROPEAN UNION'S FOREIGN POLICY: THE CASE OF SUB-SAHARAN AFRICA

Статья освещает основные исторические тенденции в становлении роли прав человека во внешней политике Европейского союза, раскрывает явление концептуализации прав человека в странах Африки, а также основные точки зрения на сам процесс концептуализации. Отмечается важная роль универсализма в отношении прав человека, а также культурного релятивизма, которые являются основными точками зрения на концептуализацию прав человека. Указывается на сложный характер процесса принятия прав человека и их внедрения в законодательство стран Африки с учетом местных экономических, культурных и политических особенностей. Делается вывод о том, что культурный релятивизм настаивает на принятии прав человека с учетом местных особенностей, но не настаивает на отрицании существования этих прав как таковых.

Ключевые слова: страны Африки; права человека; концептуализация прав человека; культурный релятивизм; универсализм; ЕС.

The article highlights the main historical trends in the formation of human rights in African countries, as well as the main points of view on the process of conceptualization. The important role of universalism in relation to human rights, as well as cultural relativism, which are the main points of view in this process, is noted. The author points out the complex nature of the process of adopting human rights and their implementation in the legislation of African countries, taking into account local economic, cultural and political characteristics. It is concluded that cultural relativism insists on the acceptance of human rights taking into account local characteristics, but does not insist on the denial of the existence of these rights as such.

Keywords: African countries; human rights; conceptualization; cultural relativism; universalism; EU.

В связи с тем, что Европейским союзом, Соединенными Штатами Америки, а также международными организациями различного масштаба ведется активная деятельность по реализации прав человека в развивающихся странах, можно говорить о том, каким образом права человека проходят этапы становления в развивающихся странах, в частности в странах Африки, а также какие вопросы и проблемы возникают в рамках данного процесса.

Согласно концепции, предложенной Асбьёрном Эйде [1, р. 107], различаются три этапа эволюции прав человека на фоне политических и социальных детерминант общества. Они включают идеализацию – процесс возникновения идеалов прав человека у групп, подвигающихся дискриминации; позитивизацию – закрепление прав человека в законах государства; и реализацию – создание социальных, экономических и политических условий для обеспечения реализации прав человека на практике.

Кшиштоф Джевицкий, приняв данную концепцию, дополнил ее также этапом концептуализации, под которым он понимал исследование теоретических аспектов и целесообразность позитивизации, и которая является результатом этапа идеализации [2, р. 50–51].

В данной статье рассматривается пример внедрения повестки прав человека во внешнюю политику Европейского союза по отношению к странам Африки к югу от Сахары.

Венди Браун отмечает, что причина, по которой культурный релятивизм играет большую роль заключается в противостоянии культурному и политическому империализму Запада. Такая культурная гегемония может сталкиваться с противодействием местных культур со ссылкой на национальные традиции отдельно взятых стран, более того, для западной культуры, частью которой являются права человека, местная культура и религия может оказаться нелегитимной, так как она априори отвергает многие положения западной культуры [3, с. 7]. Анжела Митрополус отмечает, что культурный релятивизм характерен не только для культуры развивающихся стран, но в разное время встречался также в западной культуре и служил оправданием для идей, противоречащих идеям гуманизма. При этом автор отмечает, что при глобализации культура отходит от национальности и может рассматриваться совместно с универсальными ценностями [4, р. 314–315].

С заключением Маастрихтского договора в 1992 г. [5] и образованием Европейского союза роль прав человека в политике европейских стран значительно возросла.

В 1995 году Европейский совет принял условие о соблюдении прав человека при заключении любых договоров с третьими странами [6]. Таким образом, ЕС вводит механизм, который позволяет приостановить любые договора с любым государством, если данное государство не соблюдает права человека или нарушает демократические принципы правления. Кроме того, ЕС активно использует механизм санкций, который может применяться к государствам, нарушающим условия соблюдения прав человека, однако такой механизм не применяется повсеместно.

Тем не менее, влияние условия соблюдения прав человека при приостановке действия договоров может быть неоднозначным. ЕС может продолжать предоставлять техническую помощь и заключать соглашения со странами, в которых нарушаются права человека и демократические условия. При принятии

решения о продолжении сотрудничества с такими странами, ЕС руководствуется наличием прогресса по правам человека и демократизации общества, которые происходили в стране. При наличии такого прогресса, ЕС продолжает активное сотрудничество со страной. Например, в 1996 г. Европейский союз приостановил сотрудничество с Мьянмой в связи с тем, что не наблюдалось прогресса в процессе демократизации и соблюдении прав человека [7, р. 191].

Первые попытки внедрить права человека в договорную базу между ЕС и Африкой проявились в переговорном процессе во время подписания второй конвенции Ломе в 1980 г. Третья конвенция Ломе 1985 г. упоминала права человека, однако такое упоминание сводилось к приложению к договору в качестве декларации сторон о признании необходимости развития прав человека в регионе и не являлось частью оригинального документа. Наиболее явное влияние развития в области прав человека проявилось в четвертой конвенции Ломе 1989 г. [8]. В данной конвенции уважение к правам человека определено в качестве фактора для развития, вследствие этого стороны договаривались о тесном сотрудничестве в отношении прав человека. С учетом данной роли прав человека, стороны договаривались о развитии фундаментальных гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав.

Как показывает практика применения четвертой конвенции Ломе, права человека стали определенной предпосылкой для ЕС в части предоставления помощи в развитии, а также при составлении национальных индикативных программ. Впоследствии при пересмотре четвертой конвенции Ломе в 1995 г. и при проведении переговоров о новой конвенции, ЕС продолжал развивать темы прав человека, демократических принципов правления и верховенства закона [9, р. 23].

Также в дальнейших переговорах ЕС все больше увязывал соблюдение прав человека с устойчивым экономическим и социальным развитием. Именно эти переговоры и обозначили позицию ЕС по отношению развития прав человека и демократии в странах Африки. Делая акцент на неотъемлемости этих критериев в будущей политике ЕС, тем не менее ЕС признавал право стран на собственную скорость в развитии, с учетом тех международных и национальных правовых актов, которые уже были приняты, а также принимая во внимание текущую ситуацию по отношению к правам человека и демократии, сложившуюся в различных странах-участниц переговоров.

Еще одним шагом стала коммюнике Европейской комиссии «Демократизация, верховенство права, уважение прав человека и надлежащее управление: задачи партнерства между Европейским союзом и странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ)» [10].

Такое коммюнике также раскрывало понятия демократизации, прав человека, надлежащего направления и процесса демократизации, которые будут использоваться в будущем при разработке индикативных программ для стран АКТ. Также данный документ привязывал данные понятия к диалогу со странами АКТ, а также к плану действий в отношении решения проблем в данной сфере. Данный процесс позволял ЕС раскрыть свою точку зрения на процесс концептуализации прав человека в странах Африки.

Позиция ЕС во внешней политике по отношению к правам человека соотносилась с одновременным созданием в 1994 г. Европейской инициативы в области демократии и прав человека, который должен был распределять поступающие

финансовые средства в отношении мероприятий по продвижению прав человека [11].

Следующим шагом по закреплению роли прав человека в отношениях между ЕС и Африкой стал договор Котону в 2000 г. Но новом этапе отношений ЕС настаивал на проведении полноценного диалога между странами Африки, который бы рассматривал бы все аспекты становления прав человека: определение наиболее уязвимых групп населения; закрепление прав человека в правовых документах на межгосударственном и государственном уровне; а также предоставление условий для их выполнения [12].

Отдельно данный договор предусматривал развитие индикативных программ в рамках которых разрабатывались шаги по развитию прав человека. Каждая из данных программ опиралась на текущую ситуацию в регионе, а также на внедрение прав человека в законодательство и помощь наиболее уязвимым группам.

Можно отметить, что помощь ЕС в историческом процессе по развитию прав человека в странах Африки пришлась на период позитивизации прав человека, а также на первые попытки реализации, если рассматривать данный исторический процесс с точки зрения модели, созданной А. Эйде [1, р. 107]. Таким образом Европейский союз внедрил права человека в качестве обязательного аспекта внешней политики в общем и привязал данное условие к индикативным программам для стран Африки. Данные условия способствовали позитивизации прав человека, однако несмотря на активный процесс по их внедрению в законодательство, реализация будет оставаться под вопросом, пока права человека не пройдут окончательный процесс концептуализации.

Развитие концептуальных основ понимания прав человека в странах Африки происходит с двух точек зрения: первая утверждает универсальность прав человека применительно к различным обществам и предполагает поощрение и распространение прав человека на международном уровне, включая внедрение прав человека в законодательство, аргументируя, что многие практики не могут осуществляться под предлогом традиций; вторая возникла вследствие антиколониального и антирасистского движения в разрезе антиглобализма, она, указывая на замкнутость институтов глобального уровня, которые утверждают универсальность западных культурных норм. [13, р. 620].

Большую поддержку данная антиглобалистская точка зрения получила у культурных релятивистов, которые утверждали, что культурные и социальные особенности стран Африки не предоставляют необходимых социальных условий для провозглашения универсальности прав человека. Приверженцы релятивизма предлагали внедрять права человека в социальную и политическую сферу жизни общества с учетом культурных традиций данного общества, при этом сохраняя некоторые особенности разности культур и указывая на то, что западные ценности не могут носить универсального характера для стран с другой культурной основой. Однако подобные оговорки могли способствовать сохранению законов, которые противоречат международным нормам, и привести к злоупотреблению со стороны государства, которое в странах Африки может выступать одним из нарушителей прав человека [14, р. 22]. В результате возникла ситуация, при которой права человека провозглашались универсальной ценностью отношения к личности на межгосударственном уровне, но игнорировались на государственном или локальном уровне.

Ярким примером может служить Африканская хартия прав человека и народов, подписанная в Кении в 1981 г., которая является основным региональным документом, закрепляющим права человека в странах Африки, и которая устанавливает поддержку и защиту основных прав человека, с учетом традиций и права народа на самоопределение [15, с. 1]. На данный момент все государства Африканского союза подписали или ратифицировали данную хартию (Эритрея последней ратифицировала данную хартию в 1999 году). Несмотря на то, что данный документ означал старт организованных усилий стран Африки направленных на развитие и защиту прав человека, наличие ограничительных оговорок, в статьях о свободе совести, религии и вероисповедания, а также о праве частных лиц на свободное объединение, допускает ограничительные действия со стороны государства в отношении вышеназванных прав.

Отдельно стоит упомянуть о том, что протокол к Африканской хартии прав человека и народов об установлении Африканского суда по правам человека был принят только в 1998 году, а вступил в силу только в 2004 году [6]. Всего данный протокол подписали 30 государств. При этом, заявление о признании компетенции Суда при рассмотрении жалоб о нарушении прав человека от неправительственных организаций и частных лиц признали лишь 8 государств-членов: Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Гана, Мали, Малави, Танзания и Тунис.

Данный факт, а также наличие оговорок в самой хартии свидетельствует о том, культурный релятивизм в отношении прав человека носит преобладающий характер среди лиц, принимающих решения в странах Африки.

Можно отметить, что ЕС постепенно внедрял права человека в свою внешнюю политику на уровне институтов внешних связей и основополагающих документов, что затем вылилось в устойчивую стратегию по развитию демократии и прав человека в странах-партнерах. С учетом твердой позиции ЕС в отношении условия соблюдения прав человека в странах-партнерах, можно сказать, что начиная с 1995 г. данный аспект начинает играть ключевую роль в отношении ЕС с третьими странами. Этот аспект внешней политики ЕС особенно важен для стран Африки, в которых права человека развиваются в том числе в рамках индикативных программ.

В связи со стойкими позициями культурного релятивизма в отношении универсальности прав человека среди академических и политических кругов в странах Африки, а результате дебатов были разработаны концепции мягкого универсализма или мягкого релятивизма. Однако при этом они выступают против одностороннего заявления об универсальности прав человека, указывая на то, что социальная реальность в странах Африки носит комплексный характер, который не может быть преодолен односторонним восприятием прав человека как универсальной нормы.

С учетом социальных, культурных и экономических особенностей стран Африки, концептуализация прав человека может происходить с позиции принятия тех прав человека, которые способствуют развитию общества на данном этапе; с позиции, которая гласит о том, что страна должна достигнуть определенного уровня развития, для внедрения прав человека; либо права человека должны приниматься только при наличии оговорок, которые бы учитывали культурные особенности стран. Однако подобные условия при принятии прав человека могут оставлять государствам возможности по ограничению этих прав исходя из собственных интересов.

При этом сам отказ от принятия прав человека в странах Африки неприемлем как для внутренней, так и для внешней политики. Данная тема активно обсуждается неправительственными организациями внутри данных стран, которые представляют часть населения, которое подвергается дискриминации, что свидетельствует об этапе идеализации. Также права человека активно обсуждаются во внешнеполитической повестке при отношениях с США и Европейским союзом, от которых исходит значительная часть финансовой помощи, и полный отказ от защиты и развития прав человека в странах Африки приведет к ухудшению отношений с данными акторами, что, несомненно, скажется на благосостоянии данных стран.

Список использованных источников

1. *Eide, A.* Dynamics of Human Rights and the Role of the Educator / A. Eide // *Bulletin of Peace Proposals.* – 1983. – V. 14, № 1. – P. 105–114.
2. *Drzewicki, K.* The Rights of Solidarity as Human Rights Some Methodological Aspects / K. Drzewicki // *Nordic Journal on Human Rights.* – 1988. – V. 6, № 4. – P. 45–51.
3. *Brown, W.* Tolerance in the Age of Identity and Empire / W. Brown. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 268 p.
4. *Mitropoulos, A.* Cultural Relativism, Cultural Difference [Electronic resource] / A. Mitropoulos // *OSF Preprints* – DOI: 10.31219. – Mode of access: <https://doi.org/10.31219/osf.io/xpbv5>. – Date of access: 27.12.2020. – P. 311–316.
5. Treaty on European Union [Electronic resource] // European Union. – Mode of access: https://europa.eu/european-union/sites/europaefiles/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf. – Date of access: 20.01.2020.
6. Resolution on the Communication from the Commission on the Inclusion of Respect for Democratic Principles and Human Rights in Agreements between the Community and Third Countries [Electronic resource] // *Official Journal of the European Union.* – 1996. – C320. – V. 39. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:1996:320:TOC>. – Date of access: 20.01.2020.
7. *Smith, K. E.* The EU, human rights and relations with the third countries // *Ethics and foreign policy* / ed. K. E. Smith, M. Light. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 188–192.
8. The Fourth ACP-EEC convention signed at Lomé on 15 December 1989 [Electronic resource] // *Official Journal of the European Union.* – 1991. – L229. – V. 34. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L:1991:229:TOC>. – Date of access: 12.01.2021.
9. Agreement amending the fourth ACP – EC Convention of Lome signed in Mauritius on 4 November 1995 [Electronic resource] // Caribbean Trade Reference Centre. – Mode of access: http://ctrc.sice.oas.org/Trade/CARIFORUM-ECEPA/Cotonou_Agreement_&_Lome4_ome4_e.pdf. – Date of access: 12.01.2021.
10. Democratization, the rule of law respect for human rights and good governance: the challenges of the partnership between the European Union and the ACP states [Electronic resource] // Commission of the European Union. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:1998:0146:FIN:EN:PDF>. – Date of access: 13.01.2021.
11. European initiative for democracy and human rights (EIDHR) (2000-2006) [Electronic resource] // European Union. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ar10110>. – Date of access: 20.01.2021.
12. Partnership agreement between the members of the African, Caribbean and Pacific Group of States of the one part, and the European Community and its Member States, of the

other part, signed in Cotonou on 23 June 2000 [Electronic resource] // Publication Office of the European Union. – Mode of access: http://publications.europa.eu/resource/cellar/eebc0bbc-f137-4565-952d-3e1ce81ee890.0004.01/DOC_1. – Date of access: 14.01.2021.

13. *Dahre, J. U.* Searching for a Middle Ground: Anthropologists and the Debate on the Universalism and Cultural Relativism of Human Rights / J. U. Dahre // *The International Journal of Human Rights*. – 2017. – V. 21. – № 5. – P. 611–628.

14. *Ssenyonjo, M.* Responding to Human Rights Violations in Africa. Assessing the Role of the African Commission and Court on Human and Peoples' Rights (1987–2018) / M. Ssenyonjo // *International Human Rights Law Review*. – Brill Hijhoff, 2018. – V. 7(1). – 42 p. – DOI: 22131035-00701003.

15. African (Banjul) Charter on Human and Peoples' Rights [Electronic resource] / African Commission for Human Rights. – Mode of access: http://www.achpr.org/files/instruments/achpr/banjul_charter.pdf. – Date of access: 10.04.2018.

(Дата подачі: 26.02.2021 г.)

М. В. Казлоў

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт фізічнай культуры, Мінск

M. V. Kozlov

Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

УДК 325.2+329.1/.6

ВЫКЛІКІ ФРАНЦУЗСКАЙ ПАЛІТЫЧНАЙ СІСТЭМЫ: МІГРАЦЫЯ І COVID-19. НА ПРЫКЛАДЗЕ ДЫСКУРСА ПАРТЫЙ ЭМАНУЭЛЯ МАКРОНА І МАРЫН ЛЕ ПЕН

CHALLENGES OF THE FRENCH POLITICAL SYSTEM: MIGRATION AND COVID-19. ON THE EXAMPLE OF THE DISCOURSE OF THE PARTIES OF EMMANUEL MACRON AND MARINE LE PEN

У працы разглядаецца сучаснае становішча Французскай рэспублікі і выклікі, з якімі ёй давялося сутыкнуцца ў перыяд з 2015 па 2020 г. Паказана рэакцыя французскіх партый на гэтыя падзеі. Аналізуецца палітыка «партыі ўлады» і найбольш «адыезнай партыі» апазіцыі. Асноўнымі праблемамі для разумення з'яўляюцца міграцыйны крызіс і Covid-19. Пры гэтым звяртаецца ўвага на поведзіны саміх палітыкаў і іх партый, што добра ілюструе аналіз іх дыскурсу.

Ключавыя словы: Францыя; партыі; дыскурс; міграцыйны крызіс; Covid-19; сацыяльныя сеткі.

The paper examines the current situation in the French Republic and the challenges that it had to face in the period from 2015 to 2020. The reaction of the French parties to these events is shown. The policy of the “party in power” and the most “odious party” of the opposition is analyzed. The main issues to understand are the migration crisis and Covid-19. At the same time, attention is drawn to the behavior of the politicians themselves and their parties, which is well illustrated by the analysis of their discourse.

Keywords: France; parties; discourse; migration crisis; Covid-19; social networks.

Сёння свет сутыкнуўся з цэлым спектрам выклікаў палітычнага, эканамічнага і сацыяльнага характару. У перыяд з 2015–2020 гг. адбыўся

і нагадаў пра сябе цэлы шэраг ваенных канфліктаў, замарожаных і якія выявіліся ўжо ў новым ключы. Кожная краіна на гэта рэагуе па-свойму і спрабуе знайсці адказы і вырашэння гэтых праблем праз уласны досвед. Больш за тое, у 2020 годзе свет паразіла пандэмія Covid-19, якая раптоўна замарозіла яго. Разам з гэтай эпідэміяй выявілася, што свет на самай справе палярызаваны не проста ў ідэалагічным плане і эканамічным вектары (хоць тут абвясчалася перамога глабалізму і поліцывілізацыйнага свету [15, с. 14]), але і ўнутры розных блокаў. Прыкладам гэтаму служыць ЕС, у якім Covid-19 разам з міграцыйным крызісам, падзяліў саюз на ядро развітых краін і краін, залежных ад іх, што сёння стала прыкметна ў поўнай меры (вакцыны) [5]. Пры гэтым у самім саюзе адбыліся фундаментальныя ўзрушэнні ў сувязі з выходам Велікабрытаніі з ЕС і зневажаннем свабод і нормаў саюза, прыкладам якіх служаць Венгрыя, Польшча [2; 10]. Таксама немалаважным з’яўляецца факт, што ў саміх краінах саюза пачалі адбывацца жорсткія палітычныя крызісы, зноў паўстала пытанне аб легітымнасці і рэйтынгах палітычнай улады, чым, натуральна, пачалі карыстацца радыкальныя рухі дзеля дасягнення ўласных інтарэсаў і ўлады ў цэлым [14]. Але ва ўсім гэтым праблемным полі, дакладней «хаосе», з’яўляецца новы «тып» палітыкаў, прыкладам якога можа служыць Францыя, дзе ў 2017 годзе да ўлады прыйшоў Эмануэль Макрон, які ўнёс у міжнародную і паліталогічную павестку новы стары вобраз «філосафа-цара», пра які пісаў яшчэ Платон, а Арнольд Тойнбі выдатна раскрыў гэты тып ці, дакладней, феномен. У сваёй шматтомнай працы «Даследаванне гісторыі», ён пісаў, у прыватнасці, што «...прапануючы лекі ад грамадскіх бед, характэрных не толькі для элітскага сьвету той пары, але і для ўсёй зямнога жыцця чалавека ва ўсе часы, у любых месцах і пры любых абставінах, Платон імкнецца абязброіць простага чалавека, схільнага ставіцца з непрыхаваным скепсісам да філасофскіх прадпісанняў» [13, с. 477]. Разуменне гэтага феномена прыводзіць да асэнсавання таго, як «філосаф» можа кіраваць і дзейнічаць для дасягнення сваіх уласных або філасофскіх мэтаў. Як паказвае гісторыя галоўнай зброяй філосафа былі веды і дыкурс, праз які і дзякуючы якому ён перадаваў свае веды. Менавіта ў прэзідэнце Францыі можна знайсці таго «філосафа-цара», які прыняў выклікі, з якімі давялося сутыкнуцца і Францыі, і Еўропе ў цэлым за такі кароткі перыяд часу. Такім чынам, феномен Макрона, яго стыль і яго дыкурс дапамогуць зразумець, якія палітыкі з’яўляюцца ў XXI стагоддзі і як яны будуць дзейнічаць і рэагаваць на выклікі, з якімі яны сутыкнуліся пры іх праўленні. Пры гэтым трэба зразумець, што для палітычнай навукі, грамадзянскай супольнасці ў цэлым важна знайсці дыялог, ведаць і ўмець зразумець псіхалогію такіх палітыкаў, ўсведамляць і быць гатовым да абароны гэтай грамадзянскай супольнасці ад замаху папулістаў і палітыкаў, якія імкнуцца да дасягнення ўлады для рэалізацыі ўласных карыслівых інтарэсаў, выкарыстоўваючы для гэтага сацыяльныя сеткі.

Сучаснае становішча палітычнай сістэмы Францыі. Французская палітычная сістэма ўяўляе сабой развітую дэмакратыю [3, с. 644–648]. Па ўсіх паказчыках Францыя ўваходзіць у дзясятку найбагацейшых краін свету. Людскія, тэхнічныя і іншыя рэсурсы забяспечваюць краіне высокі ўзровень развіцця. Францыя таксама ўваходзіць у розныя арганізацыі і ўдзельнічае ў міратворчых аперацыях. Грамадзянскія інстытуты, грамадзянскія супольнасць паказвае высокія паказчыкі па розных індэксах. Аднак, існуюць і вострыя праблемы, якія пачалі выяўляцца з канца 90-гадоў XX стагоддзя. У першую чаргу

гэта велізарная колькасць выхадцаў з былых калоній, якія слаба асімілююцца ў Францыі, а таксама эмігранты з іншых краін, з якімі давалося сутыкнуцца Францыі. Хацелася б адзначыць, што «іншае адрозненне сучаснай міграцыі на прыкладзе Францыі, якая і раней прымала немалая колькасць мусульман. Аднак, гэта былі выхадцы з яе былых калоній (у першую чаргу з краін Магрыба). Шмат каму з іх не былі чужыя французскія каштоўнасці і культура – яны размаўлялі па-французску і кантактавалі з французамі. У той час Францыя пазіцыянавала сябе як адна з самых гасцінных краін для імігрантаў, якія былі важным звяном нармальнага функцыянавання французскага грамадства, якія дазваляюць вырашаць дэмаграфічныя праблемы ў сувязі з крызісам нараджальнасці і старэннем насельніцтва, а таксама папоўніць недахоп таннай і непатрабавальнай працоўнай сілы ў пасляваенны перыяд. Тады мігранты разглядаліся выключна як «часовыя госці», зыходзячы з чаго палітыка рэгулявання міграцыйных патокаў не мела на ўвазе пад сабой пытанне аб адаптацыі прыбылі работнікаў ў французскае грамадства. Аднак, у выніку міграцыя набыла перасяленчы характар, што спарадзіла ўзнікненне цэлага шэрагу новых праблем і выклікаў (цяжасці пры інтэграцыі, рост правапарушэнняў). З гэтым звязаныя культурныя супярэчнасці і палітычныя крызісы, якія разам з эканамічнымі крызісамі прывялі да вострага канфлікту» [12, с. 164].

Што да палітычнай сістэмы, то ў Францыі існуе ўмоўна два блокі палітычных партый, якія ствараюць і фарміруюць палітычнае поле. Можна сказаць, што ў Францыі моцныя пазіцыі як сацыялістаў, так і прыхаваных. Больш за тое, апошнім часам публічны дыскурс запоўніўся крайне правым зместам. І звязана гэта было з вострай праблемай міграцыі і эпідэміяй, якая прыйшла ў гэтым годзе.

У перыяд 2015–2020 гг. мы назіраем зрух у палітычным полі Французскай рэспублікі. Ён відавочны тым, што палітычныя партыі Францыі змянілі дыскурс і ідэалагічнае кірунак [4]. Гэта добра было бачна са з’яўленнем новай партыі «Наперад, Рэспубліка!», якая ўтварылася ў 2016 г. Першапачаткова партыя пазіцыянавала сябе як партыя «якая не з’яўляецца ні левай, ні правай». Гэта было зроблена з мэтай пераняць галасы сацыялістаў, рэйтынг якіх знізіўся да вельмі нізкіх паказчыкаў у перыяд прэзідэнцтва Франсуа Аланда – да 12 % ў 2016 г., а ў лістападзе 2016 г. рэйтынг «апусціўся да рэкордных 4 %, што зрабіла яго самым непапулярным прэзідэнтам Францыі за ўсю гісторыю Пятай рэспублікі». Палітыка, якая праводзіцца сацыялістамі не знайшла водгуку ў грамадстве. Напрыклад, можна прывесці спробу ўвядзення дадатковых падаткаў, легалізацыю аднаполых шлюбаў, зніжэнне пенсійнага ўзросту «але не для ўсіх» і з’яўлення «закон Макрона» у перыяд, калі ён быў Міністрам эканомікі. Да гэтага накладваліся міграцыйныя праблемы, з якімі Францыя сутыкаецца сёння. Аднак, гісторыя гэтага пытання значна шырэй. У дадзеным выпадку трэба згадаць, што ў перыяд прэзідэнцтва Н. Сарказі ў 2005 г. гэта вылілася ў «Войны прыгарадаў» з спальваннем машын і уводам спецпадраздзяленняў і жандармерыі ў прыгарады буйных гарадоў. Больш за тое, схаваны этнічны канфлікт мае падставу быць дастаткова распаўсюджаным у Францыі. Можна таксама згадаць таго ж Сарказі, які прыгразіў выдаць з краіны цыганоў і імігрантаў, замяшаных у злачынствах. Прыхільнікаў такіх радыкальных мер у Францыі мноства. Пацвярджэннем гэтаму служыць партыя «Нацыянальнае аб’яднанне» Ле Пена, кіруе якой сёння яго дачка. Варта ўдакладніць, што і тут мы назіраем пераход ад вельмі прыхаваных поглядаў заснавальніка, бацькі Ле Пена,

да больш ўмераных правых, на якіх знаходзіцца яго дачка. Дадзеная партыя і яе прыхільнікі праславіліся тым, што гуляюць на пачуццях французаў, звязаных з няпростай тэмай міграцыі і Еўраскептыцызма. Асабліва гэта актуальна і значна праявілася з абсалютным панаваннем сацыяльных сетак, дзе прыхільнікі правых і радыкальных партый (у тым ліку і замежных дзяржаў) пачалі ўплываць на палітыку.

Праблема сацыяльных сетак. На сённяшнюю публічную палітыку і палітыку ў цэлым у Францыі і іншых краінах велізарны ўплыў аказваюць сацыяльныя сеткі, якія фарміруюць палітычны дыскурс. Гэта значыць, што медыя змянілі свой фармат. Цяпер прыкметна, як палітыкі змяняюцца ва ўтогу сацыяльным сеткам. Пры гэтым існуе супрацьлегласць, у якой сацыяльныя сеткі навязваюць свой дыскурс палітыкам. Свежым доказам гэтаму можа служыць былы прэзідэнт ЗША Д. Трамп. У сувязі з гэтым нам неабходна вызначыцца з тлумачэннем паняцця тэрміна «дыскурс»: «дыскурс – гэта камунікатыўная практыка, аналіз сістэмы пазначэнняў, які дазваляе нам убачыць адлюстраванне сацыяльнай рэальнасці». Далей, пазначым канцэпт сацыяльны сетак: гэта онлайн-платформа, якая выкарыстоўваецца для зносін, знаёмстваў, стварэння сацыяльных адносін паміж людзьмі. Як дакладна прыкмечана, што «сучасная інфармацыйна-камунікацыйная асяроддзе адкрывае новыя магчымасці грамадзянскага ўдзелу і грамадзянскага кантролю, працэсы ўжо знаходзяцца на мяжы пераходу грамадзянскага ўдзелу ў палітычнае. Не выпадкова сучасная інтэрнэт-прастора стала не проста структуравацца, гэта значыць сеткавыя супольнасці становяцца ўсё больш самадастатковымі, зачыненымі для іншых, абмяжоўваючы магчымую камунікацыю. У гэты працэс усё больш актыўна ўмешваецца дзяржава, ставячы электронныя бар’еры, фільтры распаўсюджванню сеткавай інфармацыі. Магчымасці сетак выкарыстоўваюцца для кантролю за грамадскай думкай, маніпулявання ім, не кажучы ўжо пра якасна новым узроўні інфармавання і каардынацыі дзейнасці не толькі апазіцыйных і пратэстных рухаў, але тэарыстаў і злачынцаў. На думку спецыялістаў «гэтыя камунікатыўна-інфармацыйныя тэхналогіі спрыяюць як развіццю грамадзянскай супольнасці, так і выступаюць эфектыўнай дапамогай рэалізацыі таталітарных тэндэнцый, крыміналу і тэарызму таксама» [8, с. 74]. Сёння менавіта сацыяльныя сеткі ўяўляюць сабой новы інструмент у палітыцы, у цэнтры якога знаходзіцца дыскурс. Менавіта яго патрабуецца прааналізаваць, каб зразумець, як дзейнічаюць у цяперашні час палітыкі, як выказванне, якое потым пераходзіць у сацыяльныя сеткі, набывае форму ўлады. У дадзеным выпадку краем партыі ўлады і апазіцыі.

Прыклад дыскурсу партыі ўлады «Наперад, Рэспубліка!» і партыі «Нацыянальнае аб’яднанне». Пачнём з партыі «Нацыянальнае аб’яднанне» (да 1 чэрвеня 2018 года «Нацыянальны фронт»). У сваім дыскурсе дадзеная партыя пастаянна падкрэслівае, што сёння Францыя знаходзіцца на мяжы катастрофы, пастаянна паўтараючы ўстаноўкі пра «міграцыйны патоп» або «міграцыйны перад тварам патопа французы чакаюць цвёрдасці!», «некіруемыя [міграцыйныя] патокі, крыніцы хаосу і адсутнасці бяспекі» [9, с. 216]. Як дакладна было адзначана, гісторыя дадзенай праблемы ня новая. У 2017 г. «... у Францыі прайшлі парламенцкія і прэзідэнцкія выбары, у якіх, сярод іншых, прынята ўдзел праварадыкальную партыя «Нацыянальны фронт» (НФ) і яе лідэр Марын Ле Пен. У той час як у чэрвені на парламенцкіх выбарах НФ увайшоў у нацыянальны

парламент з меншасцю (8 месцаў; большасць (350 месцаў) атрымала новая партыя «Наперад, Рэспубліка!»). Месяцам раней, у выніку барацьбы за пасаду прэзідэнта паміж Марын ле Пен (ад «Нацыянальнага фронту») і Э. Макрон (ад партыі «Наперад, Рэспубліка!») стала відавочна, што правую ідэалогію НФ, якая ўключае еўраскептыцызм і антыэмігранцкую рыторыку, гатовыя падзяліць амаль 34 % насельніцтва ў процівагу 66 %, прагаласаваў за супрацьлеглыя ідэі. Сама магчымасць прыходу да ўлады правых сіл у Францыі магла б стаць адным з сімвалаў крызісу сучаснай еўрапейскай дэмакратыі. Радыкалізацыя грамадскай думкі ў краіне і, такім чынам, яго зрух «направа» звязана са значным павелічэннем міграцыйных патокаў у выніку міграцыйнага крызісу 2015 г. і шматразовымі тэрарыстычнымі нападамі ў Францыі ў апошнія гады» [9, с. 216]. Мы бачым, што задачай дыскурсу дадзенай партыі з'яўляецца данясенне да часткі публікі інфармацыі, згодна якой «...дэмаграфічная праблема, звязана з масавай сусветнай міграцыяй і, якая, калі ўсё застанеца па-ранейшаму, прывядзе да патаплення нашага кантынента і нашай краіны, што, у канчатковым выніку, прывядзе да яе растварэння» [9, с. 219]. Важна падкрэсліць, што партыя Марын Ле Пена прама не кажа аб канкрэтных мігрантах, у дадзеным выпадку маюцца на ўвазе мусульмане. Гэта добра бачна па рыторыцы, якая дзесяцігоддзі дыскутуецца ў Францыі (2005), калі французай палохалі праблемай «польскіх сантэхнікаў». Раскрыць праблему партыі і яе дыскурсу можна праз наступныя радкі. Марын Ле Пен кажа: «Мы ведаем, што «цывілізацыі смяротны», дзе прыводзіцца наступная алегорыя: «Гэта не што іншае, як сучасная версія адвечнай барацьбы качэўнікаў супраць аселых [людзей] <...> распачатай з міфа аб сутыкненні паміж Авелем, вандроўным пастарам, і фермерам Каінам» [9, с. 219]. Прыгледзеўшыся да зместу, можна ўбачыць, што качэўнікі звычайна знаходзяцца ў руху і яны не даюць развіцця людзям, якія знаходзяцца пастаянна на адным месцы і ў гэтым можна ўгледзець крытыку, канкрэтна партыі Макрон «Наперад, Рэспубліка!». Што пазначае рух, якія і характарызуюць сучасныя працэсы ў свеце. Банальнасці складанага дыскурсу партыі Марын Ле Пен заключаецца ў павелічэнні сваіх прыхільнікаў, праз крытыку партыі ўлады, ужываючы пры гэтым розныя прыёмы, скажонага дыскурсу ў тым ліку. Гэта стала відавочна з распаўсюджваннем пандэміі Covid-19 у Францыі. Мігранты не проста «руйнаюць французскую цывілізацыю», яны носыбіты віруса і таму не павінны трапляць у Францыю [9].

Іншая рыторыка і стратэгія ў партыі Макрона. З самага пачатку сваёй палітычнай кар'еры Макрон выбудоўваў сабе вобраз «філосафа ў масцы караля». Варта заўважыць, што ў часы студэнцтва ён быў памочнікам Поля Рікёра, што вельмі моцна адбілася на яго наступнай кар'еры і разуменні пытанняў як ўнутрыпалітычнага характару, так і знешнепалітычнага. Было заўважана, што сам ён часта выкарыстоўвае эпітэт «юпітэрскі». Гэта «не было выпадковым і несла даволі вялікую семантычную нагрузку, значна больш значную, чым яго часта згадваюцца сэнсавыя адпаведнікі – «вертыкаль улады» або «сіла ўлады». Параўнанне з вярхоўным рымскім богам Юпітэрам было прызначана падкрэсліць асаблівыя паўнамоцтвы кіраўніка дзяржавы, такія як «панаванне», «валоданне атрыбутамі ўлады» і нават «сіла чароўнага парадку» [7]. Адукацыя, атрыманая ў духу «стагоддзя асветы», спрыяла ў выніку Макрону падтрымку інтэлігенцыі, моладзі і збольшага некаторых слаёў мігрантаў, якія натуралізаваны ў Францыі. Вобраз адукаванага манарха быў вельмі пазітыўна

ацэнены насельніцтвам, што дало магчымасць праводзіць сваю перадвыбарчую праграму ў жыццё з вельмі непапулярнымі рэформамі, якія прывялі да з'яўлення «жоўтых камізэлек». Аднак, уменне паднесці або завуалююць вострыя вуглы паслужыла Макрону на карысць у яго выступах. У яго пераможнай прамове ён паказаў свае вектар наступным выразам: «Я абцяю абараняць Еўропу» і ў яго дыскурсе можна заўважыць мову класікаў, яна насычаны такімі словамі як «antienne» (назойлівага паўтарэння чаго-небудзь), кажучы пра спадарыні Марын Ле Пен [6, с. 363–364]. Можна заўважыць, што спадар Макрон разумее, што існуюць велізарныя праблемы ў сучаснай мультыкультурнай парадыгме і прама выказваецца, што «мая пазіцыя ў дачыненні да непрымання любых формаў праяў хуліганства застаецца непакіснай. Перад тварам нашых суграмадзян паўстаюць розныя формы дробнага хуліганства, якія належным чынам не пакараныя» [6, с. 364]. Гэта значыць, фактычна ён не дае магчымасці яго папракнуць, што яго мэта не змірыцца з гвалтам і хуліганствам, якое адбываецца ў Францыі. Часам ён можа ўвесці ў зман, як напрыклад у 2017 годзе ў гонар падзей, прысвечаных Першай сусветнай вайне. Не кожны зможа зразумець кантэкст яго выказвання: «Я супраць наўнай верацярпімасці» і будзе трактаваць яго ў сваіх мэтах. Аднак, калі ён закранае тэму ісламу, яго дыкурс змяняецца, у прыватнасці, ён кажа: «Іслам народжаны прычынамі палімпсеста культуры і цывілізацый» [6, с. 364–365]. Гэта дае яму магчымасці для маневру і нейтралітэту, які ён выкарыстоўвае для вырашэння вострых пытанняў, сувязных з выхадцамі з былых калоній, якія вызнаюць іслам (аднак, пры гэтым варта падкрэсліць, што па апошніх дадзеных каля 57 % моладзі з сем'яў, дзе бацькі вызнаюць іслам, лічаць, што законы шарыяту пераважней, чым законы Французскай рэспублікі [11]). І не зважаючы на гэта, Макрон працягвае прытрымлівацца свайго курсу, кажучы пра тое, што «праўдзвай французскай ментальнасці ўласціва пастаяннае прыцягненне да агульначалавечых каштоўнасцей, што разглядаецца як устойлівы выраз сваёй індывідуальнасці [6, с. 367]. Менавіта на гэта і паказвае Макарон і яго партыя, што ў эпоху «стомленасці» і песімізму дае надзею ў будучыню. Сярод палітолагаў партыя Макрона, хоць у сапраўдны час і страціла частку сваіх выбаршчыкаў і рэйтынг, але можа стаць «палітычнай навацыяй» на еўрапейскім палітычным ландшафце (поле) [1].

Вывад. Сённяшняя становішча спраў у Еўропе ня новае. Варта сказаць, што гэта новы віток і выклікі, з якімі ёй давалося сутыкнуцца. Аднак, пры першым звярце да гісторыі, можна сказаць, што дадзеная сітуацыя ёсць паўтор гістарычна прайдзённых этапаў, якіх за ўсю гісторыю самой Еўропы было велізарнае мноства. Пандэміі ў Еўропе здараюцца не ў першы раз, падобнае адбывалася і з міграцыяй. Праўда, у адрозненне ад «перасялення народаў», узнікае пытанне аб існаванні самой Еўропы, яе культурнай ідэнтычнасці, на якое паказваюць тыя палітыкі, якія самі знаходзяцца пад пільным вокам, паколькі іх дзеянні прыводзілі ў нядаўнім гістарычным адрэзку да больш страшных наступстваў чым сучасная міграцыя. Аднак, у такіх умовах на сцэну выходзіць новы-стары тып палітыка-філосафа, які павінен з'яднаць як краіну, так і аб'яднанне, ад якога ён выступае ў якасці прадстаўніка. Як казаў Арнольд Тойнбі, што «калі цар-філосаф аказваецца ў сітуацыі, калі ён больш не ў стане прасоўвацца да мэты, выкарыстоўваючы гуманныя метады і сродкі, ён адкіне ў бок звод маральных максім як непатрэбны і навяжа кожнаму сваю волю з дапамогай меча, які ён прадбачліва захаваў пад мантыяй філосафа» [13, с. 482]. Іншымі словамі,

грамадству і дзяржаве ў цэлым трэба разумець, што нават самы ідэальны кіраўнік можа апынуцца жорсткім тыранам. Праўда, напрашваецца пытанне – ці змога ён абараніць і выратаваць сваю дзяржаву або грамадства, якое яму дэлегавала паўнамоцтвы для барацьбы супраць тых бедстваў, якія абвальваюцца на людзей у працяг усяго іх існавання.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Абдуллина, Л. Р.* Репрезентация образа президента Франции в интернет-комментариях к новостной статье [Электронный ресурс] / Л. Р. Абдуллина, А. В. Агеева // Казанский вестник молодых ученых. – 2018. – № 4(7). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/repzntatsiya-obraza-prezidenta-frantsii-v-internet-kommentariyah-k-novostnoy-statie>. – Дата доступа: 22.02.2021.
2. Брексит стал реальностью: Британия окончательно вышла из ЕС [Электронный ресурс] // BBC Russian Service: ежедн. интернет-изд. – 2012. – 30 апр. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-55506991>. – Дата доступа: 22.02.2021.
3. Все страны и территории мира: новый географический справочник ЦРУ. – Екатеринбург: У-Фактория: М., 2009. – 767 с.
4. Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы – Elections in France – 2017: Results and Perspectives / отв. ред. В. Я. Швейцер. – М.: Ин-т Европы РАН, 2017. – 88 с.
5. Коронакризис в Европе будет хуже мирового. Придётся потратить триллионы евро, но проблема не в деньгах [Электронный ресурс] // BBC Russian Service: ежедн. интернет-изд. – 2012. – 30 апр. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-52345671>. – Дата доступа: 22.02.2021.
6. *Логина, П. Г.* Анализ лингвокогнитивных особенностей политического дискурса Эммануэля Макрона [Электронный ресурс] / П. Г. Логина // Преподаватель XXI века. – 2019. – № 2-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-lingvokognitivnyh-osobennostey-politicheskogo-diskursa-emmanuelya-makrona>. – Дата доступа: 22.02.2021.
7. *Моисеев, Г. Ч.* «Символическая политика» Эммануэля Макрона [Электронный ресурс] / Г. Ч. Моисеев // Исторические Исследования. – № 10. – 2018. – С. 56–72. – Режим доступа: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/187/443>. – Дата доступа: 22.02.2021.
8. *Павлютенкова, М. Ю.* Роль и место социальных сетей в публичной политике [Электронный ресурс] / М. Ю. Павлютенкова // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2015. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-sotsialnyh-setey-v-publichnoy-politike>. – Дата доступа: 22.02.2021.
9. *Поспелова, Т. В.* Культурный конфликт во Франции в дискурсе партии «Национальный фронт» [Электронный ресурс] / Т. В. Поспелова // Сборник материалов всероссийской молодежной научной конференции «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 20–21 апреля 2018 г.). – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. – С. 215–221. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/63604>. – Дата доступа: 22.02.2021.
10. *Потемкина, О. Ю.* Миграционный кризис в ЕС: роль стран Вишеградской группы [Электронный ресурс] / О. Ю. Потемкина // Современная Европа. – 2015. – № 6(66). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-v-es-rol-stran-vishegradskoy-gruppy>. – Дата доступа: 22.02.2021.
11. Просвещенный ислам. Как живут и чего боятся мусульмане во Франции [Электронный ресурс] // BBC Russian Service: ежедн. интернет-изд. – 2012. – 30 апр. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-54907557> 3. – Дата доступа: 22.02.2021.

12. Тищенко, К. О. Франция и миграционный кризис ЕС [Электронный ресурс] / К. О. Тищенко // Манускрипт. – 2017. – № 5(79). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-i-migratsionnyy-krizis-es>. – Дата доступа: 22.02.2021.

13. Тойнби, А. Дж. Постижение истории: избранное / А. Дж. Тойнби. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 521 с.

14. Тэвдой-Бурмули, А. И. Правый радикализм в Европе [Электронный ресурс] / А. И. Тэвдой-Бурмули // Современная Европа. – 2005. – № 4(24). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravyuy-radikalizm-v-evrope>. – Дата доступа: 22.02.2021.

15. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. / С. Хантингтон. – М.: АСТ, Астрель, 2011. – 571 с.

(Дата подачи: 24.02.2021 г.)

В. О. Калишук

Белорусский государственный университет, Минск

V. O. Kalishuk

Belarusian State University, Minsk

УДК 32.019.5 321.02 323.2

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

COUNTERING THE DISTRIBUTION OF FAKE INFORMATION: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

В статье рассмотрен опыт противодействия распространению недостоверной информации в мире и Республике Беларусь, выявлены основные подходы к созданию систем правового регулирования, изучаемого деструктивного явления. Были рассмотрены конкретные пути совершенствования белорусского законодательства в области борьбы с фейковой информацией.

Ключевые слова: недостоверная информация; фейковая информация; противодействие фейкам.

The article examines the experience of countering the dissemination of fake information in the world and the Republic of Belarus, identifies the main approaches to the creation of legal regulation systems for the studied destructive phenomenon. Concrete ways to improve the Belarusian legislation in the field of combating fake information were considered.

Keywords: false information; fake information; counteraction to fakes.

Проблема распространения недостоверной информации в целом и фейковых новостей в частности существует достаточно длительное время, особенно она актуализировалась во время президентских выборов в США 2016 года (фейковые новости обсуждались гораздо более активно, чем реальные [1, с. 100]) и появления доступных интерфейсов для применения технологии дипфейк (deepfake) в 2017 году [2].

Чтобы получить верное представление об исследуемой проблеме, необходимо определиться с терминологией, которая использована в рамках данной

статьи. Под фейковой информацией мы понимаем ту информацию, которая не соответствует действительности. Определений фейковых новостей довольно много, однако общепризнанным в западной и отечественной литературе является понятие, предложенное Европейской комиссией (the European Commission's Joint Research Centre) и предполагающее два подхода к определению сущности «фейкньюз» (fakenews): широкий – это новости, весь спектр недостоверной информации и включающие в себя претензии, заявления, речи, посты и т. д.; узкий – это новости, содержащие недостоверную информацию, заложенную в них умышленно [3, с. 3–4; 1, с. 100]. Дипфейки (deepfakes) – это технология создания изображения, базирующаяся на применении метода «глубокого обучения» и позволяющая синтезировать гиперреалистичный видеоконтент путем наложения «картинки» на видео [4, с. 1]. Следует отметить, что иногда под дипфейками понимается аудиоконтент, генерируемый при помощи методов «машинного обучения».

Распространение фейков потенциально может оказать и уже оказывает серьезное деструктивное воздействие на многие сферы жизни общества – в первую очередь на экономическую и политическую. Наблюдается устойчивая тенденция к совершенствованию технологий создания и распространения фейковой информации, а также повышается их доступность. Можно констатировать переход проблемы из категории вопросов журналистской этики и репутации в категорию вопросов национальной безопасности. В связи с этим возникает необходимость противодействия созданию и распространению фейковой информации на государственном уровне, что может быть осуществлено только через создание и внедрение эффективной системы правового регулирования борьбы с фейковой информацией, которая, впоследствии выступит в качестве отправной точки для разработки конкретных технологических управленческих решений.

В целом мировое сообщество довольно резко отреагировало на события, указанные нами ранее, и актуализировавшие проблему фейков как таковых. Многие страны выступили с инициативами о необходимости правовой концептуализации и разработки систем правового регулирования распространения недостоверной информации. На сегодняшний день довольно большое число стран признало опасность фейков и попыталось противодействовать им на правовом уровне. В качестве примеров можно привести Камбоджу, Сингапур, Таиланд, Малайзию, Российскую Федерацию, Филиппины, Аргентину, Бразилию, Канаду, Китай, Египет, Францию, Германию, Израиль и т. д. [5; 6].

Можно выделить две модели правового регулирования противодействия фейковой информации: имплементация регулятивных мер в существующее общее отраслевое законодательство (Бразилия, Франция, Япония, Никарагуа) и создание специального законодательства с параллельной имплементацией в общее (Камбоджа, Российская Федерация, Германия, Египет, Китай, Сингапур, Таиланд и т. д.) [5; 6].

В числе методов реализации первой модели можно указать: введение административной, гражданско-правовой, уголовной и (или) иной ответственности за виновные деяния, связанные с распространением и созданием фейковой информации. В данной модели расширение объекта и объективной стороны составов уголовных и административных правонарушений уже существующих норм, например, введение ответственности за распространение фейковых новостей, содержащих клевету.

В рамках второй модели основным методом является принятие специальных нормативных актов, нацеленных на противодействие распространению и созданию фейковой информации в сочетании с методами первой модели.

Проанализировав опыт более чем двадцати государств (в рамках подготовки данной статьи), мы можем отметить следующие проблемы, возникающие в рамках правового регулирования противодействия фейковой информации [5; 6].

Во-первых, в некоторых странах распространение фейковой информации регулируется исключительно в контексте избирательного права, например, в Аргентине, что, по нашему мнению, сильно сужает спектр угроз, которые могут возникнуть в результате создания и распространения недостоверной информации.

Во-вторых, использование первой модели зачастую приводит к утрате специфики предмета правового регулирования, если, например, осуществляется попытка расширить уже существующие нормы, а не выделить создание и распространений фейков в качестве отдельных правонарушений.

В-третьих, практически полностью отсутствуют международные механизмы правового регулирования, а конфликтные ситуации, возникающие из-за намеренного или случайного распространения фейковой информации, решаются на политическом уровне.

В-четвертых, размытость и неточность формулировок специального законодательства, которое порождает множество проблем в рамках правоприменения. Это обусловлено не только новизной проблематики, но и ее комплексностью, а также динамичностью, т. е. довольно сложно установить такой предмет и пределы правового регулирования и разработать такие нормы, которые будут достаточно широки и универсальны.

В-пятых, противодействие распространению фейковой информации граничит с таким основополагающим правом человека как свобода слова, а попытки принятия и разработки нормативных актов по противодействию фейкам, как правило, вызывают серьезный общественный и международный резонанс, так как воспринимаются как ограничивающие данное право. Например, в Малайзии, где в 2018 году сначала был принят Закон «О противодействии фейковым новостям», а затем из-за общественного недовольства был отменен. До сих пор не утихают бурные споры вокруг Закона Федеративной республики Германия «О правоприменении в сети» [5; 6].

В связи с этим возникает необходимость как в более тонком и комплексном подходе к разработке законодательства, которое в обязательном порядке должно базироваться на принципах международного права (в противном случае это может негативно сказаться на положение страны на международной арене), так и в активном общественном обсуждении с учетом мнения населения, общественных объединений и субъектов политики.

Таким образом, из вышесказанного следует, что разработка системы правового регулирования противодействия распространению и созданию фейковой информации требует комплексного подхода и по итогам разработки должна внедряться поэтапно.

Проблема распространения фейковой информации актуальна и для Республики Беларусь, так как успешная внутренняя и внешняя политика страны на сегодняшний день в значительной степени зависит от информационно-коммуникационных процессов, протекающих на различных медиаплощадках. Нельзя

исключать и потенциально возможного деструктивного воздействия так называемых зарубежных «фабрик троллей», влияние которых на политический процесс с каждым годом возрастает все больше. Следует отметить, что население страны активно участвует в интернет-коммуникации (по данным Digital report 2019 г. 74 % населения Беларуси являются пользователями сети Интернет, а 40 % активно используют социальные сети) [7], которая полнится фейками различного качества из-за чего возникает необходимость в защите интересов граждан в интернет-пространстве.

В Беларуси существует система обеспечения информационной безопасности, которая состоит из Конституции Республики Беларусь [8], Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 09.11.2010 № 575 [9], Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г. № 455-3 [10], Концепции информационной безопасности, утвержденной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18.03.2019 № 1 [11], Указа Президента Республики Беларусь № 499 от 9 декабря 2019 года «О совершенствовании государственного регулирования в области защиты информации» [12], Уголовного кодекса Республики Беларусь [13], Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [14], частично Избирательного кодекса Республики Беларусь [15] и Закона «О средствах массовой информации» [16]. В разработке находится проект Закона Республики Беларусь «О персональных данных» [17].

По нашему мнению, текущее законодательства в области противодействия созданию и распространению фейковой информации не соответствует потребностям общества, так как не позволяет учесть весь широкий спектр потенциальных деструктивных путей использования фейковой информации, уровень ее общественной опасности. Сама же система не является комплексной, так как в ней присутствуют лишь несистемные, спорадические упоминания недостоверной информации. В частности, первый абзац пункта 34 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь называет распространение недостоверной или умышленно искаженной информации, способной причинить ущерб национальным интересам Республики Беларусь в качестве одного из внутренних источников угроз национальной безопасности [9]. Абзац 2 пункта 40 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь отмечает, что распространение фальсифицированной и недостоверной информации в информационном пространстве вызывает все большее беспокойство, пункты 45 и 56 отмечают необходимость предотвращения распространения недостоверной информации [11]. Пункт 13 статьи 1 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации» под недостоверной информацией понимает не соответствующие действительности информационные сообщения и (или) материалы, распространяемые средством массовой информации, Интернет-ресурсом, пункт 2.3. статьи 30 прим. 1 в качестве права владельца сетевого издания указывает возможность не допускать распространение посредством Интернет-ресурса, сетевого издания недостоверной информации, которая может причинить вред государственным или общественным интересам, а пункт 1.2. статьи 49 Закона отмечает распространение недостоверной информации, которая может причинить вред государственным или общественным интересам, в качестве условия вынесения письменного предупреждения республиканским органом государствен-

ного управления в сфере массовой информации юридическому лицу, на которое возложены функции редакции средства массовой информации, или владельца сетевого издания [16]. Абзац 2 статьи 49 Избирательного кодекса Республики Беларусь устанавливает, что в случае распространения ложных сведений о кандидате Центральная комиссия либо соответствующая территориальная, окружная комиссия вправе по письменному обращению кандидата принять решение о предоставлении ему возможности выступить публично с опровержением ложных сведений [15]. В связи со всем вышеперечисленным логичен вывод, что системе правового регулирования в области противодействия фейкам необходимо в значительной степени усовершенствовать и детализировать.

Логично, что наиболее рационально будет не создавать механизм с нуля, а расширить уже существующий, выделив борьбу с недостоверной информацией в отдельное направление в рамках текущего законодательства, т. е. следовать первой модели, которая описывалась нами ранее. Таким образом возможно обеспечить как системный подход к регламентации, так и учесть все особенности предмета правового регулирования. Изменения необходимо внедрять поэтапно и в зависимости от нарастания или спада проблемы распространения недостоверной информации. В рамках первого этапа следует сделать следующие шаги.

Во-первых, дополнить статью 8 Концепции информационной безопасности такими понятиями как: недостоверная информация – это информация, которая заведомо не соответствует действительности, фейковые новости – это сообщения, содержащие недостоверную информацию и умышленно размещаемые средствами массовой информации в любой форме, а также добавить в концепцию отдельную главу, посвященную проблемам и специфике недостоверной информации [11].

Во-вторых, расширить подпункты 3-1. и 3-2. статьи 22.9 Кодекса об Административных правонарушениях Республики Беларусь введя ответственность за распространение недостоверной информации и придать им следующий вид: 3-1. Распространение средством массовой информации заведомо недостоверной информации, а также информации, распространение которой запрещено в средствах массовой информации в соответствии с законодательными актами, за исключением случаев, когда ответственность за распространение такой информации предусмотрена иными статьями Особенной части настоящего Кодекса, – влечет наложение штрафа на юридическое лицо в размере до двухсот базовых величин; 3-2. Распространение владельцем интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания, заведомо недостоверной информации, а также информации, распространение которой запрещено на интернет-ресурсах в соответствии с законодательными актами, за исключением случаев, когда ответственность за распространение такой информации предусмотрена иными статьями Особенной части настоящего Кодекса, – влечет наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин, а на юридическое лицо – до ста базовых величин [15]. По нашему мнению, такой вариант дополнений будет более эффективным и понятен, чем введение отдельной статьи в особенную часть Кодекса об административных правонарушениях. Помимо этого, нет необходимости введения административной преюдиции, так как, на наш взгляд, уголовная ответственность за распространение недостоверной информации чрезмерна, потому что не представляет настолько серьезной степени общественной опасности, а когда представляет, то может создать коллизию в праве, так как

в большинстве случаев такие деяния уже уголовно наказуемы. Например, статья 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни» [13].

В-третьих, исключить абзац 2 статьи 49 «Ответственность за нарушение требований настоящего кодекса» Избирательного кодекса Республики Беларусь дабы избежать коллизии с КоАП [14,16].

На наш взгляд, подобные изменения и дополнения на первом этапе позволят эффективно бороться с теми вызовами, которые стоят перед страной на данный момент, а именно эффективно противодействовать распространителям недостоверной информации.

При сохранении тенденций и развитии, появлении реальной угрозы национальной безопасности, необходимо будет осуществить второй этап, в рамках которого мы предлагаем, во-первых, ввести уголовную ответственность за систематическое распространение недостоверной информации, используя механизм административной преюдиции. Принять Закон «О противодействии созданию и распространению недостоверной информации», который будет предусматривать основные принципы борьбы с фейками, создание Единого реестра ресурсов, распространяющих недостоверную информацию, а также полномочия органов, осуществляющих выявление и противодействие недостоверной информации. По нашему мнению, такими органами должны стать Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (ведение реестра) и Министерство внутренних дел и его структурные подразделения (ведение мониторинга).

Список использованных источников

1. *Третьяков, А. О.* Метод определения русскоязычных фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта / А. О. Третьяков [и др.] // International Journal of Open Information Technologies. – 2018. – № 8. – С. 99–105.
2. *Aldwairi, M.* Detecting fake news in social media networks / M. Aldwairi, A. Aldwairi // Conference: The 9th International Conference on Emerging Ubiquitous Systems and Pervasive Networks (EUSPN 2018), Leuven, 2018 y. / Belgium.
3. *Zhou, X.* Fake news: a survey of research, detection methods, and opportunities [Electronic resource] / X. Zhou, R. Zafarani // researchgate.net. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/329388190_A_Survey_of_Fake_News_Fundamental_Theories_Detection_Methods_and_Opportunities. – Date of access: 20.12.2020.
4. *Thanh, T. N.* Deep learning for deepfakes creation and detection [Electronic resource] / T. N. Thanh, X. Zhou, C. M. Nguyen, T. D. Nguyen, D. T. Nguyen // researchgate.net – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/336055871_Deep_Learning_for_Deepfakes_Creation_and_Detection. – Date of access: 20.03.2020.
5. *Roudik, P.* Initiatives to Counter Fake News in Selected Countries [Electronic resource] / P. Roudik // www.loc.gov. – Mode of access: <https://www.loc.gov/law/help/fake-news/counter-fake-news.pdf>. – Date of access: 20.10.2020.
6. The rise of “fake news” laws across South East Asia [Electronic resource] // publicmediaalliance.org. – Mode of access: <https://www.publicmediaalliance.org/the-rise-of-fake-news-laws-across-south-east-asia/>. – Date of access: 18.10.2020.
7. Digital 2019: global internet use accelerates [Electronic resource] // wearesocial.com. – Mode of access: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates>. – Date of access: 10.10.2020.

8. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-XII: в ред. от 17.10.2004 (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержд. Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

11. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержд. Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

12. О совершенствовании государственного регулирования в области защиты информации: Указ Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2019 г. № 449 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г. № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-3. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

14. Кодекс Республики Беларусь Об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 21 апр. 2003 г., № 194-3, с изм. и доп. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

15. О средствах массовой информации: Закон Республики Беларусь О средствах массовой информации от 17 июля 2008 г. № 427-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

16. Избирательный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 11 фев. 2000 г., № 370-3, с изм. и доп. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

17. О защите персональных данных: Закон Республики Беларусь – нужен номер и дата [Электронный ресурс] // gov.by. – Режим доступа: <http://www.house.gov.by/ru/zakony-ru/view/o-personalnyx-dannyx-661/>. – Дата доступа: 16.03.2020.

(Дата подачи: 20.02.2021 г.)

В. А. Козловский

Белорусский государственный университет, Минск

Ul. Kazlouski

Belarusian State University, Minsk

УДК 351

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

E-GOVERNMENT AS AN ELEMENT OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

В статье рассматривается электронное правительство как составная часть системы государственного управления. Описываются характер, роль и значение электронного правительства. Приводится общепринятая система оценки продвижения систем электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство; электронная демократия; государственное управление; цифровизация; государственные органы; информационные технологии.

The article considers e-government as an integral part of the public administration system. The nature, role and significance of e-government are described. A generally accepted system for evaluating the promotion of e-government systems is presented.

Keywords: e-government; e-democracy; public administration; digitalization; public authorities; information technologies.

Возникшая в 70-х годах XX века в США концепция «теледемократии» и связанная с распространением кабельного телевидения и всеобщим распространением телефонных линий стала основой и продолжением в развитии концепции «электронной демократии». Данный феномен отдельные исследователи тесно связывают с понятием информационной или телекоммуникационной революции, вкладывая в это понимание процесса замены однолинейной связи между отправителем и получателем информации многофункциональной и диалоговой связью, создавая новые возможности для участия в обмене информацией между акторами. В 80-х годах Юргеном Хабермасом была разработана теория реформирования общественной сферы, где им было введено понятие киберпространства. Ю. Хабермас под понятием киберпространства понимает новую общественную сферу, которая должна представлять собой пространство свободных обсуждений по актуальным общественным проблемам, сфера, в которой каждый гражданин может не только высказываться, но и быть услышанным [1].

Свое обновленное развитие данная теория получила с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и распространением персональных компьютеров и глобальной информационно-коммуникационной сети Интернет. С конца 90-х годов XX века в различных странах мира возникают специализированные правительственные интернет-порталы и сайты, отражающие деятельность государственных органов и организаций. В это же время новый виток развития получают исследования в области цифровизации системы государственного управления и внедрения систем и технологий так называемого электронного правительства.

Важно отметить, что значительное влияние в процессе цифровизации системы государственного управления оказало развитие технических средств информационного взаимодействия и их распространение среди широких масс населения. В свою очередь возрос и спрос со стороны граждан на более глубокое удаленное и точечное взаимодействие с органами государственной власти, что особенно остро проявилось в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Целью статьи является изучение роли электронного правительства как составной части системы государственного управления.

Многими исследователями электронное правительство понимается как способ организации государственной власти посредством использования информационно-коммуникационных технологий. Компания «Gartner Group» как одна из наиболее авторитетных международных консалтинговых организаций в сфере информационных технологий определяет электронное правительство как «трансформирование внутренних и внешних отношений государственных организаций на основе использования возможностей Интернета, информационных и телекоммуникационных технологий с целью оптимизации предоставляемых услуг, повышения участия общества в вопросах государственного управления и совершенствования внутренних процессов» [2]. Подобная трактовка делает акцент не на технологическом, а на содержательном аспекте цифровизации системы государственного управления и внедрения электронного правительства, поскольку оно не сводится к одному лишь использованию технических средств, а предполагает комплексное применение решений по более глобальной реформе государственного управления.

По определению А. М. Смирнова, электронное правительство «представляет собою систему официальных интернет-порталов органов государственной власти». В трактовке И. Богдановской «электронное правительство – это новая форма организации деятельности органов государственной власти. Ее главная особенность – широкое применение информационно-коммуникационных технологий, благодаря которым электронное правительство обеспечивает качественно новый уровень оказания услуг гражданам и организациям» [3].

Внедрение элементов электронного правительства характеризуется двумя основными свойствами: универсальность и качественный характер. Практическое использование электронного правительства качественно влияет на тип взаимодействия государства с гражданами. На смену одностороннему влиянию приходит двустороннее взаимодействие, что позволяет гражданам принимать более широкое участие в процессе принятия государственных решений. Также реформы государственного управления с конца XX века обладают универсальным характером, то есть изменения происходили и происходят практически во всех странах мира в приблизительно одном порядке. Отметим, что широкое применение информационно-коммуникационных технологий осуществляется параллельно с реализацией других направлений реформ: трансформацией организационных структур и взаимосвязей органов государственного управления, реинжинирингом административных процессов, внедрением элементов управления по результатам и др.

При реализации проектов в области электронного правительства чрезвычайно важно понимать, что роль информационно-коммуникационных технологий выражается лишь в их инструментальной функции преобразования системы

государственного управления, административных структур и процессов. Сами по себе ИКТ не могут быть решением существующих проблем, стоящих перед системой государственного управления. Допустимо говорить о том, что само по себе электронное правительство выступает лишь инструментом, усиливающим существующие характеристики и принципы в структуре государственного управления. Оно не придает ей качественно нового уровня, а лишь позволяет принять иную форму, стремясь сделать административные процессы более доступными при помощи информационных систем и технологий. Цифровизация системы государственного управления будет эффективна лишь в случае проведения комплексных организационных реформ в структуре государственного администрирования. Данный фактор должен пониматься и высшим политическим руководством для принятия наиболее эффективных решений [4].

В современных исследованиях также отмечается тесная взаимосвязь концепции электронного правительства с иными концепциями реформирования государственного управления, представленных в первую очередь концепцией нового государственного управления (New public management) и общественным управлением (Governance). Данные концепции имеют схожие целевые направления преобразования государственного управления – построение клиентоориентированного государства. Концепция электронного правительства выступает лишь дополнением к более традиционным концепциям государственного управления и качественно дополняет те реформы, которые проходят в рамках принципов нового государственного управления и общественного управления.

Несмотря на то, что электронное правительство охватывает широкий перечень сфер деятельности и множество акторов, можно выделить три основные сферы взаимодействия [5]:

- между органами государственной власти (G2G; Government-to-Government);
- между государством и бизнесом (G2B; Government-to-Business);
- между государством и гражданами (G2C; Government-to-Citizen).

Взаимодействие между органами государственной власти предполагает не только создание интернет-порталов государственных органов с обязательным своевременным размещением информации о своей деятельности, официальные документы, статистику, данные об исполнении бюджета и т. д., но и организацию единой общегосударственной системы обмена данными между органами государственной власти различных сфер и уровней. Данный фактор внедрения информационных систем позволит более эффективно и рационально использовать имеющиеся государственные ресурсы для осуществления административного управления и выполнения иных государственных функций.

Взаимодействие между органами государственной власти и бизнесом развивается в первую очередь благодаря активной позиции бизнес-сообщества, которое стремится к рационализации проводимых процессов, сокращению расходов и издержек, а также повышению конкуренции. Государственные органы в свою очередь получают возможность более открыто и конкурентно осуществлять государственные закупки, осуществлять необходимые процедуры контроля.

Взаимодействие государственных органов с гражданами страны направлено в первую очередь на облегчение контакта граждан с органами государственной власти. Основным элементом такого взаимодействия – это сокращение затрат на осуществление различных государственных услуг с параллельным увеличени-

ем их эффективности и прозрачности. Также через сайты государственных органов и организаций граждане получают возможность оперативно следить за деятельностью государственных органов, а во многих странах и пользоваться виртуальными государственными услугами. Совокупность общественных отношений, порожденных виртуализацией взаимодействия граждан и государства и получила название электронной демократии.

Программы развития и совершенствования систем электронного правительства сегодня приняты во многих государствах мира. Важно понимать, что эффективность работы данных систем зависит от многих факторов: желание и готовность политического руководства к реализации принципов построения электронного правительства, восприятие данной системы, доверие к ней со стороны граждан и бизнеса. Также весомым является фактор готовности инфраструктуры ИКТ к внедрению систем электронного правительства, компетентность акторов и их активность. В совокупности все эти факторы определяют уровень успешности внедрения и реализации систем электронного правительства.

При продвижении систем электронного правительства значительным аспектом является готовность не только технологической инфраструктуры, но и уровень подготовленности граждан и работников системы государственного управления, степень «персональной цифровизации» как показатель технологической и теоретической подготовленности граждан. По данным выборочного обследования домашних хозяйств, проведенного Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, количество пользователей сети Интернет с 2013 по 2018 год увеличилось более чем на 20 % (с 60 % до 80 % опрошенных респондентов). Данный показатель довольно четко прослеживается в старшей возрастной группе (55–64 года и 65–72 года). По нашему мнению, данный фактор высокой скорости увеличения числа пользователей глобальной компьютерной сети Интернет среди различных возрастных групп может свидетельствовать о достаточно высоком уровне готовности населения Республики Беларусь к внедрению технологий и стандартов, продвигаемых проектами электронного правительства [6].

Исходя из этого, электронное правительство в практической реализации является не временным проектом, а полноценной составляющей системы государственного управления. Качественное бесперебойное функционирование электронного правительства возможно при постоянном совершенствовании информационных систем и технологий. На сегодняшний день системы электронного правительства присутствуют в структуре государственного управления многих стран мира, в связи с чем очень остро встает вопрос об оценке прогресса реализации данных систем. Общепринятой системой оценки зрелости электронного правительства является качественная оценка уровня предоставления государственных услуг в электронном виде. Для оценки качества принято разбивать степень развитости электронных государственных услуг по стадиям развития.

Наиболее распространенной является система оценки Д. Холмса, который утверждает, что электронное правительство в своем развитии проходит четыре стадии [7]:

1. *Информационное присутствие* предполагает наличие информационного веб-сайта государственного органа. На данной стадии происходит несистемное

взаимодействие органов государственной власти с гражданами, одностороннее распространение информации от представителей государственных структур через веб-сайт к гражданам.

2. *Интерактивное взаимодействие.* На данной стадии у пользователей государственного веб-ресурса есть возможность коммуникации с представителями власти с помощью электронной почты, форума или чата. Речь идет о повышении компьютерной грамотности как чиновников, так и граждан, желании воспринять технологии как средство взаимного обмена информацией. При этом для данной стадии характерно наличие единого стандарта и требований к информационному наполнению государственных порталов, их структуре и дизайну.

3. *Транзакционное взаимодействие.* У пользователей появляется возможность получить сразу несколько государственных услуг в рамках одного визита (сессии) на портал, направленных на изменение личной информации о себе в государственных и муниципальных ИТ-системах (реестрах, регистрах, базах данных). Действия по изменению состояния записи о гражданине в государственных хранилищах данных являются юридически значимыми даже при отсутствии подтверждения изменений в бумажном виде. Например, смена адреса гражданином, оплата штрафов за парковку. Иными словами, результат услуги может быть зафиксирован в электронном виде.

4. *Трансформация государственных административных процедур.* На данной стадии предусматривается интерактивное участие граждан в принятии государственных управленческих решений, в изменении структуры государственных процедур согласно нуждам клиента. К таким государственным процедурам относятся: заполнение налоговых деклараций, запросы на получение документов, лицензий, пособий и т. д. Поток информации направлен в обе стороны. Так, например, граждане могут участвовать в выработке стратегии развития государственной организации, вносить новые предложения по созданию новых государственных услуг, принимать участие в их разработке и доведении до общего пользования.

Несмотря на продолжающиеся дискуссии о сущности и взаимосвязях понятий «электронное правительство» и «электронное управление», в политической практике они часто используются как взаимозаменяемые, поскольку включают общие основные компоненты: более эффективная деятельность правительства, оказание услуг гражданам и совершенствование демократического процесса на основе использования информационно-коммуникационных технологий. При этом проекты электронного правительства, как правило, рассматриваются в качестве составной части системных трансформаций государственного управления, включающих административную реформу, реформу государственной службы и переориентацию государства на обслуживание граждан и бизнеса.

А основными качественными характеристиками электронного правительства становятся: доступность и индивидуализированность услуг, оказываемых государством гражданам, организациям, предприятиям; подотчетность и прозрачность деятельности правительственных органов; информирование и результативное участие граждан в политическом процессе; расширение возможностей представительных учреждений; свободный обмен информацией.

Агрегируя вышесказанное, можно заключить, что электронное правительство есть совокупность цифровых систем и технологий, направленных на увеличение качественного уровня оказываемых государственных услуг и идущих

в комплексе процедуры реформ системы государственного управления. Возникшие на базе «телевизионной демократии» и на принципах «электронной демократии», технологии электронного правительства являются неотъемлемой частью современных тенденций и подходов в модернизации систем государственного управления в разных странах мира. Универсальность и качественный характер внедрения систем электронного правительства позволяет более широкому числу государств использовать международный опыт и технико-технологические наработки при реализации элементов электронного правительства для оптимизации предоставляемых государственных услуг и повышения качества взаимодействия органов государственной власти с бизнесом и гражданами.

Также важно учитывать и комплексный характер использования технологий электронного правительства, что предполагает их внедрение и продвижение только в рамках взаимодействия с иными мерами модернизации системы государственного управления. Технологическая составляющая государственной инфраструктуры этих процессов в своей значимости не уступает степени подготовленности и граждан и их готовности к использованию цифровых систем. Здесь же возникает и вопрос о способах и возможностях оценки показателей развития электронного правительства для определения эффективности проводимой государственной политики в области цифровизации системы государственного управления.

Список использованных источников

1. *Богдановская, И. Ю.* Концепция «электронного государства» (сравнительно-правовые аспекты) / И. Ю. Богдановская // *Право и интернет: теория и практика.* – 2012. – № 5. – С. 31.
2. *Солодов, В. В.* Электронное правительство как инструмент трансформации государственного управления: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / В. В. Солодов. – М., 2007. – 136 с.
3. *Смирнов, А. М.* Электронная демократия как теоретическая модель виртуализации гражданского общества / А. М. Смирнов // *Материалы III Всероссийского социологического конгресса (Москва, 21–24 окт. 2008 г.).* – М., 2008. – С. 116.
4. *Солодов, В. В.* Региональное электронное правительство в России: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс] / В. В. Солодов // *Государственное управление. Электронный вестник.* – 2006. – № 7. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/7_2006Solodov.html. – Дата доступа: 16.02.2021.
5. *Бонэм М.* Потенциал «электронного правительства» [Электронный ресурс] / М. Бонэм, Д. Сейферт // *Государственное управление. Электронный вестник.* – 2003. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/potensial-elektronnogo-pravitelstva/viewer>. – Дата доступа: 16.02.2021.
6. *Информационное общество в Республике Беларусь [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/d70/d70177df955d97e7780c924986cfe5f1.pdf>. – Дата доступа: 16.02.2021.
7. *Холмс, Д.* eGov. Стратегии электронного бизнеса для государства / Д. Холмс. – М.: Астрель-АСТ, 2004. – 366 с.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Н. Г. Колодкин

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

N. G. Kolodkin

The Academy of Public Administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 323.22/.28

КОНЦЕПЦИИ РИСКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

RISK CONCEPTS IN MODERN SOCIAL AND HUMANITARIAN RESEARCH

В статье рассматриваются проблемы интерпретации риска в современных социально-гуманитарных исследованиях, анализируются особенности подходов к изучению рисков и «общества риска» У. Беком, Э. Гидденсом, Н. Луманом. Делается вывод о необходимости совершенствования технологий реагирования субъектов политики на рисковые ситуации на базе постнеклассических концепций.

Ключевые слова: общество риска; политика; политический процесс; порог бедствия; риск.

The article examines problems of risk interpretation in modern social and humanitarian studies, analyzes the features of approaches to the study of risks and risk society by Ulrich Beck, Anthony Giddens, Niklas Luhmann. It is concluded that it is necessary to improve the technologies for responding to risk situations on the basis of post-nonclassical concepts.

Keywords: risk society; politics; political process; disaster threshold; risk.

Феномен риска, изначально ассоциируемый с необходимостью адаптации к окружающей среде, а также деятельностью человека, всегда представлял интерес для научного сообщества. Действительно, без понимания причин зарождения и направлений развития современных рисков невозможно функционирование национальной системы управления, как важнейшего фактора долгосрочного объединения страны для построения процветающего общества [1, с. 156]. При этом на первый план исследований выходят риски в контексте модернизации, которая привела к переходу общественного мирового развития в постиндустриальную фазу, где в информационно открытом обществе роль государственного управления, затрагивающего все сферы общества, приобретает принципиально обновленное понимание его социальной обусловленности, масштабности и эффективности [2, с. 16–17].

Любая система знания должна иметь определенную начальную точку разветвления, т. е. исходный предикат (в нашем случае – это феномен риска). В зависимости от него строится модель дальнейшего исследования, формулируются прикладные выводы [3, с. 304].

Цель данной статьи – изучить основные подходы к интерпретации феномена риска в современных социально-гуманитарных исследованиях.

По мнению современных исследователей, несмотря на то, что понятие «риск» существовало достаточно давно, оформление научного концепта произошло на рубеже Средних веков и Нового времени [4, с. 125]. Его понимание сводилось к описанию состояния незащищенности человека от внешних факто-

ров и условий, предотвращение которых представлялось невозможным. Кроме того, устанавливалась причинно-следственная связь между неопределенностью (причина) и риском (следствие). При этом появление последнего сопровождается эмоциональными переживаниями конкретного индивида или представителей некой социальной группы.

Прорывом в осмыслении феномена риска стали работы А. Де Муавра, Т. Байеса, Я. Бернулли, которые предложили разработать методы исчисления вероятностей на основе эмпирических наблюдений [5, с. 300].

В прошлом веке математический аппарат анализа риска развивался такими учеными, как Н. Бурбаки, А. Н. Колмогоров, А. А. Марков. Были созданы концепция теоретико-множественной интерпретации вероятностей и теория случайных процессов, которые сформировали теоретическую базу для экспликации риска, его анализа и моделирования.

Развитие торговли, финансов и инвестиционной деятельности обусловило тот факт, что в XX веке в большинстве научных публикаций риск был представлен в качестве экономической категории. При этом в данной концепции результатом экономической деятельности может быть не только достижение поставленной цели, но и отклонение от нее: позитивный результат – это прибыль, а негативный – ущерб или убыток [5, с. 300].

В социально-гуманитарных науках активизация исследований в области риска осуществлена в девяностые годы прошлого века, прежде всего благодаря работам У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана [6, с. 28].

В настоящее время в научном сообществе принято выделять два подхода к объяснению риска как социального феномена.

Так, существует *реалистическая интерпретация*, которая построена на технической и научной терминологии. Российский исследователь О. Н. Яницкий считает, что это направление восходит к когнитивным наукам, базирующимся на психологии, и практикуется инженерными дисциплинами, экономикой, статистикой, психологией и эпидемиологией [7, с. 3].

В качестве базового элемента данного подхода выступает концепт опасности (вреда), вероятность которой, а также ее последствия могут быть вычислены с использованием математического инструментария и эмпирических наблюдений. Риск рассматривается как «продукт, объединяющий в себе вероятность и последствия (с учетом их масштаба и серьезности) от наступления какого-либо неблагоприятного события» [8, с. 382]. То есть, по мнению представителей данного направления, риск является объективным и познаваемым фактом, поддающимся измерению вне зависимости от социальных процессов и культурной среды.

Критики реалистичного подхода указывают на то, что он не учитывает фактор социальной интерпретации риска, который варьируется в зависимости от субъекта и может приводить к значительным расхождениям в результатах оценки риска. В частности, американская исследовательница М. Дуглас отмечает, что «опасности трактуются как независимые переменные, а реакция людей на них – как зависимая» [9, с. 25]. Однако реакция индивида на проявление риска во многом формируется под влиянием широкого спектра политических, экономических и социальных условий.

Для преодоления ограничений, заложенных в анализе риска с позиций реализма, возникает так называемое *социокультурное направление*. Его суть заключается в том, что основное внимание здесь уделяется социальным и культурным

условиям, в которых происходит восприятие и оценка риска. Ведущие позиции в разработке социокультурного направления занимают философия, культурная антропология, социология и культурная география.

В рамках данного направления выделились три группы исследователей, которые, соответственно, развивают культурно-символический, калькулятивно-рациональный и так называемый институционально-рискогенный подходы.

Идеи первой группы (культурно-символический подход), обобщающие теоретические наработки в области «общества риска», представлены трудами У. Бека, Э. Гидденса и развиты М. Дуглас. Их суть заключается в том, что центральное место в исследованиях отводится изучению проблем взаимоотношения «Личности» и «Другого» с особым интересом к тому, как человеческое тело символически и метафорически используется в дискурсе и практиках вокруг проблемы риска [7, с. 4].

Теоретики второй группы (калькулятивно-рациональный подход) исследовали социальные изменения на макроуровне. При этом отмечается, что эти изменения возникают в результате производства риска при переходе к высокой модернизации, а именно процессам рефлексивной модернизации, критики последствий предшествующего этапа модернити и индивидуализма, разрушения традиционных ценностей и норм [7, с. 4].

Третья группа ученых (институционально-рискогенный подход) базируется на предположении о том, что нет смысла изучать риск в том виде, в котором он существует, так как «модель риска» формируется в рамках общественного дискурса, а также соответствующих институтов. Для сторонников данного подхода интерес также представляют вопросы о том, каким образом различные концепции риска влияют на нормы и мотивы поведения индивидов, их стремление к самоорганизации в условиях риска.

О. Н. Яницкий также предлагает обозначить две линии рискологических исследований: умеренную и радикальную. По его мнению, сторонники умеренной полагают, что риск есть объективно существующая опасность, которая всегда опосредуется социальными и культурными стереотипами и процессами. Представители радикальной утверждают, что риск как таковой не существует. Есть лишь восприятие риска, которое всегда будет продуктом исторически, политически и социально обусловленного взгляда на мир [7, с. 4].

Главными результатами исследований в рамках социокультурного направления стали генерализирующие концепции «общества риска» Н. Лумана, Э. Гидденса и У. Бека.

С точки зрения Н. Лумана, понятие «риск» необходимо интерпретировать через понятие бедствия. То есть риск в процессе своего развития пересекает своеобразный «порог», за которым он трансформируется в бедствие. При этом «порог бедствия» будет расположен на самых разных уровнях в зависимости от характера вовлеченности в риск: в качестве субъекта принятия решения или в качестве объекта, вынужденного выполнять рискованные решения [10, с. 3]. Исследователь также считает, что восприятие риска является социальной, а не психологической проблемой, так как индивид должен сопоставлять свои действия с ожиданиями группы или групп, к которым он принадлежит.

По Н. Луману, понятия «риск» и «опасность» различны. Так, если потенциальный урон «привязывается к решению» и рассматривается как его последствие, тогда речь идет о риске решения. Если же возможный урон анализирует-

ся как обусловленный внешними факторами, т. е. привязывается к окружающей среде, тогда можно говорить об опасности [10, с. 21–22].

В свою очередь для концепций У. Бека и Э. Гидденса ключевое значение имеет связь рисков с модернизацией.

Так, У. Бек считает, что в развитых странах современного мира общественное производство богатств постоянно сопровождается общественным производством рисков. Соответственно проблемы и конфликты распределения в отсталых странах усугубляются проблемами и конфликтами, которые вытекают из производства, определения и распределения рисков, возникающих в процессе научно-технической деятельности [11, с. 21].

Исследователь убежден, что риски, как и богатства, являются предметом распределения; те и другие создают ситуации – ситуации риска и классовые ситуации [11, с. 30]. О существовании и распределении опасностей и рисков, полагает У. Бек, можно узнать только на основании определенных аргументов, так как риски часто недоступны для нашего чувственного восприятия и требуют специального заключения экспертов. В этой связи необходимы «воспринимающие органы» науки – теории, эксперименты, измерительные инструменты [11, с. 31].

По его мнению, под риском понимается систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, которые порождаются процессом модернизации как таковым. В отличие от опасностей прошлых эпох, современные риски суть последствия, прямо связанные с угрожающей мощью модернизации и порождаемой ею глобализацией неуверенности [11, с. 43].

С нашей точки зрения, к важным положениям теории У. Бека также можно отнести следующие. Во-первых, это пересмотр основополагающей нормативной модели общества. Если нормативным идеалом прошлых эпох было равенство, то нормативный идеал общества риска – безопасность. Социальный проект общества приобретает отчетливо негативный и защитный характер – не достижение «хорошего», как ранее, а предотвращение «наихудшего». Иными словами, система ценностей «неравноправного общества» замещается системой ценностей «небезопасного общества», а ориентация на удовлетворение новых потребностей – ориентацией на их самоограничение. Во-вторых, в обществе риска возникают новые социальные силы, разрушающие старые социальные перегородки. У. Бек полагает, что это будут общности «жертв рисков», а их солидарность на почве беспокойства и страха может породить мощные политические силы. В-третьих, общество риска политически нестабильно. Постоянное напряжение и боязнь опасностей раскачивают политический маятник от всеобщей опасности и цинизма до непредсказуемых политических действий. Недоверие к существующим политическим институтам и организациям растет. Нестабильность и недоверие периодически вызывают в обществе поиск точки опоры – «твердой руки». Таким образом, возврат к прошлому, в том числе авторитарному и даже тоталитарному, не исключен [7, с. 13].

В научных трудах Э. Гидденса прослеживается мысль о том, что жизнь в эпоху «поздней современности» (late modernity) означает жизнь в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории [12, с. 107].

Э. Гидденс видит в воспроизводстве рисков фактор, который обеспечивает структуризацию общества. Кроме того, исследователь ведет речь

о взаимозависимости повседневных решений и глобальных последствий. По его мнению, представляется целесообразным всю совокупность рисков разделить на две категории, а именно: риски событий со значительными последствиями (high-consequence risk) и риски событий с регулярно наблюдаемыми и контролируруемыми результатами. Исходя из этого ученый считает, что для указанных категорий рисков методики оценки будут существенно различаться.

Английский социолог полагает, что характерной чертой риска событий со значительными последствиями является отсутствие его непосредственной связи с индивидом, хотя (опять же по определению) он представляет непосредственную угрозу для жизненных шансов каждого индивида [12, с. 117]. При этом источником такого риска, по Э. Гидденсу, является нарастающий процесс глобализации. Данный класс рисков обладает особым качеством: чем более пагубны возможные последствия, тем меньше у нас представление о том, чем мы рискуем [12, с. 117]. То есть последствия неблагоприятного события настолько сложны, что для экспертов не представляется возможным выработать единую позицию об их масштабах и опасности.

Используя в качестве основания для классификации рисков их источники, Э. Гидденс утверждал, что структуризация современного мира происходит под воздействием антропогенных рисков, которые имеют следующие признаки. Во-первых, современные риски обусловлены глобализацией в смысле их «дальнействия» (ядерная война). Во-вторых, глобализация рисков, в свою очередь, является функцией возрастающего числа взаимозависимых событий (например, международного разделения труда). В-третьих, современный мир – это мир «институционализированных сред рисков», например, рынка инвестиций, от состояния которого зависит благополучие миллионов людей. Производство рисков динамично: осведомленность о риске есть риск, поскольку «разрывы» в познавательных процессах не могут быть, как прежде, конвертированы в «надежность» религиозного или магического знания. В-четвертых, современное общество перенасыщено знаниями о рисках, что уже само по себе является проблемой. В-пятых, экспертное знание как инструмент элиминирования рисков в социальных системах ограничено [13].

Э. Гидденс также ввел в научную дискуссию термин «среда риска». По его мнению, основными компонентами среды риска являются:

- а) угрозы и опасности, порождаемые рефлексивностью модернити;
- б) угроза насилия над человеком, исходящая от индустриализации войн;
- в) угроза возникновения чувства бессмысленности человеческого существования, порождаемая попытками человека соотнести свое личное бытие с рефлексивной модернизацией [13, с. 102].

В настоящее время концепции, предложенные Н. Луманом, Э. Гидденсом и У. Бекком, продолжают активно развиваться, в том числе в плоскости проблем государственного управления, глобализации, модернизации и социальных конфликтов. Среди отечественных и российских ученых здесь можно выделить научные труды А. П. Альгина, И. А. Афанасьева, Е. М. Бабосова, В. С. Диева, Г. Д. Гриценко, К. Р. Еськевича, С. Н. Князева, Е. А. Криштаповича, В. Б. Устьянцева, В. И. Чушова, О. Н. Яницкого, В. И. Яковчука, а также Я. С. Яскевич.

Научным сообществом наработан большой объем теоретических знаний в области риска, который позволяет не только описывать отношения по линии «общество – риск» и «человек – риск», но и выходить на более глубокий уро-

вень рефлексии, когда на первое место в исследовании ставится сам человек. При этом, как показывает Г. Д. Гриценко, научный поиск ведется не столько для того, чтобы установить все ситуации, которые становятся рискогенными для человека, сколько выявить наиболее распространенный в обществе риска образ человека [14, с. 146].

Таким образом, активное развитие постнеклассических концепций риска отражает усложнение общественных процессов под влиянием динамичных и трудно прогнозируемых процессов глобализации и модернизации. Происходит очевидное повышение опасности последних, что требует дальнейшего совершенствования подходов к управлению рисками в рамках политического процесса. Действительно, политика становится не только фактором стабильности, но и генератором неопределенностей в современном «обществе риска», где новой нормальностью становятся «цветные революции», «гибридные» и информационные войны.

Здесь возможно подчеркнуть актуальность мысли, высказанной Я. С. Яскевич, что рациональное аналитическое отношение к исследованию проблемы риска, а также оперативное использование некоторых знаний и рекомендаций в социальной практике способствует обоснованию адекватной технологии поведения в реальных ситуациях политического риска [15, с. 66]. То есть, фактически речь идет о формулировании научной задачи для современных политологов по совершенствованию технологий реагирования субъектов политики на рискованные ситуации.

Список использованных источников

1. Чуешов, В. И. Диалектика государственного и глобального управления и регулирования в условиях глобализации: философско-методологические аспекты / В. И. Чуешов, К. Р. Еськевич // *Радио.ру*. – 2013. – № 11. – С. 144–167.
2. Яковчук, В. И. Государственно-административное управление: учебник / В. И. Яковчук; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск: АУПРБ, 2020. – 398 с.
3. Шемет, В. С. Некоторые подходы к обеспечению биологической безопасности / В. С. Шемет // *Общество, право, личность. Методологические и прикладные проблемы: генезис, современность и будущее: междунар. науч.-практ. конф.*, Минск, 23–24 нояб. 2017 г. / *Междунар. ун-т «МИТСО»*; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 304–305.
4. Грачева, М. В. Управление рисками в инновационной деятельности: учеб. пособие / М. В. Грачева, С. Ю. Ляпина. – М.: ЮНИТИ, 2012. – 351 с.
5. Кедрова, А. Б. Определение риска как экономической категории / А. Б. Кедрова // *Экономист года 2018: сб. ст. VII Междунар. науч.-исслед. конкурса*, Пенза, 15 дек. 2018 г. / *Междунар. центр науч. сотрудничества «Наука и просвещение»*. – Пенза, 2018. – С. 300–306.
6. Диев, В. С. Философская парадигма риска [Электронный ресурс] / В. С. Диев // *ЭКО*. – 2008. – № 12(414). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-paradigma-riska>. – Дата доступа: 01.02.2021.
7. Яницкий, О. Н. Социология риска: ключевые идеи / О. Н. Яницкий // *Мир России*. – 2003. – Т. 12, № 1. – С. 3–35.
8. Bradbury, J. A. The policy implications of differing concepts of risk / J. A. Bradbury // *Science, Technology & Human Values*. – 1989. – Vol. 14, № 4. – P. 380–399.
9. Douglas, M. Risk acceptability according to the social sciences / M. Douglas. – London: Routledge & Kegan Paul, 1986. – 121 p.

10. *Luhmann, N. Risk: a sociological theory* / N. Luhmann. – London: Routledge, 2017. – 236 p.

11. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

12. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.

13. *Giddens, A. The consequences of modernity* / A. Giddens. – London: John Wiley & Sons, 1996. – 101 p.

14. Гриценко, Г. Д. Общество риска в эпоху нарастающей неопределенности: антропологическое измерение / Г. Д. Гриценко // Современ. исслед. социал. пробл. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 143–158.

15. Яскевич, Я. С. Рискогенное общество в контексте глобальных геополитических стратегий [Электронный ресурс] / Я. С. Яскевич // Век глобализации. – 2014. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/riskogennoe-obschestvo-v-kontekste-globalnyh-geopoliticheskikh-strategiy/viewer>. – Дата доступа: 01.02.2021.

(Дата подачи: 10.02.2021 г.)

O. N. Korelo

Республиканский институт высшей школы, Минск

O. N. Korelo

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 351(476)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: «ГЛУБИННЫЕ» ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ

INFORMATION SOCIETY: “DEEP” PROCESSES IN TRANSFORMATION

В статье рассматриваются особенности формирования информационного общества в условиях современных трансформационных процессов в сфере производства, экономики, политики, социальной сфере, образовании и др. Исследуются механизмы информатизации современного общества, основные технологические процессы обеспечения научных коммуникационных каналов. Рассматриваются возможные угрозы и риски распространения информации для общества. Раскрываются значение и роль информации в систематизации знания посредством современных наукометрических методов.

Ключевые слова: информационное общество; глобальная сеть; информационные технологии; глобализация; промышленная революция; наукометрические методы; информационные риски.

The article considers peculiarities of information society formation in conditions of modern transformational processes in the sphere of production, economy, politics, social sphere, education and etc. Informatization mechanisms of modern society, main technological processes of scientific communication channels provision are investigated as well. Possible threats and risks of information dissemination to the society are considered in this article. Significance and role of information in the knowledge systematization by means of modern science-metric methods are disclosed.

Keywords: information society; global network; information technologies; globalization; industrial revolution; scientometric methods; information risks.

Определение информационного общества как общества, основанного на знаниях, широкое применение нашло в 70-е гг. XX столетия. В этот период информация приобретает статус движущей силы развития общества, а ее основой становятся интеллектуальные технологии как источник «сырья» для новых «полезных» знаний. Информационное общество, в трактовке Д. Белла [1], обладает всеми основными признаками постиндустриального общества – производство услуг превалирует над производством вещей, теоретические знания становятся основной движущей силой прогресса, базой для развития инновационных технологий, все больше средств инвестируется в человеческий капитал и профессиональные знания.

В экономике, образовании, политике и в других сферах произошли те «глубинные» процессы, течение которых обусловлено развитием Четвертой промышленной революции и полностью изменяет способ производства, получения, распространения потребительских товаров и услуг. Масштаб воздействия и скорость, с которой эти изменения охватили социум, «произвели трансформацию, проявляющуюся совершенно не так, как любая другая промышленная революция в истории человечества» [2].

Информационные технологии, в которых знания выступают средством производства и потребления, являются источником развития современного информационного общества в связи с определяющей ролью в нем науки и образования как доминирующей институциональной ценности социальных, политических, экономических, этических, технологических процессов. Ф. Уэбстер предлагает рассматривать пять ценностных составляющих в определении понятия информационного общества [3]:

- *технологическая*, в основе которой распространение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека посредством компьютеров, интернета, смартфонов;
- *экономическая* предполагает увеличение экономической ценности и эффективность использования информации, доли информационных технологий в структуре ВВП, влиянии на улучшение уровня жизни населения;
- *занятость в информационном секторе* (производство и обслуживание машин и технологий, научная деятельность, создание нового информационного продукта и т. д.) как источник повышения уровня знаний и благосостояния населения;
- *пространственная* связана с расширением глобального информационного пространства, прежде всего (интернета) для развития не только социальных связей, но и производственных, политических, экономических, образовательных, медиарынка;
- составляющая *культуры* указывается на информативность современных процессов обмена и получения или отказа от получения медиасообщений, знаний, которые посредством определенных символов формируют наше мировосприятие.

Теоретические аспекты развития «информационного общества» наиболее остро волновали ученых с середины 90-х гг. после появления кибернетики. Его изучением занимались американские ученые К. Шеннон, Н. Виннер, Д. Нейман, английский криптограф А. Тьюринг и советские математики школы

А. Н. Колмогорова. На информационный характер цивилизационного развития указывают исследования таких ученых, как Э. Тоффлер, М. Кастельс, Ё. Масуда, Ф. Махлупа, Т. Умесао и др. Ученые, как правило, отмечают положительные аспекты всеобщей информатизации за счет распространения информационных технологий. Среди важных аспектов необходимо назвать:

- *снижение экологических рисков*, что обусловлено применением новых технологических разработок;
- *либерализацию политики* за счет расширения глобального пространства и возможности открыто выражать свою позицию;
- *трудолюбивую мобильность* (возможность осуществлять различные проекты удаленно);
- *расширение рынка товаров и услуг*;
- *доступность образования и образовательных ресурсов* и др.

Другая сторона информационного развития несет с собой обесценивание основного потребляемого продукта – информации посредством бесконечного копирования, тиражирования, плагиата. По словам Ж. Бодрийяра, теряется смысл и ценность информации [4].

Тем не менее К. Шваб (основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе) призывает не пугаться новых методов, на глазах меняющихся экономику и повседневность. «Мы не сможем в полной мере использовать открывающиеся возможности, если сдадимся перед сложностью технологий и будем считать их внешними, детерминированными силами, неподвластными нашему контролю» [2].

Согласно исследованиям, человечество переживает период высокого технологического подъема, которому характерно стирание границ виртуального и реального (материального) мира и переход на новый уровень производственных отношений, когда умственный труд вытесняет физический, в производстве преобладают цифровые технологии, происходит конвергенция цифровых, физических и биологических систем.

Так называемая Четвертая промышленная революция, по утверждению К. Шваба, полностью изменит наш образ жизни, работы и коммуникации. Современные мобильные устройства, имеющие огромные возможности и мощности приема, трансформации и передачи информации позволяют расширять знания человека в безграничных пределах. Искусственный интеллект, робототехника, автономный транспорт, Интернет Вещей, Big Data, 3D-печать, нанотехнологии, квантовые компьютеры – уже технологии настоящего. Сегодня в нашу жизнь вошли автономные машины, дроны, виртуальные ассистенты, программы-переводчики, программы-советники, создающие в онлайн-пространстве «бесконечные» базы данных – источники фиксированной информации.

По мнению Ф. Уэбстера, ныне на повестке дня – интернет, информационная «супермагистраль» и киберобщество, вопросы, порожденные информационными и коммуникационными технологиями (ИКТ); электронная демократия, киборги и онлайн-новые сообщества [3]. Тем не менее Уэбстер обращает внимание на возрастающую в этих процессах роль специалистов высокого уровня, отегашенных владением современных информационных технологий – ведущие политики и другие интеллектуалы осваивают информационный труд в целях расширения своей потребительской аудитории. И здесь необходимо не только повышать свой интеллектуальный уровень, но и постоянно переобучаться.

По мнению исследователя, сегодня инновации берут свое начало от принципиальных знаний, с наибольшей очевидностью это проявляется в сфере науки и технологий. Теоретическое знание стало основой современной жизни в различных областях. Приоритет теоретического знания прослеживается и в политике, в процессе принятия политических решений и ведения политических дебатов: поскольку политика – «искусство возможного», следует знать эти возможности. Все, что нас окружает, – процессы, технологии, природа, общество – осуществляет свое развитие по критериям теоретического знания, в основе которого абстрактность, обобщенность, кодификация. Подобное теоретическое знание позволяет выдвигать новые стратегии и обобщать накопленное знание. Ученые пытаются осознать последствия нового информационного взрыва, его социальные и экономические достижения (в виде трансформировавшегося труда, новой корпоративной культуры, ушедших в онлайн образовательных систем, измененной шкалы оценки демократических ценностей и т. д.).

Так, Д. Белл отождествляет период постиндустриального развития с развитием информационных технологий, которые требуют специалистов с высоким уровнем знаний для обслуживания и обеспечения рода «деятельности, который во все более возрастающей мере востребован в постиндустриальном обществе» [5, с. 127], а стержнем становятся «ученые и инженеры, которые формируют ключевую группу» этих специалистов [5, с. 17]. Это работа тех профессионалов, которые в здравоохранении, образовании, исследовательской работе, управлении свидетельствуют об «экспансии новой интеллигенции – в университетах, исследовательских организациях, в сфере свободных профессий и управления» [5, с. 15]. Из утверждения Белла следует, что уровень квалификации специалиста обусловлен условиями меняющихся потребностей, вызовов общества и их информационных запросов, расширяющих современное профессиональное знание. Исследователь утверждает, что «кардинально новое сейчас – это кодификация теоретического знания и его ключевая роль в инновациях как в сфере создания новых знаний, так и в сфере производства товаров и услуг» [5]. Из этого утверждения можно заключить, что постиндустриальное общество – это общество знания, в связи с тем, что источником инноваций является работа по развитию технологий и приращению научного теоретического знания.

Противоречивых взглядов в отстаивании идей развития информационного общества придерживается М. Кастельс. Он доказывает, что современное общество переживает переход к «информационной эпохе» [6], главным признаком которой являются сети, обеспечивающие взаимодействие между людьми, организациями (корпорациями) и властью (органами управления) Это усиливает как глобализацию, так и интеграцию людей и различных процессов. Но, с другой стороны, ведет к фрагментации и дезинтеграции определенных социальных категорий граждан и расслоению общества. Кастельс обращает внимание на то, что глобальная конкуренция рабочей силы порождает феномен цифрового неравенства с рядом социальных последствий, обусловленных доступом к электронным ресурсам, как то качественное образование, высокотехнологичная работа и активное участие в жизни общества. Так называемый «сетевой капитализм» ведет к глобальной конкуренции рабочей силы, уменьшению социальной ответственности корпораций и социальных льгот работников.

Еще один автор, на чьем творчестве хочется остановиться в рамках данной темы, – Г. Шиллер. Исследователь разделяет мнение, что общество производит

сегодня информации гораздо больше, чем когда-либо ранее, и что таких уникальных «средств для создания, хранения, поиска, обработки и распространения информации не было никогда раньше, и это относится как к их количеству, так и к качеству» [7, с. 18]. Но, тем не менее, в современных условиях информацию необходимо рассматривать как товар, имеющий свою стоимость. Шиллер утверждает, что возможность создавать информацию, распространять ее, а также иметь к ней доступ есть не у всех членов общества, что ведет к классовому расслоению и неравенству. Имеется в виду, что информация сосредоточена в руках крупных игроков рынка. Если точнее, то мы видим, что корпоративные и классовые интересы и приоритеты рынка оказывают решающее влияние на развитие новых компьютерных технологий, а компьютерные технологии, развивая информационную сферу, влияют на динамику рынка. Шиллеру, таким образом, удастся объяснить ключевую роль информации и информационных технологий как важного фактора исторического развития.

Информационная составляющая в развитии современного общества весома и неоспорима. Мы имеем возможность поглощать и распространять огромное количество цифровой, графической, иной визуальной информации в реальном времени и с огромной скоростью, что делает все предыдущие достижения телеграфа, телефонии, компьютерных и других систем безнадежно устаревшими.

Информационное общество – это новый исторический период человеческого развития, в котором информация и знания становятся главным продуктом производства, а создание, хранение, переработка и передача информации не требует колоссальных затрат. В этих условиях в повседневное использование входят такие понятия, как *интернет вещей*, *Big Data* (большие данные), *искусственный интеллект*, *кибербезопасность* и *privacy* (конфиденциальность) и др.

Интернет вещей – понятие, которое объединяет в себе вычислительные системы всех физических предметов (вещей), обладающих встроенными информационными технологиями для внутреннего и внешнего взаимодействия. Интернет вещей – это виртуальная и дополненная реальность (VR/AR), которая неотъемлемо присутствует во всех сферах жизнедеятельности: от высокотехнологичных производств, научных исследований до игротехник и сферы развлечений. Наиболее распространенными форматами являются видеогри и различные обучающие программы. Технологии VR и AR все больше внедряют в профессиональные сферы, дополняя системы корпоративного обучения различными продвинутыми методиками: виртуальная реальность (VR) все чаще используется в обучающих курсах военнослужащих, в том числе пилотов, медицинских работников, в сфере обслуживания, образовательных программах и др. Системы VR и AR способны решать проблемы муниципального устройства: повысить уровень безопасности в городах, снизить нагрузку на транспортную инфраструктуру, обеспечить экономию электроэнергии и др.

Бесспорно, интернет вещей несет своим потребителям не только достижения, ценности, но и новые опасности, риски, потери. Это связано прежде всего с доступностью баз данных и их информационной безопасностью. Проблемы будут накапливаться из-за роста количества кибератак и мошеннических действий со стороны недобросовестных пользователей (потребителей, распространителей, производителей) информационных продуктов и услуг.

Big Data – большие объемы данных, которые накапливаются в информационных системах и обрабатывается машинным обеспечением. Банки, социаль-

ные сети, государственное управление, торговля, образование, здравоохранение приращивают информацию ежедневно. И только машинное программное обеспечение способно ее обработать и проанализировать для дальнейшего использования. Извлечение прибыли, поиск пропавших людей, предотвращение терактов возможно с использованием системы Big Data.

Искусственный интеллект способен проанализировать большие базы данных, которые передают различные информационные системы: отслеживание камер видеонаблюдения в поисках нужного объекта, диагностирование заболеваний, представляющего угрозу человечеству, проведение уникальной операции, то есть осуществлять процессы по решению нетипичных задач.

Знакомые нам голосовые помощники в банке, распознавание голоса по телефону в сфере услуг, сервисы интернет-магазинов, помощники в музыкальном сопровождении, в быту, обучении и т. д. – это искусственные интеллектуальные системы, которые служат нашему обществу и улучшают качество жизни граждан.

Кибербезопасность и защита информации. «Оцифрованный» образ жизни граждан открывает доступ к личной информации, подвергая дополнительную опасности. Идентификация личности при заказе и покупке товаров или услуг требует предоставления банковских и иных данных, что не исключает утечки данной информации. Задача информационных систем – обеспечить эту безопасность. С развитием высоких технологий границы личного пространства граждан стираются: *Big Tech* и системы государства следят за людьми онлайн: система распознавания лиц, подслушивания, скрытые камеры – технологический признак информатизации общества.

Современное общество, опираясь на четыре приведенных выше составляющих: взаимосвязанные технологии (*интернет вещей*), неограниченное информационное пространство (Big Data), умные механизмы (*искусственный интеллект*) с расчетом на безопасность функционирования этих систем (*кибербезопасность и конфиденциальность*) формирует блок технологических запросов, основанных на инновационных процессах, которые могут быть обеспечены актуальным научным знанием. В этих условиях нам как обществу знания необходимо сосредоточить внимание на цифровой составляющей формируемых в системе образования программ и проектов, размещенных на электронных носителях в глобальной информационной сети. Распространяя знания на электронных ресурсах система образования формирует базы данных, которые позволяют не только расширять, но и приращивать новые знания, развивать науку и оценивать ее результаты.

Наукометрические базы данных как составляющая информационного общества являются частью глобальной цифровизации науки. В современном научном исчислении наметился ряд цифровых систем, позволяющих измерять научное знание. Прежде всего речь идет о *наукометрии* (англ. *scientometrics*) как области науковедения, в системе которой проводятся исследования науки количественными методами [8]; научная дисциплина, изучающая эволюцию науки через многочисленные измерения и статистическую обработку научной информации (количество научных статей, опубликованных в данный период времени, цитируемость и т. д.) [9; 10].

Еще одной системой измерения научного знания выступает *библиометрия*. В ее базе используются математические и статистические методы изучения книг, периодических изданий и прочих публикаций [11].

Библиометрия (от греч. *Biblion* – книга и *metron* – мера, *metreo* – измеряю) – направление в исследованиях науки, связанное с количественным анализом документальных потоков [12]; в ее системе анализируется распределение публикаций по времени, областям знания, географическим регионам, что позволяет выявить связи между объектами, провести их классификацию. Статистический анализ публикаций и их цитирование, по мнению А. Беленького, позволяет выявлять закономерности и темпы развития различных отраслей знания в эволюции и их взаимосвязь [13].

Вебометрия является подмножеством киберметрии и связана с изучением параметров web-пространства и выявлением в нем информационных профилей и структур [13].

В системе информатизации научного знания необходимо отметить *киберметрию* как более поздний термин вебометрии. Киберметрия (от англ. *Cybermetrics*) – анализ потоков киберинформации (всех видов медиа-информации) с использованием наукометрических, библиометрических и информационных подходов. Область, которая отражает новые возможности по обработке информации, хранимой в электронном виде, и ее визуализации. По мнению А. Беленького, киберметрия дала новый импульс развитию инфометрии и наукометрии. «Появление баз данных и компьютерных методов анализа хранимой в них информации (в том числе методов текстомайнинга и дейтамайнинга) позволило ввести ряд новых количественных критериев для оценки состояния науки в целом и отдельных ее областей, а также оценить вклад различных стран в общемировой прогресс» [13].

Инфометрия, согласно Википедии, – это дисциплина, предметом которой являются количественные измерения хранимой и используемой информации.

И наконец, *альтметрики* – новые методы наукометрии, которые оценивают результаты исследовательской деятельности не на основе числа цитирований публикаций в научных журналах (академический вес, *scholarlyimpact*), а по их присутствию, упоминанию и использованию в интернете и традиционных СМИ (общественный вес, *socialimpact*) [14]. По альтметрикам возможно измерить уровень внимания к результатам научного труда (скачивания, просмотры публикаций), их распространение (обсуждение в блогах и на форумах, упоминание в новостях, репосты в социальных сетях), а также какое влияние они оказывают на общество (например, ссылка на научную публикацию в экспертных заключениях и правительственных документах) [14].

Информационные технологии обеспечивают современные образовательные платформы новым знанием, которое расширяет научные коммуникационные каналы. Изменяются формы и требования к научным публикациям, форматы признания научных результатов, и их обсуждение выходит за границы узкого академического сообщества. Традиционные наукометрические методы оценки научных публикаций вынуждены расширять свои границы и создавать новые формы. В расчете научного рейтинга участвуют не только статьи в академических журналах, но и учебные материалы, наборы данных, препринты, видеоролики, записи в блогах, фотографии и пр.» [14]. Разнообразие методов и форм учета научного знания расширяет научную коммуникацию и глобальную активность исследователей, синтезирует науку и создает междисциплинарные связи.

На примере академической мобильности Республиканского института высшей школы вы можете видеть на графике (рис. 1) рост публикационной актив-

ности научного сообщества в период с 2016 по 2020 г., что стало возможным благодаря новым информационным платформам, среди которых наиболее популярная на постсоветском пространстве Elibrary.ru. Для сравнения в выборке представлены учреждения последипломного и дополнительного образования Республики Беларусь (рис. 2).

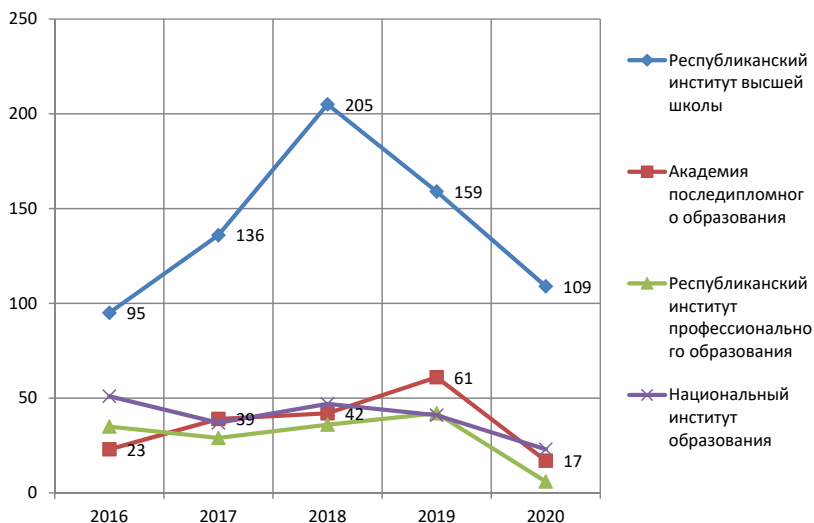

Рис. 1. Число публикаций учреждений образования в базе Elibrary.ru*

*Примечание. Источник: собственная разработка на основе данных Elibrary.ru.

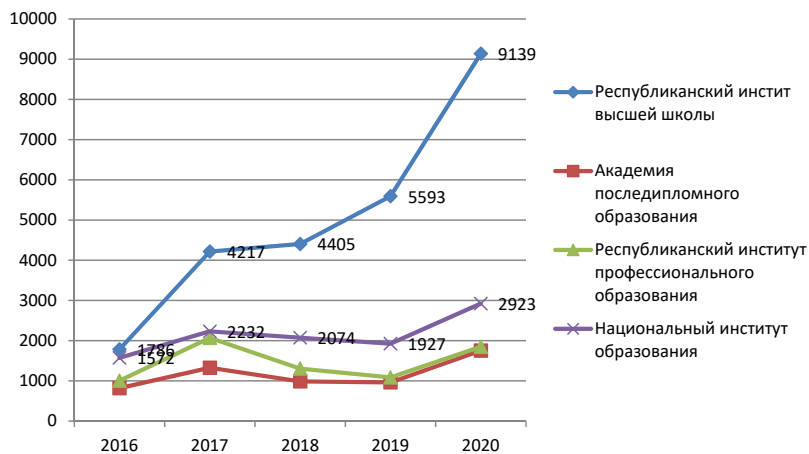

Рис. 2. Число просмотров публикаций учреждений образования в базе Elibrary.ru*

*Примечание. Источник: собственная разработка на основе данных Elibrary.ru.

Расширение информационного пространства как неминуемого условия Четвертой промышленной революции дает толчок для развития новых технологий, интенсификации производственного процесса, усиления влияния научного знания. При наличии политической воли, инвестиций и коллективного творчества возрастает перспектива построения новых систем, удовлетворяющих потребности людей. При этом могут возникать и определенные риски.

Так, К. Шваб обращает внимание, что в условиях освоения и расширения информационного знания необходимо решить ряд задач [2]:

1. Обеспечение справедливого распределения благ (богатства и благосостояния) между различными социальными категориями граждан.

2. Контроль негативных последствий и рисков для защиты уязвимых групп населения, окружающей среды и будущих поколений от непредвиденных последствий, издержек прогресса, вторичных воздействий и осознанного злоупотребления новыми возможностями.

3. Гарантия соблюдения интересов человека и его постоянного контроля над происходящими процессами (соблюдение не только финансовых, но и общечеловеческих ценностей).

С учетом выполнения и соблюдения данных задач те «глубинные» изменения, которые затрагивают сегодня все технологические процессы и оказывают огромное социальное воздействие на общество, будут определять дальнейшее информационное развитие мира, предоставляя как большие возможности, так и неся потенциальные опасности.

Список использованных источников:

1. *Белл, Д.* Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

2. *Шваб, К.* Технологии Четвертой промышленной революции / К. Шваб, Н. Дэвис. – М.: Эксмо, 2018. – 410 с.

3. *Уэбстер, Ф.* Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; под. ред. Е. Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

4. *Бодрийяр, Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1999. – 224 с.

5. *Bell, D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – Harmondsworth: Penguin, Peregrine, 1976.

6. *Castells, M.* Toward a Sociology of the Network Society / M. Castells // Contemporary Sociology. – 29(5) September: 693-9.

7. *Schiller, H. I.* (1983a), The Communications Revolution: Who Benefits? / H. I. Schiller // Media Development, (4): 18–20.

8. *Огурцов, А. П.* Науковедение / А. П. Огурцов // Большая российская энциклопедия: в 35 т. – М., 2017. – Т. 22.

9. Наукометрия // Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p. – Дата доступа: 02.02.2021.

10. *Мирский, Э. М.* Наукометрия / Э. М. Мирский // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010.

11. Bibliometrics. OECD Glossary of Statistical Terms [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki. – Дата доступа: 21.01.2021.

12. Библиометрия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: epistemology_of_science.academic.ru. – Дата доступа: 22.02.2021.

13. *Беленький, А.* Визуализация в инфометрии – красота, да и только [Электронный ресурс] / А. Беленький. – Режим доступа: compress.ru/article.aspx. – Дата доступа: 22.02.2021.

14. *Еникеева, А.* Внимание и влияние: альтметрики как способ их измерить [Электронный ресурс] / А. Еникеева. – Режим доступа: okna.hse.ru/news/204207440. – Дата доступа: 20.02.2021.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

К. И. Костиневич

Белорусский государственный экономический университет, Минск

К. I. Kastsinevich

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 32.019.5+329(476)

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY ORGANIZATIONS IN POLITICAL COMMUNICATION OF THE POWER AND SOCIETY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Статья посвящена изучению роли институтов гражданского общества во взаимодействии органов власти и общества в Республике Беларусь. Рассматривается деятельность общественных объединений и политических партий как субъектов и каналов политической коммуникации через показатели уровня доверия данным организациям, их представленность в Национальном собрании Республики Беларусь и работу в информационном пространстве. Автор делает вывод о незначительной роли общественных объединений и политических партий в качестве политических коммуникаторов и институтов опосредованной коммуникации, а также о развитии сетевых структур как новых участников политико-коммуникационного процесса в Республике Беларусь.

Ключевые слова: политическая коммуникация; гражданское общество; органы власти; общественные объединения; политические партии; субъекты политической коммуникации; каналы политической коммуникации; социальные сети; сетевые структуры; общество.

The article is devoted to the study of the role of civil society organizations in the interaction of public bodies and society in the Republic of Belarus. The author examines the activities of public associations and political parties as actors and channels of political communication through indicators of the level of trust in these organizations, their representation in the National Assembly of the Republic of Belarus and their work in the information space. The author draws a conclusion about the insignificant role of public associations and political parties as political communicators and institutions of mediated communication, as well as about the development of network structures as new participants in the process of political communication in the Republic of Belarus.

Keywords: political communication; civil society; public bodies; public associations; political parties; actors of political communication; channels of political communication; social networks; networks structures; society.

В Национальной стратегии устойчивого развития до 2030 г. гражданское общество определяется как «совокупность негосударственных организаций и свободных граждан, создающих вместе с государством развитые правовые отношения» [1, с. 143]. На 1 января 2021 года в нашей стране было зарегистрировано 3021 общественное объединение, 15 политических партий и 25 профсоюзов [2].

Институты гражданского общества в обмене политической информацией между властью и гражданами могут выступать как субъектами, так и каналами. Субъект политической коммуникации (политический коммуникатор) – это игрок политического поля, который инициирует политико-коммуникационный акт, создаёт сообщение, определяет его направление, получателей и пути обратной связи с целью достижения поставленных целей. Каналы политической коммуникации – это средства передачи политической информации от субъекта к объекту, которые адаптируют информацию для получателя, а также являются средством обратной связи для отправителя сообщения.

Одним из основных органов власти, позволяющих общественным объединениям и политическим партиям, эффективно осуществлять функции политической коммуникации является Парламент. Наибольшее представительство среди общественных объединений в Национальном собрании Республики Беларусь в 2000–2019 гг., за исключением политических партий, имели молодёжные организации, РОО «Белая Русь» (далее – «Белая Русь») и Федерация профсоюзов Беларуси (далее – ФПБ) (таблица 1).

Таблица 1

**Число работников общественных объединений,
избранных в Национальное собрание Республики Беларусь
II–VII созывов**

Со- зв- ыв	Палаты Парламента	Общественные объединения		
		«Белая Русь»	БРСМ	ФПБ
II	Палата представителей	–	3 ¹	1
	Совет Республики	–	–	–
III	Палата представителей	–	2	1 + 1 (переизбран)
	Совет Республики	–	1	1
IV	Палата представителей	–	2	2
	Совет Республики	–	–	1
V	Палата представителей	1	1	2
	Совет Республики	–	2	1
VI	Палата представителей	1 + 1 (переизбран)	–	2
	Совет Республики	1	1	1
VII	Палата представителей	1	4	1
	Совет Республики	–	1	2

Примечание 1. От молодёжных объединений в 2000 г. были избраны один представитель ОО «Белорусский союз молодежи» и два от ОО «Белорусский патриотический союз молодежи»).

Примечание 2. Разработка автора на основе [3–15].

Согласно данным Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь (далее – ИАЦ), в 2016 г. уровень доверия к БРСМ снизился до 50,5 %, тогда как ранее наблюдался рост данного показателя, уровень недоверия достиг 29 % (таблица 2). Уровень доверия к БРСМ среди молодежи с 2010 по 2015 г. вырос с 55 % до 63 % [17, с. 79; 20, с. 185], а в 2016 г. упал до 52,5 %, уровень недоверия составил 35 % [21, с. 177]. В. А. Евстафьев и С. Н. Соколова отмечают, что в БРСМ, «несмотря на значительную по объемам финансовую поддержку со стороны государства, не смогли принять на себя функции создания объективно значимых средовых пространств для сколь-нибудь заметной части современной молодежи» [22, с. 89], что затрудняет налаживание эффективного диалога власти с молодежью.

Таблица 2

**Показатели уровня доверия/недоверия институтам гражданского общества
(по данным ИАЦ)**

Общественные объединения		2007 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
		Доверяют		49 %		56 %	56 %
Профсоюзы ФПБ	Не доверяют		28 %		30 %	29,5 %	36 %
	Доверяют		46 %		55,5 %	57 %	50,5 %
ОО БРСМ	Не доверяют		27 %		24 %	24 %	29 %
	Доверяют		31 %			40 %	34,5 %
РОО «Белая Русь»	Не доверяют		30 %			28,5 %	34 %
	Доверяют				20 %	20 %	20 %
Профсоюзы, не входящие в ФПБ	Не доверяют				54,5 %	52,5 %	57 %
	Доверяют	46,6 %	55 %	46,5 %	53 %	57 %	47 %
Провластные политические партии	Не доверяют	32 %	25 %	33 %	27 %	26 %	37 %
	Доверяют	11,6 %	12,5 %	13 %	8 %	9 %	10 %
Оппозиционные политические партии	Не доверяют	70,4 %	66 %	69,5 %	78 %	80 %	76,5 %

Примечание. Разработка автора на основе [16, с. 15; 17, с. 32; 18, с. 15; 19, с. 21; 20, с. 24–25; 21, с. 17].

БРСМ обладает высоким медийным потенциалом: помимо официального сайта и страниц в социальных сетях, объединение является учредителем газет «Знамя юности», «Переходный возраст», «Зорька», вкладыша в газету «Звезда» «Чырвонка «Чырвоная змена», радиостанций «Пилот FM» и «Душевное радио» [23]. Однако имеющаяся сеть медиа используется БРСМ недостаточно эффективно, на что указывает снижение доли их аудитории. По данным ИАЦ, аудитория газеты «Знамя юности» с 2016 г. до 2018 г. снизилась с 5,5 % до 2,4 % [21, с. 130; 24, с. 149]. Результаты опросов ГЕВС МЕДИА отражают постепенное снижение доли слушателей радиостанции «Пилот-FM»: в 2017 г. её доля составляла 6 % аудитории в г. Минске и областных центрах в возрасте 12–65 лет [25], в 2018 г. – 5,5 % [26], а в июне 2019 г. – 4,5 % [27]. Доля аудитории станции «Душевное радио» в 2019 г. осталась практически неизменной в сравнении с 2018 г.: 3,4 % и 3,3 %, соответственно. Представленные данные также

свидетельствуют о снижении популярности традиционных СМИ, что отражает необходимость перераспределения ресурсов БРСМ в пользу интернета, так как для молодежи он является основным каналом коммуникации.

«Белая Русь» была зарегистрирована в декабре 2007 г. и менее чем через год по результатам выборов в составе Национального собрания IV созыва «выше трети сенаторов Совета Республики и почти каждый второй депутат Палаты представителей» [28] представляли данное объединение. По результатам избирательной кампании 2012 г. в составе Палаты представителей 63 депутата были членами «Белой Руси» [29], в составе Совета Республики VI созыва (2016–2019 гг.) представляли данную организацию 34 члена, в Палате представителей – 68 депутатов [30].

«Белая Русь» активно использует прямые каналы для налаживания коммуникации с обществом, например, общественные приемные, число которых выросло с 43 в 2009 г. до 150 в 2021 г. [31], а также информационно-пропагандистские группы.

В качестве медиа-каналов коммуникации «Белая Русь», помимо сайта, имеет сообщества в социальных сетях «ВКонтакте» (1279 подписчиков на 25.02.2021), «Одноклассники» (171 подписчик), Instagram (1582 подписчика), Facebook (776 подписчиков) и канал на YouTube, на котором общее число просмотров на 25.02.2021 г. составляло 82487 при 93 выложенных видео, т. е. одно видео на данном канале набирает в среднем менее 900 просмотров, что значительно ниже числа членов данного общественного объединения, которое в 2019 г. составляло 193992 [32], и указывает на неэффективное использования интернет-форм коммуникации.

Проблемы в налаживании диалога с гражданами находят отражение в показателях уровня доверия к «Белой Руси», который, согласно данным ИАЦ, в период с 2010 по 2016 гг. не превышал 40 % и в 2016 г. равнялся 34,5 %, что сопоставимо с результатами уровня недоверия – 34 % (таблица 2).

С другой стороны, данное общественное объединение имеет налаженные контакты с органами государственной власти. Так, в состав Республиканского Совета «Белой Руси» по итогам II съезда, прошедшего в 2012 г., входили Первый заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь А. М. Радьков, министр информации О. В. Пролесковский, министр труда и социальной защиты М. А. Щёткина [33, с. 10–12]. В настоящее время в состав Республиканского Совета «Белой Руси» из руководства республиканских органов государственного управления входит министр образования И. В. Карпенко и заместитель министра сельского хозяйства И. В. Брыло, при этом широко представлено руководство органов местного управления и самоуправления [34], что может свидетельствовать о стремлении объединения стать активным участником в диалоге власти и общества на местном уровне.

Относительно профсоюзов, по данным Независимого института социально-экономических и политических исследований (далее – НИСЭПИ), в период с 2001 по 2015 гг. разница в уровне доверия к профсоюзам ФПБ и не входящим в данное объединение (в опросах они обозначены как «свободные и независимые профсоюзы») не превышала 5 % (таблица 3), при этом показатели доверия ко всем профсоюзам были выше, чем доверия.

**Показатели уровня доверия/недоверия институтам гражданского общества
(по данным НИСЭПИ)**

	Профсоюзы, входящие в ФПБ		Свободные и независимые профсоюзы		Партии, поддерживающие власть		Оппозиционные партии	
	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют
2001 г.	22,1 %	36,7 %	25,5 %	36,2 %	23,2 %	42,9 %	13,6 %	51,9 %
2002 г.	27,8 %		29,4 %		21,7 %		18,4 %	
сент. 2003 г.	31,3 %	41,5 %	36,3 %	34,5 %	24,1 %	52,1 %	18,4 %	55 %
нояб. 2004 г.	30,6 %	44,8 %	33,2 %	40 %	27,7 %	49 %	16,1 %	61,1 %
дек. 2005 г.	24,7 %	51,6 %	27,1 %	44,3 %	27,1 %	49,3 %	13,3 %	64,6 %
авг. 2006 г.	36,5 %	43,5 %	37,8 %	40,7 %	33,5 %	50,4 %	17,9 %	63,7 %
дек. 2007 г.	32,8 %	45,9 %	36,1 %	41,6 %	27,7 %	49,6 %	18,9 %	58,9 %
июнь 2008 г.	31,6 %	44,7 %	34 %	39,1 %	24,7 %	52 %	18,3 %	57,4 %
июнь 2009 г.	29,7 %	44,8 %	32,2 %	40,6 %	28,5 %	45,7 %	19 %	53,7 %
июнь 2010 г.	32,4 %	47,6 %	31,8 %	46,5 %	28,9 %	49,4 %	14,4 %	65 %
июнь 2011 г.	27,6 %	54,8 %	33,5 %	36,7 %			20,1 %	53,3 %
дек. 2012 г.	34,1 %		38,7 %		23,7 %		20 %	
дек. 2013 г.	30 %	48,4 %	31,9 %	44,7 %	19,9 %	59 %	15,8 %	63,4 %
дек. 2014 г.	36,2 %		33,8 %		27,5 %		16 %	
дек. 2015 г.	33,1 %		32,4 %		21,4 %		12,6 %	

Примечание. Разработка автора на основе [35].

Результаты опросов ИАЦ показывают, что в 2016 г. уровень доверия к профсоюзам ФПБ составил 51 %, а уровень недоверия вырос с 28 % до 36 % (таблица 2). Уровень доверия к профсоюзам, не входящим в ФПБ, с 2014 по 2016 г. оставался неизменным и составлял 20 %, а уровень недоверия вырос с 54,5 % до 57 %.

Представляется, что роль профсоюзов как политического коммуникатора в наибольшей степени проявилась в 1990-е – начале 2000-х гг. Так, на президентских выборах 2001 г. единым кандидатом от оппозиции стал на тот момент времени глава ФПБ В. И. Гончарик, который набрал 15,65 % голосов избирателей [36]. С 2000 г. в составе Парламента работники профсоюзов ФПБ представлены на постоянной основе (таблица 2), также избирается большое количество членов ФПБ, не занимающихся профсоюзной работой.

Количество законопроектов, рассматриваемых и/или инициируемых ФПБ, отражает рост потенциала данного объединения в качестве политического коммуникатора, способного выстраивать диалог с органами власти. Так, в 2002 г. в ФПБ на согласование было направлено 9 законопроектов, в 2018 г. данный показатель равнялся 110 [37, с. 6; 38].

Политические партии стремятся выражать интересы представляемых групп путем получения, использования и удержания власти, что отражается в их актах

коммуникации. По данным НИСЭПИ, наибольшие показатели доверия к белорусским оппозиционным партиям были зафиксированы в июне 2011 г. и декабре 2012 г. (20,1 % и 20 % соответственно), с 2013 г. началось падение их рейтинга (таблица 3). К марту 2016 г. данный показатель составил 11,3 %. Исследования ИАЦ показывали, что уровень доверия оппозиционным партиям в 2007–2016 гг. не превышал 13 % (таблица 2).

Согласно результатам опросов НИСЭПИ, наибольший уровень доверия к партиям, поддерживающим власть, был зафиксирован в августе 2006 г. – 33,5 %, в декабре 2015 г. он составлял 21,4 % (таблица 3). По данным ИАЦ, в период с 2007 по 2016 г. колебания уровня доверия к проправительственным партиям находились в пределах 10,5 % (от 46,5 % в 2013 г. до 57 % в 2015 г.) (таблица 2), в 2016 г. им доверяли 47 % белорусов, не доверяли – 37 %.

По данным Института социологии за 2001–2017 гг., лишь один раз рейтинг какой-либо партии превышал 10 %: в 2003 г. показатель Белорусской партии женщин «Надзея» составлял 10,3 % [39, с. 323]. Согласно результатам опросов ЦСПИ, в 2018 г. ЛДП поддерживали 6,7 % белорусов [40, с. 110].

Незначительную роль партий в политической коммуникации отражает и число их представителей в Парламенте. Так, если в Верховном Совете XIII созыва более 50 % депутатов представляли политические партии: 105 из 197 [41, с. 94], то в дальнейшем относительные и абсолютные показатели их числа в Парламенте снижались до 2016 г. Так, из 110 депутатов:

- в Палате представителей II созыва в партиях состояли 14 депутатов, из них 6 представляли Коммунистическую партию Беларуси (КПБ), 4 – Белорусскую аграрную партию (БАП) [3];
- III созыва – 12 представителей политических партий (8 членов КПБ, 3 – БАП, 1 – Либерально-демократическую партию (ЛДП)) [4];
- IV созыва – 7 (6 представителей КПБ и 1 – БАП) [5];
- V созыва – 5 (3 от КПБ, по 1 от БАП и Республиканскую партию труда и справедливости (РПТС)) [6];
- VI созыва – 16 (8 от КПБ, по 3 от Белорусской патриотической партии (БПП) и РПТС, по 1 от ЛДП и Объединённой гражданской партии (ОГП)) [7];
- VII созыва – 20 (11 от КПБ, 6 от РПТС, 2 от БПП и по одному от БАП и ЛДП) [8].

В Совете Республики II и III созывов из 64 членов было лишь по два представителя политических партий (по одному от БАП и КПБ) [9; 10], IV созыва – 4 (3 представителя БАП, 1 КПБ) [11], V созыва – 1 (КПБ) [12], VI созыва – 1 (ЛДП) [13], VII созыва – 1 (КПБ) [14].

Итак, КПБ, БАП и РПТС были представлены наибольшим числом членов в Парламенте по сравнению с остальными партиями, помимо этого данные партии среди своих членов имеют высокопоставленных государственных служащих. Так, министр образования И. В. Карпенко ранее занимал пост Первого секретаря Центрального Комитета КПБ [42], а М. И. Русый, заместитель Премьер-министра в 2012–2019 гг., является председателем БАП [43]. Соответственно, данные партии выступают наиболее заметными субъектами и каналами политической коммуникации в отношениях с властью, по сравнению с остальными партиями.

В условиях ограниченных ресурсов интернет стал наиболее доступным каналом массовой коммуникации с обществом для партий, однако его потенци-

ал используется не в полной мере. Например, четыре партии не имеют сайтов и страниц в социальных сетях – это Белорусская социально-спортивная партия, Социал-демократическая партия народного согласия, БАП и БПП (данная партия отчасти представлена на сайте Н. Д. Улаховича [44]).

Оппозиционные партии успешнее используют социальные сети. Наиболее эффективную работу с интернет-ресурсами проводит ОГП. Совокупное число подписчиков в социальных сетях (Facebook, Twitter, «Вконтакте») и YouTube на 26.02.2021 у данной партии составляло 132 925, по сравнению с 17.02.2020 показателем вырос более чем в 4,5 раза (29 289). Число подписчиков ОГП почти в 37 раз больше, чем членов партии (по данным на 2015 г. их число составляло 3600 человек [45]) В первую очередь ОГП развивает YouTube-канал, на который на 26.02.2021 было подписано 106 000 человек, в феврале 2020 г. их число составляло 14 200.

В последние годы с развитием горизонтальных форм интернет-коммуникации в Беларуси начал формироваться новый участник обмена политической информацией между властью и гражданами – сетевые сообщества. Их потенциал раскрылся в начале 2020 г. с распространением заболевания COVID-19, когда начали формироваться волонтерские и краудфандинговые сети на низовом уровне для помощи врачам и пациентам.

С началом президентской кампании 2020 г. роль сетевых структур, в первую очередь сформированных в Telegram, значительно возросла. Негосударственные интернет и печатные медиа выполняют информационную, мобилизационную и объяснительную функции, также они формируют повестку дня и общественное мнение. В результате люди, получающие информацию из данных источников массовой коммуникации, объединяются в «эрац-партию интернета», которая становится новым политическим коммуникатором, осуществляющим обратную связь. Основными каналами передачи информации «эрац-партии интернета», помимо интернет-медиа, становятся конфликтные формы коммуникации: обращения и уличные протесты.

Таким образом, общественные объединения и политические партии в Беларуси не в полной мере реализуют свои функции как субъекты и каналы политической коммуникации. Так, «Белая Русь», ФПБ и БРСМ имеют существенный потенциал и ресурсы для осуществления функций субъекта политической коммуникации и продвижения интересов своих сторонников в процессе принятия решений, но не используют нетрадиционные каналы и формы взаимодействия с обществом.

Политические партии имеют меньшие ресурсы: они мало представлены в Парламенте и их рейтинг в последние годы находится на низком уровне, что отражает отсутствие эффективно налаженного диалога с обществом. Среди партий наибольшим потенциалом в качестве субъекта и канала политической коммуникации обладают поддерживающие государственную власть КПБ, БАП и РПТС, с интернет-медиа эффективнее работает оппозиционная ОГП, тогда как присутствие остальных партий в интернете незначительно.

Развитие нетрадиционных форм интерактивного взаимодействия формирует новый субъект политической коммуникации – сетевые сообщества или «эрац-партия интернета», которые могут стать ключевым субъектом политической коммуникации со стороны части общества, активно применяющим, в том числе, неконвенциональные формы политического участия.

Список использованных источников

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]: одобр. протоколом засед. Президиума Сов. Министров Респ. Беларусь № 10 от 2 мая 2017 г. // Министерство экономики. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа: 26.02.2021.

2. Минюст – о регистрации некоммерческих организаций в 2020 году [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2021/february/59676/>. – Дата доступа: 26.02.2021.

3. Список депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва на 1 декабря 2002 г. [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PPNS2-Spis.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

4. Итоги выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва 17 октября 2004 года [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PPNS3-Sostav.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

5. Список депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь четвертого созыва [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PPNS-Spis.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

6. Об итогах выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь пятого созыва: Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PPNS5-Soob5.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

7. Об итогах выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва: Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PPNS6-soob1.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

8. Об итогах выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва: Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: http://rec.gov.by/sites/default/files/pdf/2019/soob_itogi.pdf. – Дата доступа: 25.02.2020.

9. Список членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь второго созыва [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-SR2-Spis.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

10. Об итогах выборов и регистрации членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва [Электронный ресурс]: постановление Центральной комиссии Респ. Беларусь по выборам и проведению респ. референдумов, 10 нояб. 2004 г., № 275. // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-SR3-Post275.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

11. Список членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь четвертого созыва [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-SR-Spis.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

12. Об итогах выборов членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь пятого созыва: Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-SRNS5-Soob2.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

13. Об установлении итогов выборов и регистрации членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва [Электронный ресурс]: постановление Центральной комиссии Респ. Беларусь по выборам и проведению респ. референдумов, 16 сент. 2016 г., № 62. // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-SRNS6-post62.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

14. Об установлении итогов выборов и регистрации членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь седьмого созыва: Постановление Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению референдумов от 12 ноября 2019 г., № 69 [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://rec.gov.by/sites/default/files/pdf/2019/post69.pdf>. – Дата доступа: 25.02.2020.

15. Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов об итогах выборов Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PRB-soob9.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

16. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. О. В. Пролесковского. – Минск, 2008. – 59 с.

17. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2010 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А. В. Гусева. – Минск: Белорус. Дом печати, 2011. – 85 с.

18. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2013 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. В. О. Дашкевича. – Минск: Белорус. Дом печати, 2014. – 181 с.

19. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2014 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск: Белорусский Дом печати, 2015. – 200 с.

20. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2015 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск, 2016. – 212 с.

21. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2016 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск, 2017. – 208 с.

22. *Евстафьев, В. А.* К вопросу о трансформациях механизмов политических коммуникаций молодёжи / В. А. Евстафьев, С. Н. Соколова // Вест. Полесского гос. ун-та. Сер. обществ. и гум. наук. – 2020. – № 1. – С. 84–93.

23. Наши СМИ [Электронный ресурс] // Общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи». – Режим доступа: <http://brsm.by/about/massmedia/>. – Дата доступа: 26.02.2021.

24. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск, 2018. – 180 с.

25. Какие радиостанции слушают беларусы: итоги исследования за осень 2017 года [Электронный ресурс] // marketing.by. – Режим доступа: <https://marketing.by/analitika/kakie-radiostantsiya-slushayut-belarusy-itogi-issledovaniya-za-osen-2017-goda/>. – Дата доступа: 25.02.2020.

26. Результаты исследования популярности радиостанций в Беларуси (январь-декабрь 2018 г.) [Электронный ресурс] // АМГ-Консалт. – Режим доступа: http://amg-consult.by/publication/radio_research/. – Дата доступа: 25.02.2020.

27. Результаты исследования популярности радиостанций в Беларуси (январь-июнь 2019 г.) [Электронный ресурс] // АМГ-Консалт. – Режим доступа: http://amg-consult.by/publication/radio_research_2019/. – Дата доступа: 25.02.2020.

28. Начал работу I съезд РОО «Белая Русь» [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/politics/119936.html>. – Дата доступа: 02.11.2019.

29. Члены провластной «Белой Руси» получили большинство мест в Палате представителей [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/politics/312360.html>. – Дата доступа: 02.11.2019.

30. Численность членов РОО «Белая Русь» превысила 50 тыс. человек [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/politics/105262.html>. – Дата доступа: 02.11.2019.

31. Общественная приёмная [Электронный ресурс] // РОО «Белая Русь». – Режим доступа: <https://belayarus.by/faq/>. – Дата доступа: 10.10.2020.

32. Республиканское общественное объединение «Белая Русь». Основные вехи развития [Электронный ресурс] // РОО «Белая Русь». – Режим доступа: <https://belayarus.by/about/istoriya/>. – Дата доступа: 10.10.2019.

33. Материалы II Съезда Республиканского общественного объединения «Белая Русь» / РОО «Белая Русь». – Минск, 2012. – 20 с.

34. Руководящие органы [Электронный ресурс] // РОО «Белая Русь». – Режим доступа: <https://belayarus.by/liders/>. – Дата доступа: 02.11.2019.

35. Архив аналитики [Электронный ресурс] // НИСЭПИ. – Режим доступа: <http://www.old.iiseps.org/arhiv.html>. – Дата доступа: 26.02.2021.

36. Результаты выборов Президента Республики Беларусь 9 сентября 2001 г. [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PRB2001-Results.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

37. *Абраменко, Е. Г.* Парламентаризм и профсоюзы в Республике Беларусь / Е. Г. Абраменко // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2008. – Вып. 20, № 2. – С. 4–7.

38. О результатах участия Федерации профсоюзов Беларуси в нормотворческой деятельности в 2018 г. [Электронный ресурс]: постановление Президиума Совета Федерации профсоюзов Беларуси, 29 мар. 2019 г., № 72 // Гродненская областная организация Белорусского профсоюза работников образования и науки. – Режим доступа: <http://www.profobr-grodno.by/images/2019/72.29.03.2019.pdf>. – Дата доступа: 02.11.2019.

39. *Котляров, И. В.* Социология политических партий / И. В. Котляров. – Минск: Беларуская навука, 2011. – 388 с.

40. Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Д. Г. Ротман [и др.]; под ред. Д. М. Булышко, Д. Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2019. – 191 с.

41. *Курьянович, А. В.* Выборы в Верховный Совет Республики Беларусь XIII созыва: ход и итоги / А. В. Курьянович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: в 2 ч. – 2015. – Вып. 15. – Ч. 1. – С. 88–96.

42. Первый секретарь ЦК КПБ назначен министром образования Беларуси [Электронный ресурс] // Коммунистическая партия Беларуси. – Режим доступа: <http://www.comparty.by/news/pervyy-sekretar-ck-kpb-naznachен-ministrom-obrazovaniya-belarusi>. – Дата доступа: 02.11.2019.

43. Список политических партий [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: <http://rec.gov.by/ru/spisok-politicheskikh-partiy>. – Дата доступа: 02.11.2019.

44. Николай Улахович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ulahovich.by/partiya/>. – Дата доступа: 25.02.2020.

45. *Волошин, Е.* Политика по-белорусски: В Минюсте зарегистрированы партий-фантомы? [Электронный ресурс] / Е. Волошин // Euroradio.fm. – Режим доступа: <https://euroradio.fm/ru/politika-po-belorusski-v-minyuste-zaregistrirrovany-partii-fantomy>. – Дата доступа: 25.02.2020.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Т. В. Лемешова

Республиканский институт высшей школы, г. Минск

T. Lemiashova

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 32:323.2

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

FORMATION OF THE CONCEPT OF CIVIL SOCIETY IN CLASSICAL POLITICAL THOUGHT

В статье отражены философские концепции гражданского общества эпох Античности, Средневековья, Нового времени. Анализируются концепции гражданского общества Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, А. Грамши.

Ключевые слова: гражданское общество; государство; демократия; политика; граждане; Античность; Средневековье; Новое время.

The article reflects the philosophical concepts of civil society of the epochs of antiquity, the Middle Ages, and Modern times. The author analyzes the concepts of civil society of T. Hobbes, J. Locke, I. Kant, G. Hegel, K. Marx, A. Gramsci.

Keywords: civil society; state; democracy; politics; citizens; antiquity; Middle Ages; Modern times.

В последней трети XX – начале XXI в. социально-политические и гуманитарные науки обращают пристальное внимание на феномен гражданского общества. Причины усиления данного интереса обусловлены исчезновением так называемых авторитарных политических режимов в странах социалистического лагеря, распадом Советского Союза, обретением независимости союзными республиками и связанными с этим актуальными задачами построения демократической политической системы и правового государства, что невозможно без развитого гражданского общества.

Обращаясь к определению данного понятия, необходимо отметить, что в современной политической науке отсутствует единство в понимании гражданского общества. Для того чтобы сформулировать четкое и ясное понимание данного термина, необходимо обратиться к истории формирования самого феномена гражданского общества, что позволит проследить динамику и уровень взаимоотношений между государством, с одной стороны, и интересами и потребностями конкретных индивидов и социальных групп, т. е. гражданским обществом, – с другой.

Следует отметить, что практически невозможно говорить о гражданском обществе в древних античных деспотиях, например, в Древнем Египте или Вавилоне. Для появления гражданского общества особенно его политических институтов значимыми являются процессы демократизации и секуляризации политической и социальной сферы, просвещение, развитие науки и образования, формирование независимой от государства общественной сферы, которая представлена конфликтом и конкуренцией интересов различных социальных и политических групп.

В исследованиях, посвященных теории и истории становления гражданского общества, можно выделить два подхода. Первый подход связывает появление гражданского общества с возникновением государства, в современном его понимании, и демократических свобод. Исторический период возникновения – XVII–XVIII вв. Второй подход рассматривает гражданское общество как сферу внегосударственных отношений, которые возникают уже в античности, в частности, в Древней Греции и Риме. Так, А. К. Бектанова в статье «Возникновение и развитие идеи гражданского общества в античной философии» полагает, что «*politike koinonia* Аристотеля и *societas civilis* Цицерона – это своеобразные историко-философские прообразы гражданского общества» [1, с. 45]. К. С. Гаджиев отмечает, что древнегреческие философы, рассматривая взаимодействие государства и индивидов, главенство отдают государству. Этот период в первую очередь связан с концепцией идеального общества. В целом, как отмечает К. С. Гаджиев, «гражданское общество (*koinoia politike*, *societas civilis*, *bürgerliche Gesellschaft*, *societe civile*) и политическое или государство (*polis*, *civitas*, *Staat*, *stale*, *etat*, *stato*) представляли собой по сути дела взаимозаменяемые термины» [2, с. 33].

Античность и средневековье в полной мере можно назвать эпохами, где интересы различных социальных групп конкурировали между собой, входили

в противоречие или, наоборот, приходили ко временному единству. Античность и Средние века в Европе – эпохи, в которые гражданское общество не просто существовало, но находилось на очень высоком уровне самоорганизации и развития. Но ни античная политическая мысль, ни средневековая не занималась тем, что можно назвать философской рефлексией, философским осмыслением феномена гражданского общества. Российский исследователь Г. М. Тушина с целью обнаружения признаков гражданского общества в средневековой Европе обращается к анализу статуты Марселя, Арля, Авиньона и Ниццы. Исследователь отмечает, что «неотъемлемым элементом коммунальной власти при консульском режиме являлись советы. Среди трех типов городских советов – курии (суд и правительство), парламента (всенародное собрание) и консилиума (совет избранных) именно последнему принадлежала роль главного консультативного органа» [3, с. 126]. В обязательном порядке с консилиумом согласовывали вопросы войны и мира, законов и налогов. Статуты не только предписывали гражданам определенные нормы поведения, но и разъяняли права граждан, в частности право на защиту личности и имущества. По сути, гражданское общество по статутам сводится к правилам хорошей жизни: умеренность и разумность, порядок и мир, польза и удобство.

В Новое время концепции идеального государства сменились этатистскими, утверждающими доминирование государства над гражданским обществом.

Основой общества и государства в философии Т. Гоббса являются эгоизм, свойственный людям, и договорное возникновение государства. Эгоизм и злоба, согласно английскому мыслителю, составляли суть догосударственного состояния людей. Ограниченное количество ресурсов и стремление каждого к удовлетворению своих интересов приводит к «войне всех против всех». Это состояние, в котором человек подвергается постоянной опасности насильственной смерти. Выходом из сложившегося положения являются «естественные законы». По Гоббсу, «естественный закон – есть требование истинного разума относительно того, что следует и чего не следует делать ради возможно более продолжительного сохранения жизни и телесного здоровья» [4, с. 294].

Указывая на главенство частного интереса, Гоббс признает необходимость государства, как власти, которая заставляет соблюдать законы. Государство возникает в результате договора, который подданные заключают между собой, и обязаны выполнять: «Вне государства у каждого есть право на все, но он не может воспользоваться ничем; в государстве же каждый спокойно пользуется ограниченным правом» [4, с. 374]. Соблюдение договоренностей понимается как справедливость, несоблюдение – несправедливость. Подданные наделяют властными полномочиями правителя, который не участвует в заключении договора и стоит над справедливостью. Поэтому у Гоббса первоначально гражданское общество и государство разводятся и противопоставляются. Однако затем, когда, согласно английскому мыслителю, человечество заключает общественный договор и переходит на государственную стадию развития, государство и гражданское общество фактически сливаются. А отличительной чертой возникающего государства является абсолютизм, где суверен стоит над законом.

Дж. Локк предлагает классический вариант либеральной модели гражданского общества и рассматривает естественное состояние равенства как основу возникновения государства и общества. В отличие от идеи Т. Гоббса о договорном переходе к государственному состоянию, Дж. Локк отмечает, что разум

заставляет людей искать наиболее подходящие способы защиты естественных прав. Человечество неизбежно переходит к гражданскому состоянию, основанному на признании правовых и политических ограничений естественной свободы: «Цель гражданского общества состоит в том, чтобы избежать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле» [5, с. 342]. Человек «надевает на себя узы гражданского общества... для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользоваться своей собственностью и находиться в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества» [5, с. 311].

Необходимо отметить, что Дж. Локк не разделяет понятия государства и гражданского общества, которые являются вторичными по отношению к понятию личности. Личность, руководимая разумом, приходит к пониманию гражданского состояния как наилучшего.

И. Кант, в отличие от сложившейся ранее традиции, различает понятия государства и гражданского общества. В работе «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”» 1793 г. немецкий философ характеризует гражданское состояние как правовое и основанное «на следующих априорных принципах: 1) свободе каждого члена общества как человека; 2) равенстве его с каждым другим как подданного; 3) самостоятельности каждого члена общности как гражданина» [6, с. 79]. Необходимо отметить, что эти принципы, согласно Канту, не являются законами государства, а представляют собой принципы человеческого права, исходящие из чистого разума.

Специфической чертой интерпретации понятия гражданского общества И. Канта является применение его не к отдельным государствам или народам, а ко всему человечеству: «Только в обществе, и именно в таком, в котором членам его предоставляется величайшая свобода, а стало быть, существует полный антагонизм и, тем не менее, самое точное определение и обеспечение свободы ради совместности ее со свободой других, – только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы, развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве; при этом природа желает, чтобы эту цель, как и все доверенные ему цели, оно само осуществило» [7, с. 187].

В работе «Метафизика нравов в двух частях» 1797 г. И. Кант раскрывает содержание понятия государства: «Государство (*civitas*) – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам» [8, с. 233]. Государственному состоянию предшествует неправовое, естественное состояние, в котором каждый поступает соответственно своей воле. Государство возникает в результате общественного договора: «Акт, через который народ сам конституируется в государство – ... это первоначальный договор, согласно которому все (*omnes et singuli*) в составе народа отказываются от своей внешней свободы, с тем чтобы снова тотчас же принять эту свободу как члены общности, т. е. народа, рассматриваемого как государство (*universi*)» [8, с. 235].

Таким образом, можно отметить, что для И. Канта гражданское общество призвано максимально реализовать свободу каждого члена общества при условии свободы остальных. Государство в этой ситуации выступает гарантом свободы личности, способствуя достижению всеобщей свободы. Всеобщая свобода есть не что иное, как цель природы в отношении всего человечества. Идеи немецкого мыслителя о всемирном правовом государстве сегодня считаются клас-

сикой либеральной мысли с ее приоритетом прав человека, развитого гражданского общества, стоящего на защите прав свобод гражданина.

Г. Гегель представляет гражданское общество как стадию в диалектическом развитии от семьи к государству: «Государство есть вообще первое, внутри которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства распадается на эти два момента» [9, с. 278]. Немецкий мыслитель рассматривает гражданское общество как автономный феномен, состоящий из частных лиц, классов, групп и институтов, взаимодействие которых регулируется гражданским правом и которые непосредственно не зависят от государства. Развитие гражданского общества основано на эгоистическом противостоянии индивидов, чьи частные интересы несопоставимы, неустойчивы и конфликтны. Чрезмерное развитие одних сторон гражданского общества может привести к подавлению других. Это может привести к тому, что гражданское общество перестанет быть гражданским. Поэтому гражданское общество нуждается во внешнем управлении, которое, полагает Гегель, должно осуществлять государство. Государство представляет собой нравственную идею и высшую форму организации общественной жизни. Таким образом, можно отметить, что Г. Гегель противопоставляет понятия «государство» и «гражданское общество» по происхождению и социальному наполнению и признает необходимость и первичность существования государства для существования гражданского общества.

К. Маркс выводит характер отношений в гражданском обществе из исторически конкретных общественно-экономических формаций. Данные отношения напрямую определяются спецификой способа производства, уровнем развития производительных сил и доминирующими производственными отношениями: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов – словом определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» [10, с. 402]. Данное обстоятельство указывает на первичность гражданского общества по отношению к государству. Однако К. Маркс обращает внимание на возможность государственной власти развиться до такой степени самостоятельности и силы, что гражданское общество потеряет все свои свободы.

Стремясь к бесклассовому обществу, немецкий мыслитель неоднократно высказывал идеи об «отмирании» государства. В «Наброске плана работы о современном государстве» 1844 г. К. Маркс последним пунктом фиксирует «борьбу за уничтожение [Aufhebung] государства и гражданского общества» [11, с. 227]. Марксово понимание гражданского общества фиксирует его определяющее значение для государства. Однако и государство, и гражданское общество прекратят свое существование в результате социальной революции и установления бесклассового общества.

Итальянский неомарксист А. Грамши, критикуя классический марксизм за экономоцентризм и недооценку социальной сферы, рассматривает гражданское общество как сферу культуры, а не экономики: «Между экономическим базисом и государством с его законодательством и его аппаратом принуждения находится гражданское общество» [12]. Гражданское общество, включающее социально-политические и культурные институты, – это механизм гегемонии

господствующего класса. Государство (политическое общество) – это механизм принуждения. Гражданское общество действует неформально и опирается на моральный авторитет. Государство опирается на силу закона. Грамши подчеркивает не только взаимодействие государства и гражданского общества, но их взаимопроникновение.

Подводя итог, можно отметить, что гражданское общество как феномен общественной жизни появляется в античности. Как объект научного исследования концепт гражданского общества формируется в философии Нового времени. Основные идеи современных концепций гражданского общества заложены в работах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегеля, К. Маркса и др. Однако современное гражданское общество развивается в принципиально новых условиях, которые все чаще связывают с кризисом демократии, что требует новых междисциплинарных подходов в осмыслении данного феномена.

Список использованных источников

1. Бектанова, А. К. Возникновение и развитие идеи гражданского общества в античной философии / А. К. Бектанова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Т. 6, № 3А. – С. 39–47.
2. Гаджиев, К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 19–35.
3. Тушина, Г. М. Черты гражданского общества в средневековом европейском городе / Г. М. Тушина // Вопросы истории. – 1999. – № 6. – С. 125–135.
4. Гоббс, Т. Основ философии. Часть третья. О гражданине / Т. Гоббс // Сочинения: в 2 т. – М., 1989–1991. – Т. 1. – С. 270–507.
5. Локк, Дж. Сочинения: в 3 т. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с.
6. Кант, И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» / И. Кант // Сочинения в 6 т. – М.: Мысль, 1963–1966. – Т. 4, Ч. 2. – С. 59–105.
7. Кант, И. О вопросе, предложенном на премию Королевской берлинской академии наук в 1791 году: какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? / И. Кант // Сочинения в 6 т. – М.: Мысль, 1963–1966. – Т. 6. – С. 177–255.
8. Кант, И. Метафизика нравов в двух частях / И. Кант // Сочинения в 6 томах – М.: Мысль, 1963 – 1966. – Т. 4, Ч. 2. – С. 107–438.
9. Гегель, Г. Ф. В. Философия права / Г. Ф. В. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
10. Маркс, К. Письмо к П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955–1981. – Т. 27. – С. 401–412.
11. Маркс, К. «Набросок плана работы о современном государстве» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955–1981. – Т. 42. – С. 227.
12. Грамши, А. Номо есономісус [Электронный ресурс] / А. Грамши, Д. Лукач // Наука политики. Как управлять народом. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=78280&p=30#gl_19. – Дата доступа: 23.11.2019.

(Дата подачи: 23.02.2021 г.)

Н. В. Ляхович-Петракова
Белорусский государственный университет, Минск

N. Liachovitch-Petrakova
Belorussian State University, Minsk

УДК 159.9.072.5

ОПЕРАЦИОННОЕ КОДИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

OPERATIONAL CODING AS A RESEARCH METHOD OF POLITICAL PSYCHOLOGY

В работе рассматривается операционное кодирование как метод политико-психологического исследования. На основании анализа истории возникновения и развития метода, раскрывается его объяснительный потенциал для интерпретации поведения политического лидера. Выявлены и обоснованы методологические ограничения, связанные со спецификой эволюции методологии операционного кодирования в направлении точного метода, используемого на дистанции.

Ключевые слова: политическая психология; политическое лидерство; операционный код; методы политологии.

The paper considers operational coding as a method of political and psychological research. Based on the analysis of the history of the emergence and development of the method, its explanatory potential for interpreting the behavior of a political leader is revealed. And also the methodological limitations of the method associated with the specifics of the evolution of the operational coding methodology towards the exact method used at a distance are identified and substantiated.

Keywords: political psychology; political leadership; operational code; methods of political science.

Вопрос о влиянии личностных особенностей политического лидера на ход политических процессов, принятие политических решений, разрешение конфликтных ситуаций всегда был и остается ключевым для политической психологии. Спецификой психологии является то, что она имеет дело с личностью, рассматривая ее в комплексе рациональных, аффективных, поведенческих проявлений. В политической науке, напротив, большее значение имеют прогностические и объяснительные возможности метода.

Из-за специфики политической сферы исследователь, в большинстве случаев, не имеет возможности вступить в личный контакт с политиком и, эмпатически откликнувшись, прояснить его мотивы. Развитие политических исследований на протяжении XX века проходило в направлении все большей операционализации методологии исследования. Развитие статистических методов и компьютерной обработки данных давали возможность все более масштабного анализа политических процессов. Широкое распространение получили стандартизированные методики исследования личности лидера: контент-анализ, когнитивное картирование, оценка когнитивной сложности. Однако личностная составляющая не перестает влиять на принятие решений. Более того, когда внимание концентрируется исключительно на рациональных факторах, эмоциональная составляющая, бессознательные мотивы становятся все более

сильным теневым, в психологическом смысле, фактором политического поведения. Который может захватывать политических деятелей, становясь определяющим. Таким образом, важной задачей исследования становится выявление внутренних психологических динамик политика. И адаптации для этих целей инструментария политической психологии.

Пионером исследования операционных кодов является Натан Лейтес. Социальный контекст исследований Лейтеса выглядит достаточно символично. В начале 1950 гг. XX века исследователь сотрудничал с RAND Corporation. Это было время начала холодной войны. Взаимопонимание между сторонами противостояния было затруднено, в том числе из-за того, что они плохо понимали **мотивы** друг друга. Ученый поставил цель объяснить поведение советской стороны во время переговоров (soviet bargaining behavior) [1]. Идея состояла в том, чтобы раскрыть убеждения, на которых основывались стратегия и тактика политических действий «большевиков» внутри страны и за ее пределами.

Исследование Лейтеса – это исследование на дистанции. Но целью его был не анализ идеологем (как это принято в политологии), а понимание большевиков: их смыслов, убеждений, касавшихся власти, определявших их поведение. [2] Для этой цели Лейтес ввел понятие «операционный код»: «набор убеждений, которые влияют на восприятие лидером политических событий», которые в свою очередь определяют проводимые им стратегию и тактику. «Правила, в которые политик верит, как необходимые для эффективного политического поведения» [3, р. 33]. Операционный код, отмечал Лейтес, определяется сочетанием когнитивных эвристик и характерологических личностных черт, которые оказывают влияние на принятие решений.

Результаты исследования Лейтеса отражены в двух книгах: «Операционный код политбюро» (1951) [3], «Исследование большевизма» (1953) [4]. Содержание работ отражает ход мысли исследователя. Первая книга – это исследование основных положений идеологии большевиков, ее систематизация по основным пунктам. Достаточно показательны названия глав, отражающие картину мира большевиков: Из прошлого в будущее, Средства и цели, Контроль чувств, Эффективное действие, Страх аннигиляции. Картина мира большевиков определяла их стратегию действий.

Более поздняя работа Лейтеса «Исследование большевизма» [4] расширяет контекст, добавляя психоаналитическую и психокультурную составляющие. Лейтес показал как мировосприятие большевиков формировалось на основе идей русской культуры, событий становления советского государства и его лидеров. Лейтес раскрывает связь организационных, психологических, политических аспектов, показывая как сознательное содержание, так и бессознательные основы доктрины большевиков, таким образом, описывая большевистский характер.

Проводя аналогию с исследованием личности, можно назвать работу Лейтеса попыткой ментализации, позволяющей лучше понять мотивы большевиков. «Ментализация подразумевает фокусирование на психических состояниях, своих и чужих, в особенности при объяснении поведения», при ментализации «нам приходится представлять то, что думает и чувствует другой человек» [5, с.12]. Доступ к пониманию мыслей и чувств в убеждениях политиков Лейтес выявлял, находя устойчиво повторяющиеся темы в русской литературе и сочинениях Ленина и Сталина. В результате Лейтес создал убедительный образ «большеви-

ского восприятия» реальности, определяющего поведение лидеров. Важным элементом стала психоаналитическая составляющая, показывавшая мотивационные основания советских лидеров: их «world-view» and «response repertoire» [6, p. 403].

Подчеркнем, что Лейтес не ограничивал исследование убеждений вопроса-ми, касающимися политической картины мира, а анализировал глубинные основания миропонимания большевиков, оказывающие влияние на политические действия. К сожалению, исследователь не предложил четкой методологии создания операционного кода. Понимание Лейтесом большевиков было объемным, но сложным для воспроизведения. Наибольшие затруднения у последователей вызывал психоаналитический аспект. Так Джордж отмечал, что «сложность работы Лейтеса обогащала ее как интеллектуальный вызов, но делала ее достаточно сложной для читателя в понимании структуры и модели исследований» [7, p. 2]. Если перефразировать Джорджа: ему был виден результат работы Лейтеса, но непонятно, как Лейтес это сделал.

Эта особенность исследования операционного кода положила начало двусмысленностям в развитии метода. С одной стороны, понятие «операционный код» создавало ожидание четкости, возможности стандартизации, легкости в применении для классификации и прогноза. По этому пути пошли большинство исследователей. С другой стороны цель исследований все же состояла в понимании оснований поведения личности. Прием операционного кодирования стал применяться не только для анализа поведения социальных групп, но и отдельных личностей.

Попыткой стандартизировать формализовать процедуру операционного кодирования стали работы Джорджа [7]. Он понимал операционный код как «убеждения политического лидера о природе политики, политическом конфликте, его взгляды на то в какой степени историческое развитие может быть сформировано и представления о корректной стратегии и тактике» [7, p. 193].

Джордж сформулировал 10 четких вопросов, проясняющих рациональную часть убеждений: 5 философских и 5 инструментальных [7].

Философские вопросы раскрывают то, как политик диагностирует ситуацию:

1. В чем «сущность» политической жизни? Суть политики – это гармония или конфликт? Каков фундаментальный характер политических оппонентов?
2. Каковы перспективы реализации основных политических ценностей и чаяний: оптимистичны, пессимистичны или то и другое?
3. Предсказуемо ли политическое будущее? В каком смысле и в какой степени?
4. Насколько можно «контролировать» или «господствовать» над ходом истории? Каково влияние человека в развитие истории в желаемом направлении?
5. Какую роль играет «случай» в делах человечества и в истории?

Инструментальные вопросы нацелены и отражают восприятие актором ответов:

1. Каков наилучший подход к выбору целей или задач политического действия?
2. Как наиболее эффективно достигаются цели действий?
3. Как рассчитываются, контролируются и принимаются риски политических действий?

4. Каков наилучший «выбор времени» для действий для продвижения своих интересов?

5. Какова польза и роль различных средств для продвижения своих интересов?

В отличие от Лейтеса, Джордж не рассматривал факторы, не касающиеся политики. И таким образом, закрыл поле для психоаналитических интерпретаций, поиска глубинных оснований поведения. Если рассматривать стратегию Джорджа в рамках метафоры психологической консультации, то это была попытка конфронтировать, задавая конкретные вопросы, и, таким образом, провозгласить использование рационализаций. Джордж сконцентрировался на когнитивном аспекте. Аффективной, образной составляющим не было места в модели Джорджа. Таким образом, он перевел акцент с внутренних смыслов политика, которые интересовали Лейтеса, на рациональные убеждения. В отличие от Лейтеса, для которого было важно понять мотивы, Джордж акцентировал внимание на том, что его ограничивает, не дает выйти за рамки, провозглашенных убеждений.

Подход Джорджа упростил процедуру операционного кодирования, но при этом снизил его объяснительный потенциал. Если при использовании метода Лейтеса становились понятны мотивы человека – они были живыми, вытекали из предыдущего жизненного/исторического опыта, динамично развивались. То, следуя схеме Джорджа, исследователи скорее систематизировали информацию о взглядах политика, используя вопросы, сформулированные Джорджем.

Методика Джорджа была четкой, понятной и долгое время служила основой для сбора материала при формировании операционных кодов. Исследователи исходили из того, что «Система убеждений (политика) воплощается (embodied) в операционном коде». Можно говорить о существовании непротиворечивой «системы убеждений» [8, p. 100], в которой индивидуальные убеждения объединены «функциональной взаимозависимостью» [8, p.100]. Эта система «в числе других факторов» формирует поведение политика.

В результате упрощения процедуры появилось много исследований операционного кода конкретных лидеров. К их числу можно отнести исследование Макклианом Д. Аченсоном [9], Л. Джонсоном сенатора Керха [10], О. Холсти, Дж. Даллеса [11], Волкером Г. Киссенджером [12] и др. Исследовали европейских политиков Курта Шумахера и Вилли Брандта [13].

Накопление эмпирического материала позволило увидеть, что коды нестабильны, содержание кода меняется и встал вопрос о причинах таких изменений. Так Джонсон [10, p. 89] изучал, как на изменения операционного кода влияют обстоятельства и изменения окружения. Стивен Волкер исследовал изменение операционного кода Джимми Картера во время войны во Вьетнаме [12]. Исследователи продолжали логику, сформулированную Джорджем: поиск четких формальных критериев, позволяющих как охарактеризовать операционные коды, так и определить факторы их изменения.

Очевидно, что система убеждений не является статичным конструктом. Попытки формализации обогатили направление фактическим материалом. Практически все они основывались на исследовании речей и вербальных материалов политиков. Но, ставя целью кодировать, он мало привнесли в понимание политика как личности.

Показательны исследования О. Холсти (1977), который создал еще более формализованную инструкцию операционного кодирования. Она продолжала

логику Джорджа: «поведение лица принимающего решения ограничивается системой убеждений» [14, p. 77], но была дополнена критерием названным «паттерн когнитивной согласованности»: взаимосвязанные убеждения влияют на принятие решений, ограничивая диапазон альтернативных вариантов и усиливая друг друга. Исследуя ответы на 1 и 4 философские вопросы о понимании (временный или постоянный), природы и источников (личность, общество, международная система), Холсти выделил шесть типов операционного кода, обозначив их буквами (A, B, C, D, E, F) и, соответственно, шесть типов лидерства, для каждого из которых была характерна своя система непротиворечивых предпочтений.

Непротиворечивость стала критерием правильности. Это позволило создать еще более формализованные количественные методики, основанные на контент анализе. Такие как (VICs) “Verbs in Context System”, предложенная Волкером, Шафером и Янгом [1]. Методика VICs основывалась на анализе глаголов в публичных высказываниях лидера. Для каждого вопроса (заимствованного у Джорджа) были разработаны индексы характеризующие силу связи между глаголами, выражающие количество атрибуций, которые спикер присваивает себе или другим. И таким образом позволявшие делать выводы об отношении политика к себе, к власти и другим людям. Появилась возможность сравнить мировых лидеров [1].

Однако квантификация не отменила факта специфичности и изменчивости кода в отношении определенных ситуаций. Напротив, все чаще в операционных кодах обнаруживались факты их изменения во времени либо противоречия. Так исследования операционного кода президента США Джимми Картера показали, что его понимание СССР стало более конфликтным после вторжения в Афганистан. В то время, как его взгляд на другие вопросы (например, права человека) оставался стабильным. Похожая ситуация была описана в исследовании Робинсона и Реншона применительно к взглядам Дж. Буша младшего после событий 11 сентября 2001 года [15]. Исследователи приходят к выводу, что внешние шоки постоянно меняют операционный код [15]. Так Стюарт и Старр, изучая речи Далласа, Кеннеди и Киссенджера, обнаружили в выступлениях политиков противоречия, позволяющие их отнести одновременно к нескольким типам кодов [16].

Таким образом, операционное кодирование помогало классифицировать лидеров, но как инструмент понимания мотивов поведения становилось все более сомнительным и менее полезным для прогнозирования поведения лидера в сложных непредсказуемых стрессовых ситуациях, где на эту методологию особенно хотелось бы рассчитывать [15].

Формализация методики операционного кодирования расширяла возможности исследований на дистанции, создавая формальные индикаторы, позволявшие классифицировать политиков. Но уменьшала возможность понимания политика. Операционный код в базовой трактовке Лейтеса задумывался не столько как стабильный «набор убеждений», сколько как набор смыслов, определяющих поведение. Н. Лейтес, предлагая идею операционного кодирования, учитывал две составляющие: когнитивные эвристики и характерологические личностные черты. Ограничившись исследованием когнитивных эвристик, последователи снизили объяснительный потенциал метода. Психоаналитический подход раскрывал внутреннюю психологическую динамику политика, что позволяло найти логику в иногда резких, но как правило, понятных и предсказуемых с точки

зрения этой динамики, изменениях взглядов (а вместе с ними и стратегий поведения).

Внутренний мир личности может быть сложным и противоречивым. Но именно понимание этой противоречивости позволяет понять человека. Неосознаваемые внутренние противоречия очень часто оказываются более сильными факторами поведения, чем непротиворечивые последовательно формулируемые убеждения. Процесс формализации кодов лишил исследователей инструмента понимания политика в противоречивой для него ситуации, когда начинают проявляться менее определенные и более сложные мотивы. На основании формализованного операционного кода можно понять и предсказать логичные поступки, но сложно предположить, что сделает лидера нелогичным.

Для целей понимания личностной сложности более рабочей представляется психоаналитическая составляющая, разработанная Н. Лейтесом. Н. Лейтес в своих работах апеллировал не к словам, а к образам из литературы и работ политиков. Специфика образов состоит в том, что они несут не только когнитивную информацию, но являются эмоционально заряженными, формулируют не однозначный посыл, а задают контекст и создают нарратив, в рамках которого существует политик, и через призму которого он реагирует на внешние стимулы.

Первая попытка применения операционного кодирования была связана с анализом людей другой культуры, плохо понятных автору. И в этом направлении формальные методы кодирования безусловно позволяют решить проблемы, связанные с недостатком информации, интерпретацией ценностей и смыслов, движущих субъектами политики. Так, они хорошо применяются для анализа поведения членов террористических организаций, поведения субъектов политики с высокой культурно-цивилизационной разницей. Однако для анализа поведения конкретных политиков формальное когнитивное картирование должно быть дополнено психоаналитической методикой. На основании которой можно создать «более полную, реалистическую модель, включающую эмоциональную сторону человеческих суждений» [17, р. 3]. Работы Н. Лейтеса являются хорошей методологической основой для решения этой задачи. Но сама методика анализа еще нуждается в разработке.

Список использованных источников

1. *Keck, M.* The Operational Code of Nikita Khrushchev Before and After the Cuban Missile Crisis / M. Keck. – Tex.: Midwestern State University, Wichita Falls. – 2003. – 102 p.
2. *Вещеникин, С. Н.* Исследование системы убеждений политика методом операционного кодирования / С. Н. Вещеникин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология сер. 12. – 2011 вып 4. – С. 304–308
3. *Leites, N.* The Operational Code of the Politburo / N. Leites. – New York: McGraw-Hill. – 1951. – 300 p.
4. *Leites, N.* Studies of bolshevism / Leites N. – ILLINOIS: THE FREE PRESS, PUBLISHERS, GLENCOE, 1953. – 277 p.
5. *Бейтман, Э. У.* Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию / Э. У. Бейтман, П. Фонаги. – М.: «Институт общегуманитарных исследований», 2014. – 248 с.
6. *Walker, S. G.* The Evolution of Operational Code Analysis / S. G. Walker // Political Psychology. – 1990 – Vol. 11. – No. 2. – P. 403–418.

7. *George, A.* The operational code: A neglected approach to the study of political leaders and decision-making / A. George // *International Studies Quarterly* – 1969 – № 25. – P. 190–222.

8. *George, A.* The causal nexus between cognitive beliefs and decision-making behavior: The ‘operational code’ / A. George // *Psychological Models in International Politics*. – Boulder: Westview, 1979. – P. 95–124.

9. *McLellan, D.* The Operational code approach to the study of political leaders: Dean Acheson’s philosophical and instrumental beliefs / D. McLellan // *Canada journal of political science*. – 1971. – P. 52–75.

10. *Johnson, L.* Operational codes and the prediction of leadership behavior: Senator Frank Church midcareer/ L. Johnson // *A Psychological Examination of Political Leaders*. – New York: Free Press. – 1977.

11. *Holsti, O.* The Operational code approach to the study of political leaders: John Foster Dulles philosophical and instrumental beliefs. / O. Holsti // *Canada journal of political science* – 1970. – № 3. – P. 123–157.

12. *Walker, S.* The interface between beliefs and behavior: Henry Kissinger’s operational code and the Vietnam War / S. Walker // *Journal Conflict Resolution*. – 1977. – № 21. – P. 129–168.

13. *Asbhy, N.* Schumacher and Brandt: The divergent operational codes of two German Socialist leaders / N. Asbhy // *Stanford University mimeo* (1969).

14. *Holsti, O.* The operational code as an approach to the analysis of belief systems / O. Holsti // *Final Report to the National Science Foundation, Grant SOC 75-15368*. – Duke University Durham: New C. – 1977. – 123 p.

15. *George, W.* Explaining State Crisis Behavior Using the Operational Code / W. George. – University of Central Florida, 2011. – 104 p.

16. *Stuart, D.* The inherent bad faith model reconsidered: Dulles, Kennedy, and Kissinger / D. Stuart, H. Starr // *Political Psychology* – 1981/82. – № 3. – P. 1–33.

17. *Marcus, G. E.* Affective Intelligence and Political Judgment / G. E. Markus, R. Neuman, M. Mackuen. – University of Chicago press: Chicago, 2000. – 193 p.

(Дата подачи: 23.02.2021 г.)

H. H. Малишевский

Республиканский институт высшей школы, Минск

N. N. Maliszewski

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321.02

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

POLITICAL TECHNOLOGY: DEFINITION AND CLASSIFICATION

В статье рассматривается проблематика современных политических технологий. Проведенный автором анализ позволил разделить господствующие в обществе технологии человеческой деятельности по отношению к знаниям и обладанию ими на производственные технологии изменения и преобразования «неживой» материи (High-Tech технологии) и управленческие технологии, связанные с форматированием «живой» материи

и, прежде всего, человеческого сознания – коллективного и индивидуального (*High-Hume* технологии), а также дать определение политическим технологиям и классифицировать их.

Ключевые слова: технологии человеческой деятельности; политические технологии; информация; производственные технологии; управленческие технологии; НБИК-технологии; конвергентные технологии; High-Tech технологии; High-Hume технологии; информационные технологии; аналитика; прогнозирование; манипулирование; контроль; «чистка мозгов»; политические PR-технологии; политические психотехнологии.

The problems of political technologies are discussed in the article. The analysis carried out by the author made it possible to divide the technologies of human activity prevailing in society in relation to knowledge and their possession into production technologies for changing and transforming “inanimate” matter (High-Tech technologies) and management technologies associated with the formatting of “living” matter and, above all, human consciousness – collective and individual (High-Hume technologies), as well as define and classify political technologies.

Keywords: political technology; information; brain-washing; High-Tech technology; High-Hume technology; Public Relations; production technologies; management technologies; analytics; forecasting; information technology; manipulation; control; political psychotechnology.

Проблема политических технологий, рассматриваемых сквозь призму методов ведения политической борьбы в демократических государствах, впервые в Новое время стала предметом анализа у европейского создателя теории неизбежности наступления демократии Алексиса де Токвиля [1]. Особое внимание уделил данной теме и современный американский политолог Майкл Паренти [2]. В работах этих авторов заложены основы исследования технологий политической борьбы (в широком смысле), которые используются (в узком смысле), в том числе и в выборных кампаниях типа плебисцитов (античные голосования на форумах и средневековые на сеймах, славянские вече, собственно референдумы и избирательные кампании в современном смысле слова).

В наше время тема политических технологий, порой отождествляемых на Западе с «эвфемизмом, обычно используемым в постсоветских республиках для обозначения того, что сейчас является высокоразвитой индустрией политических манипуляций» [14], исследуется в рамках политического маркетинга. Данная научная дисциплина, возникшая в США, стала теоретическим основанием прежде всего для разработок новых технологий избирательных кампаний. Это несколько заузило трактовку и рамки применения политических технологий, сводя их к методам и приемам, используемым в основном во время конкретных политических кампаний и плебисцитов. В более широком плане и трактовке свой вклад в понимание социокультурного контекста возникновения и развития современных политических технологий и механизма их действия внесли работы семиолога Р. Барта [3], социологов Ж. Бодрийяра [4], П. Бурдьё [5], Ж.-Ф. Лиотара [6], П. Лазарсфельда [7], А. Маслоу [8].

К сожалению, в настоящее время фактически отсутствуют исследования, обобщающие особенности политических технологий применительно к реалиям современных политических процессов. Как следствие, даже само понятие «политические технологии» в русскоязычных публикациях весьма размыто и неопределенно, а «термин, столь часто употребляемый политическими консультантами и политиками всех уровней, еще не получил достаточной разработки

ни в рамках политологии, ни в рамках политического менеджмента» [9, с. 58] и зачастую его содержание неоправданно сужается и сводится только к избирательным технологиям. Все это делает проблему политических технологий актуальной и требующей дальнейших исследований.

Возникает необходимость дать определение феномену политических технологий как чему-то целому, что является как теоретически, так и практически актуальной задачей, поскольку они занимают исключительно важное место не только в избирательных кампаниях и политическом процессе, но и в современном процессе глобализации, главное в котором – это изменение предмета труда. Человек всегда обеспечивал свое существование, изменяя своим трудом природу. Технологии совершили революцию в этой сфере. Сегодня преобразование «неживой» материи и окружающей среды, которым занималось человечество с момента своего появления, стало менее прибыльным. Его место все активнее занимает более эффективное в коммерческом плане преобразование «живой» материи. И, прежде всего, – преобразование человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

Термин «технология» пришел в политику из производства (от греч. *techné* – искусство, мастерство, умение; *logos* – понятие, знание). Этот термин описывает способы, с помощью которых человек воздействует на объекты материального мира с целью изменения их качеств и придания им других свойств. Необходимо отметить, что технологическое знание по своей сути ориентировано не на объяснение происходящих событий и явлений, а на обоснование и развитие способов и методов достижения поставленных целей [10, с. 140]. В целом, по отношению к знаниям и обладанию ими, господствующие в обществе технологии человеческой деятельности можно разделить на:

1) **ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ** технологии изменения и преобразования «не живой» материи (**High-Tech**).

2) **УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ** технологии, связанные с форматированием «живой» материи и, прежде всего, человеческого сознания – коллективного и индивидуального (**High-Hume**).

Собственно политическими технологиями в настоящее время являются технологии преобразования социума и каждого его элемента, то есть самих людей. В самом общем виде политические технологии определяют как «совокупность способов, методов и процедур воздействия на массы людей с целью придания их политическому поведению характера, благоприятного для достижения определенных политических или управленческих целей» [10, с. 140]. По аналогии с наиболее «продвинутыми» производственными технологиями High-Tech их можно назвать **конвергентными High-Hume технологиями**. Или **нано-био-инфо-когнитивными технологиями (НБИК)**.

Из четырех разновидностей конвергентных High-Hume-технологий наиболее тесно связаны с политической сферой информационные технологии. Среди них можно выделить:

1) политические технологии, связанные с обработкой информации с целью превращения ее в инструмент управляющего воздействия (аналитика и прогнозирование);

2) политические технологии (иногда также PR-технологиями), связанные с использованием информации как инструмента управляющего воздействия (манипулирование и контроль).

В широком смысле – это практически любые приемы воздействия на сознание и подсознание с целью получения нужного результата (вплоть до прямой фальсификации этого результата). В узком смысле – это (если оттолкнуться от трактовки именующих себя «пиарщиками» западных политтехнологов, работавших в Восточной Европе [11, с. 269]), отождествляемая с PR-практикой совокупность методов и приемов управления восприятием в каждой из трех информационных сред человека, существующих одновременно и параллельно друг другу (реальной, символической и виртуальной).

В плане хронологического становления и формирования, а также внутренней специфики (в меньшей мере, так как здесь грани зачастую весьма условны), политические технологии, связанные с использованием информации как инструмента управляющего воздействия, можно разделить на:

1. Политические PR-технологии. Появились в начале XX века и формировались в ходе Первой мировой войны и первой половины столетия.

2. Политические психотехнологии. Появились в середине XX века и формировались в ходе Второй мировой / «Холодной» войн и второй половины столетия. И те, и другие являются конвергентными управленческими технологиями. Ранее подобные технологии преобразовывали/изменяли в основном процесс управления производством, но не его субъект, т. е. самого человека. Сегодня, благодаря нано-, био- и когнитивной составляющим, в том числе комбинируемым с генно-инженерным High-Tech, они все сильнее ориентируются на изменение сознания и самой природы человека, включая ее «генную модификацию»¹.

В политическом смысле они все больше напоминают пресловутую «промывку мозгов» и прочие кажущиеся «канувшими в лету» якобы иррациональные и оккультно-магические психотехники – которые на деле зачастую являются практиками (технологиями) управления, совершенствовавшимися веками.

Наглядный пример – сам ритуал «промывки мозгов», давно известный на Востоке. Пришедшее на Запад в середине XX века в ходе корейской войны, это выражение представляет буквальный перевод с корейского словосочетания «чистка мозгов». После ночи колдовских операций и заклинаний жрецы ведут посвящаемого в особые покои, где вскрывают ему череп, вынимают мозги и, промывая, чистят их, давая таким образом возможность приобщения к сверхъестественному. На самом деле череп никто не вскрывает и к мозгу не прикасается, но ритуал построен так, чтобы человек не усомнился в реальности воспринимаемой благодаря комплексной био-когнитивно-информационной обработке. Человек оказывается в месте проведения ритуала, когда он уже сломлен, доведен до полного психического истощения и готов принять любые идеи, «вложенные в голову».

¹ Пример: совершившая революцию в генетике в середине 2010-х гг. технология генетического редактирования (редактирования генома) CRISPR/Cas9, способность которой редактировать (изменять или удалять) условно ошибочные участки ДНК человека, пропагандируется на постсоветском пространстве российским генетиком и молекулярным биологом, профессором РАН Д. В. Ребриковым – проректором по научной работе РНИМУ им. Пирогова, сотрудничающим с Центром акушерства, гинекологии и перинатологии им. академика В. И. Кулакова. (Подробнее см.: Russian biologist plans more CRISPR-edited babies // nature.com, 10.06.2019; Что стоит за заявлением российского ученого о генетическом редактировании эмбрионов // forbes.ru, 11.06.2019).

Разница между средневековой и современной High-Hume технологией лишь в деталях: в доиндустриальном обществе минувших веков это делалось на доинформационном этапе развития технологий. В индустриальном обществе словосочетание «brain-washing» уже прочно вошло в политический обиход со времен войны в Корее – благодаря американским летчикам, которых после «промывки мозгов» в северокорейском плену демонстрировали западным СМИ.

Некоторые западные исследователи даже приписали авторство технологии, использованной корейскими и китайскими коммунистами для психо-идеологической обработки американских военнопленных во время войны в Корее, профессору психологии Массачусетского технологического института Эдгару Х. Шейну (англ. Edgar H. Schein, Professor of Organizational Psychology at M.I.T.). Действительно, идеи и разработанные на их основании методики западного ученого напоминают древние восточные психотехники. Шейн изложил их тезисно в 1962 году на симпозиуме, организованном Федеральным бюро тюрем, в рамках программы повышения квалификации работников тюрем США, следующим образом:

«Для того чтобы добиться заметной перемены в поведении или взглядах человека, необходимо ослабить, подорвать или устранить те его установки, которые закрепляли прежнюю манеру поведения или прежние взгляды... Этого можно добиться либо путем помещения человека в иную среду и разрыва всех его контактов с теми, кто ему не безразличен, либо путем внушения ему, что те, кого он уважает, не только не заслуживают этого, но и не должны пользоваться ни малейшим доверием с его стороны. Если при этом он будет постоянно находиться в такой обстановке, которая предполагает поощрение или наказание, применяемые исключительно в целях закрепления новых взглядов и манеры поведения, и обеспечивает возможность возникновения новых контактов, позволяющих строить новые взаимоотношения, весьма вероятно, что этот человек усвоит такие новые взгляды и манеру поведения...» [12, с. 3].

Для решения подобных задач общество более архаичное в информационном и технологическом плане вынуждено чаще и грубее использовать вместо «магии» информационных и прочих High-Hume технологий административное принуждение и насилие над свободной волей граждан, беря на вооружение в ряде случаев в качестве политической технологии и террор (хотя и не всегда удачно обеспечивая его информационную составляющую). Более современное общество располагает для этого соответствующими конвергентными технологиями, прежде всего, информационными. Это позволяет насаждать идеи и господствующие модели сознания/поведения [управлять] несравненно более мягкими методами. Благодаря этому, в современном информационном обществе зачастую уже не бытие определяет сознание, а, наоборот, сознание определяет бытие. А человечество все больше напоминает хирурга, делающего самому себе операцию на открытом мозге. Причем грани рационального восприятия такой «промывки мозгов» размываются все сильнее.

Древние политические [психо]технологии сохранили в сфере управления человеком и социумом элементы иррационального и технократического. Техника XXI века, наоборот, предельно рационализировала процессы социального управления, превратив их в сферу применения технологий, зачастую сделав ненужным «окультурно-магическое» обрамление. В результате, мы получаем следующее.

С одной стороны, информационное общество способствует диффамации «традиционных» политтехнологий жрецов прошлого и прочих средневековых колдунов-окультистов – за счет «прозрения» масс и возможности выстраивания современным человеком адекватной информационной картины окружающего. Именно поэтому Макс Вебер считал, что процесс «расколдовывания мира» в XX веке стремительно ускорился [13, с. 342]. Действительно, в условиях гиперинформационного общества людям проще нащупывать и осознавать контуры реального мироустройства.

С другой стороны техносфера как бы загоняет человека в ячейку матрицы, стирая его индивидуальность и «выгачивая» из личности стандартный винтик-деталь социальной системы. На подобное влияние механизации на общественные отношения обратил в свое время внимание американский философ XX века Льюис Мамфорд, отметив, что техника перестраивает общество в соответствии с собственными параметрами, превращая социальные институты и организации в собственное подобие.

Учитывая сказанное, можно дать следующее определение политических технологий – это управленческие конвергентные High-Hume (НБИК) технологии, связанные с форматированием человеческого сознания – коллективного и индивидуального благодаря обработке информации превращающей ее в инструмент управляющего воздействия (аналитика и прогнозирование) и использованию информации как инструмента управляющего воздействия (манипулирование и контроль).

Список использованных источников

1. *Токвиль, А.* Демократия в Америке / А. Токвиль. – М.: Прогресс, 1994. – 554 с.
2. *Паренти, М.* Демократия для немногих / М. Паренти. – М.: Прогресс, 1990. – 504 с.
3. *Барт, Р.* Мифологии / Р. Барт. – М.: Изд-во бр. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
4. *Бодрийяр, Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с.
5. *Бурдьё, П.* Начала / П. Бурдьё. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.; *Бурдьё, П.* О Телевидении и журналистике / П. Бурдьё. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
6. *Лиотар, Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Ин-т экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
7. *Lazarsfeld, P. F.* The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign / P. F. Lazarsfeld, B. Berelson, H. Gaudet. – New York: Duell, Sloan and Pearce, 1944.; *Lazarsfeld, P. F.* An Episode in the History of Social Research / P. F. Lazarsfeld // *The Intellectual Migration: Europe and America, 1930–1960* / ed. by D. Fleming, B. Bailyn. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969. – PP. 270–337.; *Воробьев, А. Н.* Становление американских электоральных исследований: Пол Лазарсфельд и «Выбор народа» / А. Н. Воробьев // *Социологический журнал*. – 2018. – Том 24. № 3. – С. 163–179.
8. Abraham Maslow: A Theory of Human Motivation // *Psychological Review*. – 1943. – Vol. 50, № 4. – PP. 370–396.; Abraham Maslow: Toward a Psychology of Being. – Start Publishing LLC, 2013. – 192 p.; *Маслоу, А.* Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2008.
9. *Джабасов, А. А.* Политические технологии избирательных кампаний: проблема категориального осмысления / А. А. Джабасов // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 12.* – 2000. – № 2. – С. 58.
10. *Демидченко, В. В.* Понятие политических технологий: сущность, формы и виды / В. В. Демидченко // *Власть*, 2015. – Вып. 12. – С. 140.

11. *Виллард, П.* Пиарщик / П. Виллард. – Москва, Киев: Vidalia House, «Саммит-Книга», 2004. – С. 269.
12. Edgar H. Schein: New Horizons for Correctional Therapy // *Corrective Psychiatry and Journal of Social Therapy*, second quarter 1962. – Vol. 8. – № 2.
13. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
14. *Wilson, A.* “Political technology”: why is it alive and flourishing in the former USSR? [Электронный ресурс] / А. Wilson. – 2021. – Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/political-technology-why-is-it-alive-and-flourishing-in-former-ussr/>. – Дата доступа: 02.02.2021.

(Дата подачи: 23.02.2021 г.)

В. А. Мельник

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

V. Melnik

Academy of Management under the President of the Republic of Belarus,
Minsk

УДК 321.01

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

MORPHOLOGICAL ASPECTS OF STATE IDEOLOGY

В статье рассматриваются морфологические аспекты, или особенности структурных элементов идеологических построений, на примере идеологии белорусского государства.

Ключевые слова: идеология; государственная идеология; концепт; морфология; структурные составляющие государственной идеологии.

The article examines the morphological aspects, or features of the structural elements of ideological constructions on the example of the ideology of the Belarusian state.

Keywords: ideology; state ideology; concept; morphology; structural components of state ideology.

В связи с внесением поправок в конституции Российской Федерации и Республики Беларусь в среде политической элиты и сообщества ученых возрос интерес к феномену идеологии и государственной идеологии в частности. Если четверть века назад, когда разрабатывались эти основополагающие для жизнедеятельности современных обществ документы, их содержание считалось свободным от идеологической ангажированности, то теперь оно рассматривается, по существу, как выражение интересов образующих данные государства народов. Это позволяет квалифицировать конституции современных государств не только как основные их законы, но и как главные источники их идеологий.

Очевидно, что в данных условиях в интеллектуальных кругах наших стран вновь возрастает интерес к феномену идеологии. Как мы полагаем, к настоящему времени в основном завершены споры о том, какой социальный феномен следует обозначать термином «идеология», каково его соотношение с наукой и какую роль он выполняет в обеспечении жизнедеятельности обществ

современности. Можно констатировать, что в среде ученого сообщества и в массовом сознании утвердилось понимание идеологии как связанного с наукой, но не тождественного ей духовно-культурного феномена, являющегося одним из важнейших конституирующих факторов посттрадиционных обществ. Будучи продуктом мышления определенных групп людей, идеология изначально являлась детерминантой создания институтов обществ модерна, а в последующем сама стала общественным феноменом, обеспечивающим легитимность осуществляемой государством политики. Термин «идеология» в настоящее время признан в качестве важнейшей категории обществоведческих наук, главным образом, политологии, а феномен идеологии является предметом систематических научных исследований. В литературе и политическом лексиконе термины «идеология» и «политическая идеология» употребляются как взаимозаменяемые. Прилагательное «политическая» если и применяется, то лишь для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что феномен идеологии проявляется, прежде всего, и главным образом, в сфере политических отношений.

Согласно нашей интерпретации, идеология представляет собой относительно систематизированную совокупность специфических по своему содержанию – отличающихся от научных понятий – социально-политических, экономических, философских, правовых, культурно-исторических, религиозных и иных идей, ценностей и представлений, в которых определенные группы людей осознают существующую социальную действительность и свое положение в ней, исходя из собственных интересов формулируют цели по ее сохранению или изменению и которыми мотивируют свои действия по их реализации в общественной жизни и политике. Государственная идеология есть вид идеологии, субъектом формирования и носителем которой является определенное суверенное сообщество людей [1; 2].

Приведенное определение, хотя оно и указывает существенные признаки рассматриваемого феномена, может вызывать дополнительные вопросы. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть морфологические аспекты, или особенности структурных элементов, идеологических построений. Предметом ее, стало быть, являются особенности слов, словосочетаний и частей текста или речи, выражающих содержание определенных идеологий.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что слова и словосочетания, которыми обозначаются составляющие определенную идеологию идеи, принципы и представления, не есть научные понятия в строгом смысле этого слова; они есть обозначение продукта мышления групп людей и результата восприятия и оценки ими явлений социальной действительности. Идеология есть *конструкция* (или концепт, или доктрина), составленная по результатам размышления людей о различных явлениях существующей социально-политической действительности, о ее возможном будущем устройстве и о путях и средствах его утверждения. Идеологии, в отличие от научной теории, не присущи постоянная *критика своего содержания*, пересмотр своих положений и принципов. Однако, формирующаяся идеология обычно заимствует у науки и общественной практики определенные термины, придавая им специфическое содержание. Это свойство идеологии хорошо проиллюстрировал французский политический деятель и писатель времен Великой французской революции, один из творцов либерализма Б. А. Констан де Ребек в работе «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» (1819 г.) [3].

Видный английский философ XX века А. Н. Уайтхед убедительно показал, что каждая отдельно взятая идея, прежде чем стать элементом той или иной идеологии (и даже нескольких идейных систем одновременно), уже прошла определенный путь своего развития. «Любая общая идея, – писал он, – проходит сквозь историю в своих специфических формах, обусловленных особенностями бытия людей и уровнем их цивилизации. Наиболее общие идеи редко получают сколь-нибудь точное словесное выражение. Они лишь как бы угадываются в специфических формах, соответствующих тому или иному времени... Но рано или поздно, осознанно или бессознательно общая идея все же находит свое **особое** [подчеркнуто нами. – *В. М.*] выражение» [4]. Под специфическими формами общей идеи он понимает то конкретное содержание, которое она получает в различные периоды развития цивилизации, и те возможности своего воплощения, которые возникают в ту или иную историческую эпоху. Совокупность таких частных воплощений общей идеи в различных общественных начинаниях образуют определенную программу социально-политических преобразований. Спор между сторонниками различных программ общественных действий, согласно А. Н. Уайтхеду, есть лишь спор о деталях воплощения общих идей, выраженных в словах с определенным содержанием.

Современный английский политолог Дж. Шварцмантель, ссылаясь на авторство своего соотечественника, исследователя феномена идеологии М. Фридена, такого рода слова – претерпевшие операцию придания им специфического смысла с исключением возможности альтернативных интерпретаций – называет «отвоенными» концептами. Идеологию он определяет как совокупность политических концептов, или как «мульти-концептуальный конструкт», или как свободный набор (кластер) концептов своеобразного содержания со множеством внутренних комбинаций. С его точки зрения, концепты, которые образуют идеологию, «утверждают» значения определенных слов и отвергают все иные возможные их интерпретации. Любая идеология «имеет определенную форму, состоящую, в первую очередь, из базовых концептов, дополнительных примыкающих к ним, которые, в свою очередь, связаны с менее значимыми или периферийными. Идеология устанавливает более или менее логически последовательные связи между этими базовыми, к ним примыкающими и периферийными концептами» [5, с. 50].

Само собой разумеется, что в идеологических построениях могут использоваться любые слова и словосочетания общепринятого смысла (если только они не влекут за собой изменение значения базовых концептов идеологической доктрины), без чего невозможно было бы выстроить сколь-нибудь связный текст. При этом образуются идеологические конструкции, обладающие определенным содержанием.

Общепринятого подхода к систематизации содержания более крупных структурных элементов различных идеологий не существует; некоторые аналитики находят, что каждая идеологическая доктрина в этом смысле имеет свою собственную морфологию или внутреннюю структуру. Очевидно, что типичной особенностью текстов идеологического характера является достаточно заметная пестрота их внутреннего наполнения, которая может производить впечатление эклектизма и слабосовместимости различных элементов. Приведенное выше определение предполагает изложение содержания идеологического построения по следующей схеме:

1) выражение субъектом своего понимания и своей оценки существующей социально-политической действительности;

2) формулирование целей своей практической деятельности по отношению к данной действительности;

3) обоснование путей и средств достижения обозначенных целей.

Эта схема близка к принципам построения написанного К. Марксом и Ф. Энгельсом «Манифеста Коммунистической партии» (1848 г.), который считается не только классическим выражением сути коммунистической идеологии, но и образцом соответствия ее содержания и формы изложения. Как писал К. Манхейм, «нет ничего удивительного в том, что понятие идеологии связывали, прежде всего, с марксистско-пролетарской системой мышления, более того, идеологию даже отождествляли с ней» [6, с. 69]. Однако, в отличие от коммунистического Манифеста, первоисточниками многих идеологий являются различного характера письменные материалы – декларации, программы, заявления, доклады, статьи, брошюры, книги, – без строгой формальной систематизации их содержания. Авторы учебных материалов, как правило, стремятся представить излагаемые идеологические доктрины в виде более или менее структурированных и логически упорядоченных текстов.

По-нашему мнению, вполне логичным подходом к систематизации всей совокупности идей, ценностей и представлений, составляющих идеологию того или иного государства, является их группирование по основным сферам жизнедеятельности общества. Полученный таким образом ряд элементов можно назвать структурными составляющими государственной идеологии. В качестве таковых можно рассматривать группы идей, ценностей, норм и представлений культурно-исторического, политического, экономического и социогуманитарного характера.

В *культурно-исторической составляющей* идеологии белорусского государства можно выделить два взаимодополняющих элемента. Первый элемент – концепция белорусской государственности. Это систематизированная совокупность представлений о процессе зарождения, становления и развития белорусской общности, формирования ее самосознания, самоорганизации в суверенное государство, формах отношений с другими общностями. Второй элемент – традиционные идеалы и ценности белорусского народа – есть культурный (духовный, символический) капитал общности, который она создала в процессе своего исторического развития и который она передает из поколения в поколение [1].

Политическую составляющую белорусской государственной идеологии образуют идеи, ценности, принципы и представления, положенные в основу организации политической жизни нации. Она включает также представления о целях и путях совершенствования политического устройства общества. Эта составляющая охватывает и представления о месте и роли нации в современном мироустройстве и системе международных отношений. Важнейшие положения данной составляющей сформулированы в Конституции Республики Беларусь и других политических документах государства.

Базовые положения *экономической составляющей* белорусской государственной идеологии сформулированы в статье 13 Конституции Республики Беларусь. Суть их следующая: собственность в белорусском обществе может быть государственной и частной; гражданам предоставляются равные права для осу-

щества хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом; государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства; земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства. Государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении предприятиями, организациями и учреждениями с целью повышения эффективности их работы и улучшения уровня жизни граждан.

Важным компонентом идеологии белорусского государства является сформированная Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко цель общественного развития Беларуси – переход к постиндустриальному, информационному обществу. Ее достижение предполагается обеспечить модернизацией производственно-экономической подсистемы общества и всех других сфер общественной жизни на основе высокотехнологичных нововведений, созданием IT-страны, включением белорусского общества в региональные и мировые интеграционные процессы.

Социогуманитарную составляющую белорусской государственной идеологии образует комплекс сформулированных и реализуемых государством идей, принципов и целей, относящихся к взаимоотношениям государства, общества и человека. Основополагающее значение среди них принадлежит гуманистическому идеалу, который в Конституции Республики Беларусь выражен следующим образом: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [7, с. 3]. В конкретизированном и широко развернутом виде гуманистический идеал представлен в разделе II Конституции «Личность, общество, государство», в котором закрепляются права и свободы граждан, а также устанавливаются гарантии их обеспечения. Обращает на себя внимание то, что Конституция и развивающие ее Законы Республики Беларусь вобрала в себя полный комплекс прав и свобод человека, – личных (гражданских), политических, экономических, социальных, культурных, экологических, – закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и других международно-правовых документах.

Отличительной особенностью Конституции Республики Беларусь является также то, что в ней закрепляется идея обязанностей государства перед гражданином: «Государство, – устанавливается в ней, – должно принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод гражданина Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией». Основной Закон определяет также приоритеты политики государства в области как науки, культуры и образования, а также утверждение традиционных духовно-культурных ценностей в сознании граждан.

Таким образом, при анализе содержания или формировании той или иной идеологической конструкции недостаточно знания общенаучного или специально научного значения образующих ее ключевых слов и их сочетаний; такой анализ предполагает выяснение специфического смысла ее базовых, не подлежащих иному толкованию, идей-концептов, их связи с другими идеями и концептами и их идейными, философскими, политическими, экономическими, культурными или религиозными истоками.

Список использованных источников

1. Мельник, В. А. Государственная идеология: концептуальные основы / В. А. Мельник. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2007. – С. 29, 65.
2. Ракевич, М. И. Специфичность содержания идеологии / М. И. Ракевич // Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие основания, тенденции развития, опыт социально-политического моделирования. Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 17–18 мая 2018 г.: в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы; редкол.: А. А. Лазаревич, В. Н. Ватыль [и др.]. – Гродно, 2018. – Ч. 2. – С. 107–110.
3. Констан де Ребек, Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей / Б. Констан де Ребек // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. I.: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – С. 616–626.
4. Уайтхед, А. Приключения идей / А. Уайтхед // Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 389–415.
5. Шварцмантель, Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. – 312 с.
6. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7–276.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 9-е изд., стер. – Минск: Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь, 2013. – 64 с.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

В. С. Михайловский

Белорусский государственный университет, Минск

V. S. Mikhailouski

Belarusian State University, Minsk

УДК 32.01

ВЕРИФИКАЦИЯ НЕОМАРКСИСТСКОГО КОНЦЕПТА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА

VERIFICATION OF THE NEO-MARXIST CONCEPT OF CAPITALIST UNIVERSALISM

В статье верифицируется неомарксистский концепт капиталистического универсализма. Доказывается, что этот концепт соответствует современному эмпирическому материалу. В глобальном политическом дискурсе идеологема «капитализм» ложно универсализируется как сам собой разумеющийся модус общественных отношений или целенаправленно заменяется другими категориями.

Ключевые слова: неомарксизм; капиталистический универсализм; политический дискурс; глобальность; капитализм стейкхолдеров.

The article verifies the neo-Marxist concept of capitalist universalism. It is proved that this concept corresponds to the modern empirical material. In the global political discourse the ideologue «capitalism» is falsely universalized as a self-evident mode of social relations or purposefully replaced by other categories.

Keywords: neo-marxism; capitalist universalism; political discourse; globality; stakeholder capitalism.

Интерес к изучению сферы сознания и идеологии является отличительной чертой неомарксизма и носит устойчивый характер, начиная с исследований Д. Лукача и А. Грамши. По мнению британского историка и социолога П. Андерсона, идеология составляет «привилегированную область исследований», где представители неомарксизма работали «с воображением и точностью, которые исторический материализм здесь никогда прежде не применял» [1, с. 163]. Наибольший вклад в развитие неомарксистского теоретизирования по проблемам идеологии внесли Л. Альтюссер, Ж. Бодрийяр, А. Грамши, С. Жижек, Д. Лукач, Г. Маркузе, И. Месарош, Э. Фромм. Опираясь на марксистскую трактовку идеологии как «ложных представлений о самих себе» [2, с. 9], теоретики неомарксизма вышли на более широкое и сложное понимание идеологии: они фокусировались на вопросах «создания и устройства» идеологии как гегемонии [3, с. 31].

Центральное значение идеологии в процессе структурирования и воспроизводства капиталистического порядка привело неомарксистов к пониманию капитализма как «монохромной идеологической вселенной» [4]. Немецкий философ Т. Адорно констатировал, что «мир, как он есть, превратился в идеологию, а люди – в ее элементы» [5, с. 355–356]. Наибольшую разработанность эта идея приобрела в концепте капиталистического универсализма французского политолога Э. Балибара и американского политолога и социолога И. Валлерстайна.

Универсализм – категория, применяемая в неомарксизме для обозначения идеологической стороны современного «капиталистического мира» [6, с. 41]. Универсализм позволяет капиталистическому господствующему классу получить массовое согласие «на моральное право господствовать» [7, с. 47]. «Идеология» капиталистического универсализма обосновывает всю систему капиталистических отношений как воплощение здравого смысла [8, с. 144]; и, таким образом, является фактором легитимации капиталистического порядка как «второй природы» человечества. С точки зрения Э. Балибара, «универсализм господствующей идеологии укореняем на гораздо более глубоком уровне, чем мировая экспансия капитала и даже чем необходимость обеспечить общие правила для всех, кто управляет экспансией». Универсализм «укореняем в необходимости строить “идеологический мир”, общий для эксплуататоров и эксплуатируемых, несмотря на их антагонизм» [9, с. 14].

Концепт капиталистического универсализма как идеологического измерения мира был использован М. Хардтом и А. Негри для обоснования функционирования современного глобального порядка. М. Хардт и А. Негри в своей концепции «Империя» показали, что новый имперский суверенитет понимается как объединение ряда национальных и наднациональных органов власти, транснациональных корпораций на основе «внутренней динамики» глобального порядка, «единой логики» глобального управления пространством. Логика глобальной имперской системы – это совокупность «полицейской и военной логики», «экономической логики», а также «идеологической логики» [10, с. 330, 11, 43, 316–317]. «Идеологическая логика» имперского порядка – это глобальный примат капитализма как универсальной модели человеческого развития.

Цель данной статьи – верифицировать неомарксистский концепт капиталистического универсализма. Мы исходим из следующих отправных положений.

Концепция «Империя» описывает капиталистический универсализм как основу капиталистической гегемонии. Целью капиталистической гегемонии является поддержание глобального капитализма. Если целью капиталистической гегемонии будет не капитализм, то эта гегемония перестанет быть капиталистической. Отсюда опровержение капиталистического универсализма как идеологического основания современного глобального порядка сводится в широком понимании к опровержению глобального порядка как капиталистического. Данная статья сфокусирована на менее масштабной аналитической задаче; статья направлена на верификацию неомарксистского концепта капиталистического универсализма в узком понимании. Дело в том, что, согласно неомарксистской теории, одной из функциональных характеристик «идеологии» капиталистического универсализма является то, что она не имеет ни дискурсивной, ни институциональной презентации. Эта идея была обозначена французским исследователем Ж.-М. Руйяном как «стратегия избегания» во взаимодействии современных политических сил. Речь шла о том, что политическая сила избегает «противоборствующего лагеря для того, чтобы уйти от настоящих проблем, которые являются системными по своей природе» [11].

Концепт избегания политической репрезентации капиталистической природы происходящего был экстраполирован М. Хардтом и А. Негри в теорию глобального порядка. Капиталистический универсализм как идеология не является частью глобального политического дискурса, а скрыт или мистифицирован в других категориях. Американский политолог Б. Оллман определял мистификацию как «широко распространенное ошибочное представление, которое является результатом комбинации сокрытия фактов, их искажения, неправильной интерпретации и запутывания, а также самой обыкновенной лжи». Главной «мистификацией» была названа мистификация сфер производства, государства и политики. В идеологии универсализма политический процесс предстает результатом «свободного выбора людей», а не следствием «неравных властных отношений между классами» [12]. Тем самым цель статьи реализуется через задачи:

- 1) выявление отсутствия категории (идеологемы) «капитализм» в официальном (документальном) глобальном политическом дискурсе;
- 2) выявление отсутствия категории (идеологемы) «капитализм» в неофициальном глобальном политическом дискурсе;
- 3) выявление идеологических «заменителей» категории «капитализм».

Форма данной научной работы позволяет нам реализовать первую задачу, оставив вторую для отдельного исследования, а третью затронуть частично. Нами был проведен контент анализ следующих официальных источников глобального политического дискурса²:

1. Учредительные документы Всемирной торговой организации (ВТО): Marrakesh Declaration of 15 April 1994; Final Act embodying the results of the Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations; Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization.

2. Ежегодные отчеты ВТО с 1998 год по 2020 год.

² Все источники взяты с официальных сайтов Всемирной торговой организации (<https://www.wto.org>); Международного валютного фонда (<https://www.imf.org>); Всемирного банка (<https://www.worldbank.org>); Всемирного экономического форума (<https://www.weforum.org>); Большой двадцатки (<https://g20.org>).

3. Текущие отчеты ВТО за 2020 год: World Trade Statistical Review; Trade Profiles; World Tariff Profiles; Market access for products and services of export interest to least developed countries.

4. База данных терминов ВТО.

5. Учредительные документы Международного валютного фонда (МВФ): Статьи соглашения Международного Валютного Фонда 1944 года.

6. Ежегодный отчет МВФ за 2019 год: IMF Annual Report 2019: Our Connected World.

7. Текущие отчеты МВФ за 2020 годы: World Economic Outlook: A Long and Difficult Ascent; Global Financial Stability Report: Bridge to Recovery; Fiscal Monitor: Policies for the Recovery; G-20 Report on Strong, Sustainable, Balanced, and Inclusive Growth.

8. Учредительные документы Всемирного банка (ВБ): IBRD Articles of Agreement.

9. Ежегодный отчет ВБ за 2020 год: Annual Report 2020: Supporting Countries in Unprecedented Times.

10. База документов ВБ (по названиям).

11. Основные доклады Всемирного экономического форума за 2019-2020 годы: Policy Pathways for the New Economy (2019); Agile Governance for Creative Economy 4.0 (2019); The Global Risks Report (2019); Annual Report 2018-2019 (2019); Markets of Tomorrow: Pathways to a New Economy (2020); Taking the Pulse of the New Economy: Chief Economists' Outlook (2020).

12. Итоговые документы саммитов Большой двадцатки: Leaders' Declaration: Osaka (2019), Buenos Aires (2018), Hamburg (2017), Hangzhou (2016), Antalya (2015), Brisbane (2014), St. Petersburg (2013), Los Cabos (2012), Cannes (2011), Seoul (2010), Toronto (2010), Pittsburgh (2009), London (2009), Washington (2008).

Выборка обоснована тем, что именно эти организации традиционно рассматриваются в неомарксизме как адепты современного глобального порядка. Результат нашего анализа таков: в абсолютном большинстве названных источников не используется категория «капитализм». Мы определяем отсутствие категории «капитализм» в официальном глобальном политическом дискурсе как *парадокс идеологического обеспечения современного глобального порядка*.

В качестве исключения можно привести доклады Всемирного экономического форума. Так, в докладе 2019 года «Global Competitiveness Report» категория «капитализм» встречается два раза. В первом случае в следующем контексте: «Неравенство – это не неизбежный побочный продукт капитализма, а результат политического выбора» [13, с. 11]. Во втором случае – в этом же контексте: «Идея о том, что неравенство проистекает из глобальных сил, питает веру в то, что оно является неизбежным побочным продуктом капитализма, и приводит к убеждению, что экономический либерализм не смог выполнить обещание всеобщего процветания. Вместо этого возникновение неравенства следует рассматривать как результат политического выбора» [13, с. 32]. Также в ежегодном докладе «Annual Report 2018–2019» один раз отмечается, что на Всемирном экономическом форуме обсуждался «ответственный капитализм» [14, с. 94].

Более того в документах основных акторов глобального капитализма отсутствуют и категории «капиталистическая экономика» и «кризисы капитализма». Такое положение вещей не случайно, а функционально для поддержания стабильности имперского порядка. Это объясняется следующим.

Во-первых, глобальный порядок воспроизводится в капиталистическом модуле, но избегает собственной капиталистической самоидентификации. Страны-гегемоны капитализма, а также наднациональные и корпоративные структуры не используют категорию «капитализм», заменяя ее более идеологически нейтральными терминами: «глобальная экономика», «глобальная экономическая система», «экономическая свобода», «финансовый кризис». Например, замена категории «капитализм» на категорию «экономическая свобода» американским аналитическим центром «Фонд наследия» («The Heritage Foundation»). Вот так Фонд мистифицирует глобальное распространение капиталистических отношений: «На протяжении большей части человеческой истории большинству людей не хватало экономической свободы и возможностей, обрекая их на нищету и лишения. Бедность, болезни и невежество отступают во всем мире, в значительной степени благодаря продвижению экономической свободы» [15].

Глобальное «избегание» термина капитализм делается для того, чтобы предотвратить возможность идеологической и политической объективации альтернативных сил. Дело в том, что любая идеология финансирует собственную политическую наличность, в том числе посредством отрицания других идеологий. Антикапиталистическая идеология обретает политическое значение в том случае, если презентует себя в противоположность капиталистической идеологии. Отсюда формальное отсутствие капиталистической идеологии обрекает антикапиталистические идеи на воспроизводство в условиях отсутствия реципиента, т. е. нивелирует их политическую актуальность. Антикапиталистическая борьба в условиях идеологического отсутствия капитализма публично преподносится адептами гегемонии капитала не как борьба с современным мироустройством, а как борьба с капиталистическими элементами внутри современного глобального порядка, которые обнаружены отдельными политическими акторами и которые имеют значение только для этих («маргинальных») политических сил.

Во-вторых, если использовать метод от обратного и оперировать глобальным порядком как идеологически идентифицированным, то это никак не влияет на его стабильное воспроизводство. Дело в том, что основная задача идеологического обеспечения глобального порядка не только в том, чтобы скрыть его капиталистическую сущность, но и в том, чтобы представить капитализм объективным порождением здравого смысла и естественного хода вещей. В этом отношении категория «глобализация» является удобным идеологическим инструментом. Политическим классом Запада была сформирована идеология, что не современный капитализм использовал объективную глобализацию для повышения своей эффективности и стабильности, а объективная глобализация естественно породила современный капитализм. Российский исследователь А. Б. Вебер писал, что в глобальной политике есть «стремлением представить глобализацию как сугубо стихийный, не поддающийся контролю процесс», и это объяснимо, так как «надо внушить людям, что какое-либо противодействие невозможно и бессмысленно» [16, с. 211]. Американский политолог Ф. Фукуяма, постулируя «конец истории», исходил из того, что либеральный капитализм есть объективное следствие развития науки: «То, что мы назвали «логикой современной науки», является, в сущности, экономической интерпретацией исторических изменений, но такой, которая (в отличие от марксистской версии) приводит в результате к капитализму, а не к социализму» [17].

В-третьих, любая идентификация глобального порядка в рамках современного идеологического спектра и без использования категории «капитализм» будет иметь положительное значение для воспроизводства имперского порядка. Будь то либеральный глобальный порядок, неолиберальный, социально-демократический, неоконсервативный или фашистский глобальный порядок – для неомарксизма это все есть варианты «условий капиталистической эксплуатации», призванные отвлечь массовое внимание от сущностного идеологического вопроса: капиталистических оснований современного мироустройства. Ф. Фукуяма отмечал: «Поскольку термин «капитализм» за многие годы приобрел слишком много отрицательных коннотаций, стало модно заменять его термином «экономика свободного рынка». И то, и другое – вполне приемлемые обозначения экономического либерализма» [17].

В 2020 году на Всемирном экономическом форуме была актуализирована концепция «капитализма заинтересованных сторон» («stakeholder capitalism»). Эта категория была нами обнаружена в трех докладах Всемирного экономического форума 2020 года: *New Nature Economy Report II: The Future of Nature and Business; Nature Risk Rising: Why the Crisis Engulfing Nature Matters for Business and the Economy; The Global Risks Report*. Идея «капитализма стейкхолдеров» не нова. Она получила распространение с середины 1980-х годов благодаря исследованиям американского экономиста Э. Фримена (работа «Стратегический менеджмент: концепция заинтересованных сторон»). К более ранним источникам этой концепции относят американских исследователей 1930-х годов А. А. Берле и Г. К. Минса [18]. «Капитализм заинтересованных сторон» – это капитализм, который учитывает «социальное благополучие наряду с экономическими выгодами» [19, с. 25]. Другими словами, это капитализм, который стремится учитывать интересы всех вовлеченных в капиталистические отношения акторов.

Идея «капитализма заинтересованных сторон» апробирована неомарксизмом. «Капитализм стейкхолдеров» – это идеологема гомогенного социального пространства капитализма, конфликтность которого сводится к внутриконкурентной борьбе за реализацию интереса в капиталистическом обществе. В таком варианте капитализма конфликт решается поиском компромисса между интересами всех сторон капитализма – эксплуататорами и эксплуатируемыми. При этом интерес сторон выявляется «поверх» убежденности в универсальности отношений классовой эксплуатации. Тем самым речь идет об очередном акте универсализации капитализма с целью поддержания его воспроизводства. Не зря основатель Всемирного экономического форума К. Шваб писал: «Какой капитализм нам нужен? Быть может, это определяющий вопрос нашего времени. И нам нужно ответить на него правильно, если мы хотим сохранить нашу экономическую систему для будущих поколений» [20].

Таким образом, неомарксистский концепт капиталистического универсализма, созданный в конце XX века, верифицируется (подтверждается) эмпирическим материалом XXI века – официальным политическим дискурсом адептов глобального капитализма. Неомарксизм является актуальным знанием, способным выступить инструментом познания современного глобального порядка. «Интервалом истины» (эмпирическими условиями актуального применения теоретического знания) неомарксистского концепта капиталистического универсализма является эмпирия мистифицированного глобального политического дискурса. В этом дискурсе идеологема «капитализм» ложно

универсализируется как сам собой разумеющийся модус общественных отношений или целенаправленно заменяется другими категориями («глобальная экономика», «глобальная экономическая система», «экономическая свобода», «финансовый кризис»). Эвристика неомарксизма заключается в выявлении ложных универсалий капитализма как одного из способов скрытого классового господства.

Список использованных источников

1. *Андерсон, П.* На путях исторического материализма / П. Андерсон // Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма = Consideration on western Marxism. In the tracks of historical materialism: пер. с англ. / П. Андерсон. – М., 1991. – С. 151–266.
2. *Маркс, К.* Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.
3. *Therborn, G.* The ideology of power and the power of ideology / G. Therborn. – London: Verso, 1999. – 144 p.
4. *Anderson, P.* Homeland [Electronic resource] / P. Anderson // New Left Rev. – 2013. – № 81. – Mode of access: <http://newleftreview.org/11/81/perry-anderson-homeland>. – Date of access: 18.01.2021.
5. *Адорно, Т. В.* Негативная диалектика = Negative Dialektic / Т. В. Адорно; пер. с нем. Е. Л. Петренко. – М.: Акад. Проект, 2011. – 538 с.
6. *Валлерстайн, И.* Идеологические противоречия капитализма: Универсализм против расизма и сексизма / И. Валлерстайн // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности = Race, nation, class. Ambiguous identities: перевод / Э. Балибар, И. Валлерстайн; под ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого, Б. Скуратова. – М., 2003. – Гл. 2. – С. 40–47.
7. *Валлерстайн, И.* Европейский универсализм: риторика власти / И. Валлерстайн // Прогнозис. – 2008. – № 2. – С. 3–56.
8. *Hahn, N. S. C.* Neoliberal imperialism and pan-African resistance / N. S. C. Hahn // J. of World-System Research. – 2007. – Vol. 13, № 2. – P. 142–178.
9. *Балибар, Э.* Предисловие / Э. Балибар // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности = Race, nation, class. Ambiguous identities: перевод / Э. Балибар, И. Валлерстайн; под ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого, Б. Скуратова. – М., 2003. – С. 11–24.
10. *Хардт, М.* Империя = Empire: пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
11. *Origoni, G.* Entretien exclusif avec Jean-Marc Rouillan: la gauche et le néolibéralisme [Electronic resource] / G. Origoni, J.-M. Rouillan // Ragemag. – Mode of access: <http://ragemag.fr/entretien-exclusif-avec-jean-marc-rouillan-la-gauche-et-le-neoliberalisme-28194/>. – Date of access: 16.01.2021.
12. *Ollman, B.* Market mystification in capitalist and market socialist societies [Electronic resource] / B. Ollman // New York Univ. – Mode of access: http://www.nyu.edu/projects/ollman/docs/market_mystification.php. – Date of access: 28.01.2021.
13. The Global Competitiveness Report 2019 [Electronic resource] // World Economic Forum. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf. – Date of access: 20.01.2021.
14. Annual Report 2018–2019 [Electronic resource] // World Economic Forum. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Annual_Report_18-19.pdf. – Date of access: 20.01.2021.
15. About The Index [Electronic resource] // Index of Economic Freedom. – Mode of access: <https://www.heritage.org/index/about?version=457>. – Date of access: 20.01.2021.

16. Вебер, А. Две модели мирового развития и новые протестные движения / А. Вебер // Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения»: [сборник] / под ред. А. В. Бузгалина. – М., 2003. – С. 208–224.

17. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма // Б-ка Максима Мошкова. – Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konecistorii.txt>. – Дата доступа: 22.01.2021.

18. Denning, S. Why Stakeholder Capitalism Will Fail [Electronic resource] / S. Denning // Forbes. – 2020. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/stevedenning/2020/01/05/why-stakeholder-capitalism-will-fail/?sh=54f4d3d6785a>. – Date of access: 28.01.2021.

19. The Global Risks Report 2020 [Electronic resource] // World Economic Forum. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf. – Date of access: 20.01.2021.

20. Шваб, К. Какой капитализм нам нужен [Электронный ресурс] / К. Шваб // Ведомости. – 2019. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/12/01/817593-klaus-shvab>. – Дата доступа: 22.01.2021.

(Дата подачи: 13.02.2021 г.)

А. В. Панченко

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. Panchenko

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 32(470+571)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

POLITICAL PROCESS IN CONTEMPORARY RUSSIA: NEW TRENDS, INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS

В статье анализируются новые тенденции политического процесса в современной России в условиях масштабного реформатирования Основного Закона, что потенциально может привести к обновлению институтов государственной власти и гражданского общества; совершенствованию процессов в важнейших сферах общества; созданию благоприятной среды для развития высокотехнологических процессов, в том числе в области генетических исследований и искусственного интеллекта. Внутривнутриполитические процессы обуславливаются внешнеполитическими факторами и, прежде всего, нестабильной и неопределенной международной ситуацией, наличием предпосылок для Большой войны и необходимости их купирования.

Ключевые слова: политический процесс в современной России; внутренние и внешние факторы; обновление политической системы; перспективы.

The article analyzes new trends in the political process in contemporary Russia in the context of a large-scale reformatting of the Russian Constitution, which can potentially lead to the renewal of state institutions and civil society; improvement of processes in the most important areas of society, and creation of a favorable environment for the development of innovative processes, including in the field of genetic research and artificial intelligence. Domestic political processes are determined by foreign policy factors and, above all, by the unstable and uncertain international situation, the presence of prerequisites for a Major war and the need to stop them.

Keywords: political process in contemporary Russia; renewal of the political system; internal and external factors; the prospects.

Политический процесс обуславливает переход на новый этап государственного строительства в целях «создания прочной, надёжной, неуязвимой по внешнему контуру, стабильной и гарантирующей России независимость и суверенитет, политической системы», оставаясь в то же время, гибкой, способной к изменениям и обеспечению сменяемости тех, кто находится у власти [1]. Принципиально важно не повторить политической ситуации начала 1980-х гг., когда высшие руководители Советского государства – Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, К. У. Черненко, а в союзных республиках – П. М. Машеров в Белоруссии; Ш. Р. Рашидов в Узбекистане; Д. Р. Расулов в Таджикистане и многие видные партийно-государственные деятели союзного масштаба один за другим ушли из жизни в период 1980–1984 гг., но механизмы для выдвижения нового политического руководства и цивилизованной трансформации политической власти созданы не были. На современном этапе государственного строительства принципиальным является конституирование новых взаимодействий между политическими институтами, укрепление их легитимности, придание новых импульсов процессам в различных сферах общества. При этом общим вектором остается продолжение Россией поиска своей модели конституционализма на основе взаимодействия между политическими институтами государства. Речь идет о формировании новых тенденций во внутренней политике, обуславливающей процессы во внешнеполитической сфере и международных отношениях.

Конституционная реформа, инициированная в январе 2020 г., привела к внесению масштабных изменений в Основной Закон, суть которых состоит в утверждении принципиально новых положений [2]. Так, в политической сфере современной России придается статус государства-правопреемника в отношении СССР; закрепляется положение о недопустимости действий и призывов, направленных на отчуждение части территории России (особенно актуально для Крымского полуострова, Калининградского эксклава, Курильских островов, Печерского района Псковской обл.)¹; вводится новое понятие «государствообразующий народ». Русский язык провозглашается не только государственным языком, но и языком государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов России; признается возможным местом пребывания федеральных органов государственной власти другого города помимо г. Москвы. С введением в Конституции нового понятия «система публичной власти» важнейшие изменения затрагивают взаимодействия между институтами президентства, законодательной, исполнительной, судебной власти и местного самоуправления.

Институт президентства (главы государства) является ведущим в системе публичной власти в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия входящих в эту систему институтов, поддержания гражданского мира и согласия в стране. Принципиальным нововведением может счи-

¹ 8 декабря 2020 г. Президент РФ подписал принятый ГД и одобренный СФ Федеральный закон об уголовном наказании до 10 лет тюрьмы за действия направленные на нарушение территориальной целостности России и наложение денежных штрафов до 400 тыс. руб за призывы к таким действиям.

таться положение об избрании президентом сроком на 6 лет лица не моложе 35 лет, постоянно проживающего в России не менее 25 лет. Причем кандидат на должность президента не должен иметь иностранного гражданства либо вида на жительство в иностранном государстве или иного аналогичного документа. Одновременно это требование не распространяется на тех граждан России, которые состояли в иностранном гражданстве при условии, что иностранное государство (либо его часть) было принято в состав России. Также вводится конституционный запрет президенту открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках за пределами территории России.

Безусловной новеллой можно считать положение о сроках президентства. Ограничение по числу сроков, в течение которых одно и то же лицо может занимать должность президента, не распространяется на лицо, занимающее должность президента на момент принятия соответствующих поправок. В то же время это не исключает для него возможности занимать должность президента в течение новых сроков. Расширяются полномочия президента по осуществлению руководства правительством и в области кадровой политики. Конституционно закрепляется положение о неприкосновенности и иных гарантиях президенту, прекратившему исполнение своих полномочий. Впервые в Конституции утверждается новый институт государственной власти – Государственный Совет (Госссовет), целью которого становится обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия институтов публичной власти, а также определение направлений внутренней и внешней политики и социально-экономического развития государства, что, по сути, выводит Госссовет на роль политического лидера в системе институтов государственной власти².

В институте законодательной власти впервые вводится понятие «сенаторы Российской Федерации» в составе верхней палаты – Совета Федерации и порядок их назначения: по два представителя от каждого субъекта федерации и по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов федеральной государственной власти. Не более 30 сенаторов назначаются президентом непосредственно, из которых не более 7 могут назначаться пожизненно. Нововведением можно считать закрепление в составе сенаторов президента России (по его согласию) в случае сложения им своих полномочий – пожизненно. Требования к кандидатам в сенаторы Совета Федерации и депутатам Государственной Думы включают ряд цензов: возрастной – не менее 30 лет (для сенаторов) и не менее 21 года (для депутатов); оседлости – постоянное проживание в России; гражданства – наличие российского гражданства и отсутствие иностранного гражданства либо вида на жительство в иностранном государстве или иного аналогичного документа, имущественный – запрет на открытие и владение счетами (вкладами), хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории России. Сенаторы назначаются сроком на 6 лет, за исключением тех, кто назначается

² 8.12.2020 Президентом РФ подписан Федеральный Закон № 394 «О Государственном Совете РФ», а 21.12.2020 – Федеральный Закон № 799 «Об утверждении состава Государственного Совета РФ» в который вошли около 100 руководителей федеральных и региональных органов государственной власти. В состав президиума Госсвета включены главы 27 регионов. Госсвет возглавил сам глава государства.

пожизненно. При этом одно и то же лицо не может одновременно являться и сенатором и депутатом. Сенаторы и депутаты обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий. Обновлен и перечень вопросов, которыми ведают обе палаты парламента. С введением института парламентского контроля палаты парламента наделяются конституционными полномочиями направления парламентских запросов руководителям государственных органов и органов местного самоуправления. Аналогичные парламентариям требования касательно недопущения иностранного влияния при подборе кандидатуры устанавливаются на должность Уполномоченного по правам человека.

В условиях общего руководства правительством президентом в Конституции закрепляется нововведение в деятельности института исполнительной власти по разграничению компетенции президента и председателя правительства в руководстве правительством. Так, если правительство руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, то руководство отдельными федеральными органами исполнительной власти осуществляет президент. Устанавливаются новые требования к кандидатам на должности председателя правительства, его заместителей, федеральным министрам и руководителям иных органов исполнительной власти на основе аналогичных цензов: возрастного (не менее 30 лет), гражданства, имущественного. Устанавливается механизм назначения председателя правительства президентом по согласованию с Государственной Думой, а также определяется перечень полномочий правительства. Закрепляется право председателя и членов правительства подать в отставку, которая либо принимается, либо отклоняется президентом. Президент самостоятельно может принять решение об отставке правительства. Расширяются полномочия Государственной Думы во взаимодействии с правительством в том числе путем выражения вотума недоверия правительству.

Впервые к конституционной практике России определяются разновидности института судебной власти: Конституционный суд, Верховный суд, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые суды субъектов федерации. При этом создание чрезвычайных судов не допускается. Для занятия должности судьи конституционно определены следующие цензы: возрастной – не менее 25 лет; образовательный – наличие высшего юридического образования; трудовой – стаж работы по юридической профессии – не менее 5 лет; оседлости – постоянное проживание в России, а также цензы гражданства и имущественный, аналогичные для других госслужащих. В перечне полномочий Конституционного суда впервые закрепляется право граждан на прямое обращение в Конституционный суд с жалобами на нарушение их конституционных прав и свобод и необходимости проверки на конституционность законов и иных нормативных актов.

Впервые в современной России в развитии института местного самоуправления закрепляется положение о том, что территориальные границы муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций, а управленческая структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно. Органы государственной власти могут участвовать в деятельности местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления. Вводится конституционный запрет на ограничение прав местного самоуправления.

Принципиальным нововведением можно считать закрепление государственных гарантий развития институтов гражданского общества, в том числе НКО, обеспечения их участия в выработке и проведении государственной политики; осуществлении мер по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности.

В сфере федеративных отношений уточняются предметы ведения федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов федерации, а также совместного ведения федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов федерации, направленные на более четкое определение этих компетенций.

В духовной сфере закрепляется положение о складывании тысячелетней традиции и идеалов веры в Бога, устанавливается необходимость почитания памяти защитников Отечества и обеспечения защиты исторической правды, недопущении умаления значения подвига народа при защите Отечества, Определяется, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики, необходимости воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. В сфере культуры определяется, что культура наделяется статусом уникального наследия ее многонационального народа, поддерживаемой и охраняемой государством. В социальной сфере закрепляется положение об уважении и защиты государством человека труда, а также гарантий минимального размера оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по России, пенсионного обеспечения и социального страхования. Устанавливается, что система пенсионного обеспечения граждан формируется на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений. При этом индексация пенсий должна осуществляться не реже одного раза в год. Закрепляются гарантии обязательного социального страхования, адресной социальной поддержки граждан, индексации социальных пособий и иных социальных выплат. Утверждаются принципы социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности. В экономической сфере закрепляется положение о создании условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, обеспечения сбалансированности прав и обязанностей гражданина. В экологической сфере за правительством закрепляется обязанность принимать меры к сохранению уникального природного богатства России, снижению негативного воздействия на окружающую среду, сохранению уникального биологического разнообразия. Закрепляется необходимость создания правительством условий для развития системы экологического образования, воспитания экологической культуры. В гуманитарной сфере за государством закрепляется обязанность поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности. В сфере гуманизма определяется необходимость ответственного отношения к животным, формирование культуры гуманного обращения с животными, недопущения проявлений жестокости по отношению к ним. В научно-технологической сфере впервые конституционное закрепление получают «информационные технологии» и устанавливается государственная поддержка научно-технологическому развитию России, сохранению и развитию ее научного потенциала. В сфере международных отношений вводится запрет на исполнение (не подлежат исполнению) международные договоры России, а также решения межгосударственных органов, которые противоречат Конституции

России (устанавливается приоритет Конституции России в сфере международного права)³. С точки зрения внутренних факторов, существенные изменения в политической системе России предполагают изменения не только в деятельности институтов государственной власти и гражданского общества, но и таких прорывных областях науки как генетические исследования и искусственный интеллект.

Предполагается, что Россия будет создавать новейшие генетические технологии и снижать критическую зависимость российской науки и промышленности от иностранных баз генетических и биологических данных. С этой целью в России планируется построить крупный научный центр комплексных исследований в области генетических технологий и генетического редактирования, результаты которого будут использоваться в промышленности и медицине. На это нацеливают Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» и Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019–2027 гг., в которых определяется комплексное решение задачи ускоренного развития генетических технологий, создания научно-технологических заделов в таких сферах как медицина, сельское хозяйство, промышленность. Ставится задача совершенствования системы предупреждения чрезвычайных ситуаций биологического характера (подобно пандемиям нового типа «COVID-19») и контроля в этой области [3].

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в России на период до 2030 г. под искусственным интеллектом понимаются, прежде всего, технологические решения, «позволяющие имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [4]. По сути технологии искусственного интеллекта – это не только будущее России, но и всего человечества. А некоторые государства уже приступили к подготовке специалистов в этой области (ОАЭ). По выражению Президента России, «тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира. И очень бы не хотелось, чтобы эта монополия была сосредоточена в чьих-то конкретных руках, поэтому мы, если мы будем лидерами в этой сфере, также будем делиться этими технологиями со всем миром, как мы сегодня делимся атомными технологиями, ядерными технологиями».

Вместе с тем, предупреждают ученые, технологии искусственного интеллекта открывают не только новые перспективы, но и порождают большие опасности для человека. И уже в наши дни необходимо подумать над формированием свода этических правил (этического кодекса) взаимодействия человека с искусственным интеллектом. Это важно, потому что искусственный интеллект становится принципиально новым фактором общественного развития, а в мире разворачивается дискуссия о социальных и политических последствиях его использования. Известный израильский ученый, профессор Юваль Ной Харари, утверждает, что, по сути, «владельцы информационных и аналитических инструментов знают нас лучше, чем мы сами, и могут контролировать наши мысли и желания». Если «авторитарные режимы прошлого имели сложные системы наблюдения, им был нужен чуть ли не один человек, чтобы контро-

³ 8 декабря 2020 г. Президент РФ подписал принятый ГД и одобренный СФ Федеральный закон о недопущении применения правил международных договоров РФ в истолковании, противоречащим Конституции РФ.

лизовать другого, собранная информация была централизованной и не было сложных аналитических технологий, а чтение отчетов предполагало наличие толп агентов». Если «тоталитарные режимы прошлого могли знать о ваших поступках, но не были в состоянии читать ваши мысли и чувства», то «в XXI в. с помощью камер, беспилотников, биометрических датчиков, регистраторов можно отслеживать миллионы людей одновременно. И информация, собранная в форме электронных баз данных, может интерпретироваться машинами. В конечном итоге, технологии искусственного интеллекта позволяют получить доступ к мозгу человека. Известно, что большая часть информации сосредоточена в нескольких государствах и компаниях, и, в основном, в США и Китае. Это означает, что преимущества технологической революции достались немногим. И в случае ускорения этого явления резко возрастет проблема неравенства в обществе. Элиты станут сверхлюдьми, а большинство людей будут выживать без какой-либо перспективы и утратят всякое значение». Если в XX в. неравенство означало эксплуатацию, и элита эксплуатировала массы, то «в XXI в. многих людей больше не эксплуатируют и, как следствие, они оказываются ни на что не годными. Быть ничтожным и неинтересным опаснее, чем быть используемым. Когда вас эксплуатируют, это означает, что вы, по крайней мере, кому-то нужны», – анализирует Ю. Н. Харари.

«Впервые в истории человечества стало возможным наблюдать за внутренней жизнью населения, манипулировать умами, а главное, со временем создавать новых существ. В прошлом технологические революции просто изменяли политические и экономические системы. Через 50 или 100 лет они позволят изменять тело и мозг человека. В будущем у человека будут развиваться новые физические и умственные способности. Появятся разные типы людей. Мы уже оказались вовлеченными в подобный процесс. Люди – индустры, мусульмане, христиане, иудеи – имеют общие свойства, как и американцы, русские и китайцы. Вероятно, через 100 лет этого уже не будет: станет возможным создавать различные типы людей», – убежден ученый [5].

Через несколько десятилетий наш мозг будет связываться с компьютерами, образуя «интернет мыслей» с непосредственным доступом к информации. Это означает, что достижения в области компьютерных и биотехнологий «попадут прямо в голову – в самом буквальном смысле», заявляет группа американских специалистов, опубликовавших результаты своих исследований в издании «Frontiers in Neuroscience». «Используя комбинацию нанотехнологий, искусственного интеллекта и других, более традиционных компьютерных технологий, люди смогут напрямую подключать свой мозг к облаку компьютеров для получения информации из интернета в режиме реального времени». «Парк наноботов, встроенных в наш мозг, будет служить связующим звеном с умами других людей и суперкомпьютерами, обеспечивая возможность загрузки информации» [6]. «Эти устройства смогут перемещаться по сосудистой системе человека, преодолевать гематоэнцефалический барьер и точно самопозиционироваться среди или даже внутри клеток мозга». «Затем они будут передавать закодированную информацию по беспроводной связи в облачную сеть суперкомпьютеров и из нее для мониторинга состояния мозга в режиме реального времени и извлечения данных». Исследователи утверждают, что прогресс не остановится на объединении людей и компьютеров. Мозговая сеть также может помочь сформировать то, что они называют «глобальным супермозгом», который позволит мыслить коллективно. Таким образом, полагают

исследователи, с учетом того, что эти и другие многообещающие технологии разрабатываются все более быстрыми темпами, «интернет мыслей» станет реальностью уже до конца XXI в.

Важнейшей составляющей внутренних факторов политического процесса остается проблема не только технологического, но социального неравенства. Возрастание в последние десятилетия тенденции к понижению социальной ответственности государства, снижению качества жизни, падению доходов граждан, увеличению бедности, в целом – серьезный сигнал возникновения кризисных ситуаций. Это подтверждается и рядом авторитетных социологических исследований. Так, «Левада-Центром» по итогам 2019 г. выявлена тенденция «роста социальной несправедливости», которая попала в список «самых серьезных страхов россиян» наряду со снижением доходов и возможности лишиться бесплатной медицинской помощи [7].

В новом исследовании «Социальное неравенство в современном российском обществе и пути его преодоления», которое проводилось экспертами Общественной Палаты России в ноябре-декабре 2019 г. отмечается, что подавляющее большинство россиян с разной периодичностью испытывает чувство социальной несправедливости. Как показало исследование, чаще всего граждане сталкиваются с неравенством и несправедливостью из-за разницы в доходах – 60 %. При этом 97 % связывают свои основные надежды на снижение неравенства в обществе с дополнительными усилиями государства, а 91 % его участников считают, что снижению неравенства и понижению остроты социальной несправедливости способствует снижение «демонстративного потребления». При этом 80 % проголосовало за «социальную ответственность бизнеса», а 71 % – за роль НКО и активистов. В целом 90 % участников исследования пришли к убеждению о необходимости повышения роли государства в регулировании социальных процессов, поскольку именно «государство своей политикой должно нивелировать чрезмерную разницу в доходах людей» [8].

Ученые давно бьют тревогу: положение людей остается фундаментально неравным во всех странах мира, включая и самые развитые постиндустриальные государства⁴. В России 1 % самых состоятельных граждан получает 40 % всех доходов страны. Бедность становится хронической, консервируется и переда-

⁴ Согласно индексу Bloomberg Billionaires в 2019 г. состояние 500 богатейших людей мира выросло на 1,2 трлн долларов (25 %) и достигло 5,9 трлн долларов. Лидером рейтинга является глава Amazon.com Inc Дж. Безос. Глава Facebook Марк Цукерберг стал богаче на 27,3 млрд долларов, основатель Microsoft Билл Гейтс – на 22,7 млрд долларов. В целом состоянии 172 богатейших американских миллиардеров увеличилось на 500 млрд долларов. Китай стал второй страной после США по числу миллиардеров, вошедших в список. Количество миллиардеров в Китае увеличилось до 54 человек. Больше всего свое состояние увеличил основатель китайского производителя бытовой электроники Midea Group Со. Хэ Сянцзянь (на 79 %, до 23,3 млрд долларов). Состояние богатейших россиян в 2019 г. увеличилось на 21 %, достигнув 51 млрд долларов. Согласно расчетам консалтинговой фирмы Comparisun, первым **триллионером** в мире в 2026 г. станет глава Amazon.com Дж. Безос, состояние которого превысит 1 трлн долларов. В отчете отмечается, что 11 из 25 богатейших людей мира имеют реальные шансы стать триллионерами до конца жизни. В их число входит также основатель и глава Facebook Inc. Марк Цукерберг, в 2036 г. ему будет 51 год.

ется следующему поколению, что резко обостряет проблему социальной несправедливости, усиление которой, по данным ВЦИОМ, ощутили «более трети россиян – 32 %» [9, с. 226].

Практическая реализация новых тенденций в политическом процессе, обеспечение экономического и социального прогресса становится реально возможной в условиях благоприятных внешних факторов: на долгосрочную перспективу гарантирована обороноспособность страны, ибо Россия уже обладает «оружием будущего», которое только предстоит создать другим ведущим государствам мира.

Возникновение принципиально новой геополитической реальности в современном мире подтверждают и в НАТО. Так, немецкая «Frankfurter Allgemeine Zeitung» со ссылкой на руководство НАТО выражает глубокую обеспокоенность новым гиперзвуковым оружием России, которое «намного превосходит возможности альянса» и «превосходит сегодняшние системы ПРО всех стран НАТО». Вместе с тем, продолжает издание, обладание Россией новым сверхоружием сформировало «большой дисбаланс» и «систематическое неравенство», а «ядерный паритет оказался под вопросом» [10].

Одновременно НАТО регулярно продвигает тезис о т. н. «российской военной угрозе», трактуя любые действия России по обеспечению безопасности как «угрозу миру». Более того, в доктринальных документах альянса за Россией закреплён статус «противника», что даёт основания западным военным моделировать отработку нанесения гипотетических ударов по России. В январе 2020 г. Исследовательская служба Конгресса США в докладе «Российское ядерное оружие: доктрина, силы, модернизация» заявила, что США отстают от России по темпам обновления ядерного оружия. Это обстоятельство, по мнению исследователей, явилось достаточным основанием для пентагоновских стратегов «имитировать ядерный удар по России» включая решение «о запуске нескольких единиц ядерного оружия по Беларуси» [11]. Нам представляется, что ценность Беларуси для России столь велика, что российское руководство вряд ли допустит такое развитие событий, чего бы это ему ни стоило. Любая угроза Беларуси извне, в том числе её политическая переориентация изнутри с перспективой членства в НАТО будет однозначно рассматриваться в Москве как подготовка НАТО к агрессии против самой России, что заставит Россию ужесточить политику в области ядерного сдерживания (рассматривать вариант о нанесении удара первой – А.П.).

Несмотря на то, что все рейтинги и оценки военного развития государства являются условными и дискуссионными, а действительный потенциал может показать только реальный конфликт, на исход которого влияет множество факторов, тем не менее, специалисты авторитетной российской консалтинговой компании в области управления рисками «Центр политической информации (ЦПИ)» выделили ряд факторов, которые меняют привычную расстановку первой тройки государств – Россия, США и Китай.

1. Россия. Политические и военные институты характеризуются стабильностью. С ведущими державами мира установлен относительный консенсус. Государство является непосредственным участником в разрешении большинства крупных вооружённых конфликтов, а реализация гуманитарных и миротворческих миссий отмечается высокой степенью результативности. Демонстрируется реальная способность создавать и поддерживать полноценные военные союзы

различных форматов. Опирается на принцип о невмешательстве во внутренние дела других государств и поддерживает законно избранные правительства в решении международных конфликтов. Государство использует гибкие финансовые механизмы в целях поддержания обороноспособности, что способствует упрочению влияния на международной арене.

II. США. Высшие политические и военные институты управления характеризуются конфликтностью и разобщенностью действий. Оборонный потенциал гарантирует полную защиту территории с возможностью ответного удара на нескольких направлениях сразу. Реализация гуманитарных и миротворческих миссий осуществляется с неодинаковой степенью успешности. Во взаимоотношениях с союзниками и партнерами зачастую использует механизмы давления и принуждения. Сохраняет высокий уровень расходов на военные цели. Ресурсы расходуются на ведение одновременно нескольких военных операций и содержание значительного количества военных баз по всему миру.

III. Китай. Высшие политические и военные институты отличаются стабильностью и способностью защищать национальные интересы на международной арене. Активность военно-политических структур не очевидна. Военный потенциал характеризуется укреплением количественных и качественных составляющих. Военно-боевой опыт недостаточен при наличии реальных для этого возможностей. Участие в механизмах обеспечения глобальной и региональной безопасности с опорой на собственные ресурсы не очевидно. Оснащение собственных вооруженных сил осуществляется зачастую за счет нелегального копирования зарубежных технологий, что негативно сказывается на международном военно-техническом взаимодействии с партнерами. Современная оборонная доктрина строится на принципе избегания прямого вооруженного столкновения и неучастия в конфликтах. Расходы на оборону сохраняются на высоком уровне [12].

Таким образом, если согласно авторитетным рейтингам Россия по оборонным показателям выводится на лидирующие позиции, то опасения НАТО в отношении России в данном контексте нам представляются гипертрофированными и не имеющими под собой реальных оснований по следующим причинам. Во-первых, инициаторами самых разрушительных по своим масштабам глобальных войн как «наполеоновских», так и I и II Мировых войн за последние столетия выступали западные государства – и никогда Россия. Во-вторых, новейшее оружие России, которое другим государствам мира только предстоит создать, носит исключительно оборонительный характер и не относится к наступательным видам вооружений.

Оборонительный характер нового оружия России создаёт благоприятные внешние условия мирной форме развертывания политического процесса, является основой решения самых насущных внутренних вопросов в обеспечении экономического и социального роста. Как подчеркивают в российском Генштабе, «новейшее российское оружие способно купировать возможности возникновения предпосылок для «Большой войны», как минимум, до 2050 г.», выступая фактором сдерживания потенциального агрессора [13].

Однако подготовка США к выходу из российско-американского Договора о мерах по сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), действие которого заканчивается в феврале 2021 г., может обуславливаться разработками в США т. н. «абсолютного оружия», «которое

сможет поразить цели до того, как цели достигнут его»^{5,7} Примерной датой завершения работы над подобным оружием эксперты американского журнала «The National Interest» называют 2027 г. к тому моменту, когда американские стратегические ядерные силы должны приобрести новые боевые качества [14].

Руководитель центра международной безопасности ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН акад. А. Г. Арбатов предупреждает о том, что «ядерная триада у США более качественная по сравнению с Россией». Кроме этого «территориальное расположение России является уязвимости, поскольку Россия, в отличие от США, располагается в пределах досягаемости носителей ядерного оружия всех остальных восьми ядерных государств»^{6,8}

Тем не менее, отдельные страны из группы восьми, обладающие ядерным оружием, такие, например, как Израиль, не представляют угрозы для России. Что касается Китая, то «Китай, стратегический союзник России и ориентирует свои ядерные силы на США и Индию. Индия, является давним другом России и направляет ядерное оружие на Китай и Пакистан, а Пакистан – всецело на Индию. КНДР – на зарубежные базы США в регионе». Поэтому, утверждает А. Г. Арбатов, «России необходимо сосредоточиться, прежде всего, на сдерживании США». В случае же негативного развития событий «наиболее вероятными сценариями начала гипотетической ядерной войны между США и Россией» называется «реакция на ложную тревогу или обострение локального конфликта там, где столкнутся вооруженные силы противоборствующих сторон» [15].

Вместе с тем, несмотря на купирование признаков для Большой войны, продолжают сохраняться риски отдельных «кризисных ситуаций, способных выйти из под контроля и перерасти в военный конфликт большого масштаба». Одним из таких рисков представляется распространение пандемий нового типа, схожих с коронавирусной инфекцией «COVID-19», распространившейся по всему миру в начале 2020 г.

С точки зрения внешних факторов, обстановка в современном мире по-прежнему остается нестабильной и неопределенной, а её развитие приобретает всё более динамичный характер. Это обусловлено стремлением отдельных государств навязать собственные принципы суверенным странам, в том числе с использованием силовых методов. А в отношении государств, пытающихся проводить независимую политику, продолжает осуществляться политическое, экономическое, информационное и дипломатическое давление, в том числе и на Россию. При этом тенденции изменения форм вооружённой борьбы позволяют сделать вывод, что войны будущего могут вестись во всех сферах. Решения саммита НАТО в Лондоне (2019 г.), на котором космическое пространство признано пятой операционной средой, подтверждают данный вывод. В этих условиях Россия должна быть готова к любому сценарию развития международной

⁵ В процессе подготовки статьи стало известно о достижении в последний момент договоренности между Россией и США о продлении Договора СНВ-3 еще на 5 лет до 5 февраля 2026 г. Ключевое значение для подписания этого соглашения имел телефонный разговор российского президента В. В. Путина с американским коллегой Джоозефом Байденом, состоявшимся 26 января 2021 г.

⁶ 9 ядерных государств: 5 официальных государств-членов ядерного клуба – США, Россия, Франция, Великобритания. Китай. 4 – неофициальные, де-факто: Индия, Пакистан, Израиль и КНДР.

обстановки. Следовательно, оборонный потенциал России, как в настоящее время, так и в перспективе должен поддерживаться на уровне, позволяющем отразить агрессию против России любого масштаба, из любой среды.

На это нацелен Указ Президента РФ «Об основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» от 02.06.2020 г. № 355, в котором содержится последнее предупреждение потенциальным противникам России о неотвратимости возмездия в случае агрессии против России и (или) ее союзников. Согласно новой государственной политике в области ядерного сдерживания, Россия оставляет за собой право применить ядерное оружие как в случае прямой агрессии против нее и (или) ее союзников, так и превентивных целях, когда военные опасности перерастают в военные угрозы (угрозы агрессии) [16].

Таким образом, новые тенденции политического процесса обусловлены глубокими внутренними и внешними факторами, отражаются в масштабном реформатировании Конституции и обновлении практики государственного строительства, а также процессами, связанными со спецификой внешнеполитической ситуации в мире, в целом. Нам представляется, эти изменения при должном учете внутренних и внешних факторов, обеспечат: защиту и уважение человека труда; повышение роли семьи, детей как приоритета государственной политики; обеспечение социальных гарантий, доступной и качественной медицины каждому; формирование государственной элиты из патриотов, для которых государственная служба – это, прежде всего, служение российскому народу; перераспределение полномочий между институтами государственной власти при сохранении гарантий устойчивости политической системы в направлении усиления позиций российского парламента и повышение его роли в жизни общества, обретение институтом президентства новых полномочий и нового качества; укрепление ответственности парламентских партий; усиление роли Конституционного суда; придание Госсовету нового статуса и роли в политической системе; поддержку институтов гражданского общества; сохранение уникального природного богатства России, снижение негативного воздействия на окружающую среду, сохранение биологического разнообразия; сохранение культурного наследия, защиту культурной самобытности народов; поддержку российской науки, научно-технологического потенциала (прежде всего, информационных технологий); укрепление суверенных позиций России на международной арене, повышение обороноспособности государства на десятилетия вперед, исключение раз и навсегда вероятных действий и призывов к действиям направленных на отчуждение части территории государства. Таким образом, обновление политической системы и практики государственного строительства – неотъемлимое условие прогрессивной эволюции общества и стабильного развития, когда незыблемым остается главное – национальные интересы государства.

Список использованных источников

1. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию 15 января 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>. – Дата доступа: 20.01.2020.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публич-

ной власти» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/. – Дата доступа: 12.05.2020.; Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru/. – Дата доступа: 07.12.2020.

3. Указ Президента РФ «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» от 28 ноября 2018 г. № 680 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/43794/>. – Дата доступа: 07.06.2020; Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019–2027 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/36457/>. – Дата доступа: 07.06.2020.

4. Указ Президента РФ «Об утверждении Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.» от 10 октября 2019 г. № 490 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/61785/>. – Дата доступа: 10.05.2020.

5. *Harari, Y. N.* Les technologies menacent la démocratie libérale [Электронный ресурс] / Y. N. Harari. – Режим доступа: <https://www.letemps.ch/monde/2019/jul/12/>. – Дата обращения: 01.05.2020.

6. Human Brain/Cloud Interface [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnins.2019.00112/full/>. – Дата доступа: 15.04.2019.

7. «Левада-центр»: почти половина россиян заметила ухудшение уровня жизни в стране в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/23dec2019/>. – Дата доступа: 23.12.2019.

8. Более трети россиян назвали справедливой зарплату в 50 тысяч рублей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/>. – Дата доступа: 11.12.2019.

9. *Панченко, А. В.* Политология в контексте современного мирового политического процесса / А. В. Панченко // Научные труды Республиканского института высшей школы. Сер. Филос.-гуманит. науки. Сб. науч. ст., Вып. 18. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 214–227.

10. Nato besorgt über neue Hyperschallwaffen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/nato-besorgt-ueber-russische-hyperschallwaffen/2020/feb/13/>. – Дата доступа 30.04.2020.

11. The Senseless Danger of the Military’s New «Low-Yield» Nuclear Warhead [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slate.com/news-and-politics/2020/02/low-yield-warhead-nuclear-weapons-navy-trident-submarines/>. – Дата доступа: 23.02.2020.

12. Новое исследование ЦПИ: «Оборонный потенциал государств: проблемы оценок и новые подходы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit-info.ru/press-center/news/06/04/20/>. – Дата доступа: 07.06.2020.

13. Начальник Генштаба ВС РФ В. Герасимов: О возможности «Большой войны» // Красная звезда. – 2019, 18 дек.

14. *Trevithick, J.* The US Army Is Developing the Ultimate «Big Gun» / J. Trevithick // The National Interest [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/revealed-the-us-army-developing-the-ultimate-big-gun-15628/30/03/2016/>. – Дата доступа: 10.06.2020.

15. *Арбатов, А. Г.* Многостороннее разоружение потребует жертв / А. Г. Арбатов // Независимая газета. – 2019, 12 авг.

16. Указ Президента РФ «Об основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» от 02.06.2020 № 355 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040/>. – Дата доступа: 03.06.2020.

(Дата подачи: 04.02.2021 г.)

О. А. Посталовская

Белорусский государственный экономический университет, Минск

O. A. Postalovskaya

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 327+502.1

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ЭКОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT OF ECOPOLITICAL CONFLICT IN POLITICAL SCIENCE

Представленная статья посвящена рассмотрению феномена экополитического конфликта как инновационной формы современных технологий конфликторазрешения. В работе анализируются подходы к определению данного понятия в контексте политической науки, сравниваются авторские интерпретации понятия «экополитический конфликт», формулируется вывод о необходимости рассмотрения данного типа конфликторазрешения как структурно-обособленного направления в политической конфликтологии. Результатом любого экополитического конфликта выступают наступающие для сторон противостояния политические последствия. Ярко выраженная политическая компонента в вопросах природоохранной деятельности позволяет говорить о новых формах современных политических конфликтов.

Ключевые слова: экология; экополитика; экосфера; экополитический; конфликт; экополитический процесс.

The presented article is devoted to the consideration of the phenomenon of ecopolitical conflict as an innovative form of modern technologies of conflict resolution. The paper analyzes approaches to the definition of this concept in the context of political science, compares the author's interpretations of the concept of «ecopolitical conflict», formulates a conclusion about the need to consider this type of conflict resolution as a structurally separate direction in political conflictology. The result of any eco-political conflict is the political consequences that come for the opposing sides. A pronounced political component in environmental protection issues allows us to talk about new forms of modern political conflicts.

Keywords: ecology; ecopolitics; ecosphere; ecopolitical conflict4 ecopolitical process.

В современных условиях развития социума конфликтогенный процесс как форма столкновения интересов и разрешения социальных противоречий, выступает неотъемлемым атрибутом функционирования общества. Конфликты и противоречия принимают состояние устоявшейся нормы для социальных систем, поскольку условного бесконфликтного общества не существует, а сами по себе представления о «бесконфликтной модели» приобретают утопическое содержание. Немаловажным также представляются процессы перманентных социально-политических трансформаций, в рамках которых происходит постоянное изменение структуры политических институтов, появление новых субъектов политического действия, модернизация органов государственного управления. Общественно-политические трансформации, равно как и общие процессы модернизации и научно-технического прогресса приводят к усложнению системы межличностных и социальных отношений, вследствие чего преобразования затрагивают также сферу социальных конфликтов как формы разрешения противो-

речий в обществе. В связи с чем, сами по себе конфликты в своем эвристическом и структурно-функциональном содержании также претерпевают изменения. Формируются новые модели конфликтного процесса, равно как и новые технологии конфликторазрешения. Одной из инновационных форм разрешения конфликтности в политической сфере выступает экополитический конфликт.

Экополитический конфликт как сама экополитология в целом выступает в качестве нового и малоисследованного в настоящее время направления политической науки. Усложнение социальных отношений по линии «Человек – Природа – Общество», увеличивающиеся влияние ТНК и природоохранных организаций на формирование повестки национальной безопасности, появление экологических политических партий и иных форм гражданского эоактивизма привели к структурному оформлению экополитического процесса как неотъемлемой части политической сферы. Одним из обязательных атрибутов функционирования экополитического процесса выступает экополитический конфликт как форма конфликторазрешения противоречий в экологической либо природоохранной сфере. В связи с чем, основной задачей настоящей статьи выступает концептуализация понятия «экополитический конфликт» с позиций теоретико-методологического инструментария политической науки.

Концептуальные основания политологического исследования экополитического конфликта как формы разрешения политических противоречий в сфере экологии и результата столкновения интересов экологических субъектов нашли отражение в работах А. А. Алимова [1], Е. И. Глушковой [5], В. Б. Гольбрайха [6], А. Л. Демчука [7], И. А. Халий [13] и др. Труды указанных авторов посвящены осмыслению и аналитической рефлексии экологической компоненты в политической сфере. Как правило, экология рассматривается в качестве структурно обособленного элемента политического (экополитика). Экологические противоречия приобретают политическое значение, оказывая воздействие на внутриполитические процессы, а в отдельных случаях и на взаимоотношения между государствами. В настоящее время «экология стала не только предметной сферой для последующего перехода публичного обсуждения экологических проблем в политическое пространство, но и формой реализации интересов конкретных лоббистских групп, использующих сакральные экофобные образы для воздействия на процессы формирования общественного мнения» [10, с. 56] Вместе с тем, представляется недостаточно разработанными вопросы операционализации понятия «экополитический конфликт», в связи с чем, могут формироваться инвариантные трактовки оперирования данным термином.

Экополитический конфликт рассматривается нами, с одной стороны, как неотъемлемая форма экополитического процесса в целом. С другой стороны, экополитический конфликт также необходимо рассматривать как инвариантную производную конфликта политического. Как отмечается в работе А. В. Глуховой, «политический конфликт должен рассматриваться как динамический тип взаимодействия в рамках поля политики как процессирующей структуры, т. е. развивающейся системы конкретных взаимодействий, союзов и конфликтов политических сил» [4, с. 41]. Представленное определение, на наш взгляд, необходимо проецировать и на сам экополитический конфликт, в рамках которого происходит динамическое воздействие и столкновение интересов экологических субъектов либо формируется противоречие по проблемам экологии, разрешение которого переходит в политическую сферу.

Экополитический конфликт рассматривается в качестве научно-теоретического концепта общей теории «естественного конфликта». В научной среде при описании парадигмы «естественного конфликта» отмечается, что «конфликты и различного рода противоречия характерны для любого типа обществ, динамика общественных процессов формируется во многом как объективный результат происходящих в социальной системе конфликтов» [11, с. 28]. Экополитический конфликт необходимо рассматривать в рамках указанной «естественной» конфликтологической парадигмы (М. Вебер, Р. Дарендорф, Л. Козер), поскольку в современных условиях ограниченности природных ресурсов, технологизации промышленного производства, утилизации отходов и общих вопросов загрязнения окружающей среды столкновение интересов заинтересованных субъектов представляется неизбежным и где-то даже необходимым в связи с необходимостью снятия напряженности в рамках возникающих проблем. Наряду с возникающими конфликтами в природоохранной сфере условно «естественным» и трендовым в настоящее время становится функционирование экологических партий и общественных объединений. Экологические партии не только ставят в своих программах первоочередное разрешение экологических проблем. Они включены в борьбу за достижение власти в государстве, в связи с чем, также являются субъектами экополитического процесса в целом и возможными сторонами в экополитическом конфликте. Учитывая сказанное выше, на наш взгляд, необходимо констатировать, что современные экополитические конфликты по своему содержанию вписываются в общую парадигмальную концепцию «естественного конфликта».

Определившись с содержательным отнесением экополитического конфликта к парадигмальным конфликтологическим концепциями, необходимо перейти к рассмотрению вопросов концептуализации и операционализации данного понятия в политической науке. Реферативный анализ опубликованных в рамках заявленного проблемного поля работ показывает, что в настоящее время в политической науке не сформировано универсальной дефиниции экополитического конфликта. Как правило, в основном встречаются такие трактовки как «экологический конфликт» — столкновение интересов в сфере экологии без привязки к политическому процессу, при этом участие властных институтов либо иных субъектов политического поля допускается. Так, В. В. Сабадаш определяет экологический конфликт как «...противостояние на внутри- и/или межгосударственном уровнях, вызванное несовместимыми или враждебными интересами одной или более сторон и их борьбой за право собственности, использования (распределения) природных ресурсов или их контроля, сопровождаемое возможным применением насильственных методов для достижения цели» [12, с. 19]. В интерпретации Н. Н. Мылиной экологический конфликт представляется в качестве «разновидности социального конфликта, возникающего ввиду природопользования (или планируемого использования природных ресурсов), в результате которого социальный субъект испытывает ухудшение (или угрозу ухудшения) окружающей его среды и стремится предотвратить это ухудшение путем социального столкновения» [8, с. 258–259]. Представленные взгляды ученых в отношении сущности политического конфликта в экологической сфере являются обоснованными, однако более операционализированным, на наш взгляд, выступает понятие экополитического конфликта как наиболее точно выражающего сущность столкновений интересов политических субъектов по вопросам экологии и природоохранной деятельности.

В данном случае наиболее оптимальным представляется интерпретация данного понятия в работе Н. А. Борисова, отмечающего, что «экополитический конфликт – это противоборство по поводу природных ресурсов, организующее заинтересованные стороны до уровня политических субъектов» [2, с. 57]. Соглашаясь, в целом, с позицией автора по указанному вопросу, представленная дефиниция, на наш взгляд, нуждается в корректировке с акцентированием внимания на политических последствиях противоборства. Учитывая вышесказанное, экополитический конфликт представляет собой столкновение интересов экологических субъектов, предполагающее разрешение возникающего противоречия посредством использования инструментов публичной политики, результатом которых будут выступать политические последствия для сторон конфликта. Экополитический конфликт выступает составной частью экополитического процесса, в котором отчетливо просматривается активное политическое участие заинтересованных субъектов. Результатом экополитического конфликта является достижение превосходства одной из сторон конфликтного процесса и разрешение противоречия в свою сторону.

Причинами экополитических конфликтов, по мнению Н. А. Борисова и В. А. Волкова, выступает достижение экополитического суверенитета. В рамках данного состояния предполагается обладание невозполнимыми дефицитными ресурсами и контроль над сложными технологиями в современном мире, который «...становится источником конфликтов самого разного спектра – от информационных до военных» [3, с. 83]. Условный экологический суверенитет как результат разрешения экополитического конфликта формирует такое состояние как «экологическая безопасность». Экологическая безопасность, по мнению Н. А. Борисова, представляет собой «...обеспечение доступа политического субъекта к совокупности ограниченных природных ресурсов как условию сохранения своего экополитического суверенитета, а также обеспечение контроля над техногенными воздействиями и катастрофами» [2, с. 67]. Достижение условной экологической безопасности может рассматриваться в качестве одной из целей и конечной задачи сторон экополитического конфликта.

В контексте исследования вопросов операционализации экополитического конфликта в политической науке также встречается такой термин как «экополитическое насилие». Сутью экополитического насилия, по мнению С. А. Нефедова, «состоит в том, что члены определенного политического сообщества, недовольные экологической деградацией, обращаются к насилию для борьбы с членами этого же политического сообщества, осуществляющих или поддерживающих политику разрушения окружающей среды» [9, с. 155]. Экополитическое насилие в интерпретации С. А. Нефедова выступает радикальной формой разрешения противоречий в экологической сфере. Указанная форма конфликторазрешения (радикализация действий сторон конфликта), в принципе, характерна для всех форм политической конфликтологии.

Таким образом, на основании анализа заявленного проблемного поля можно сделать следующие выводы. Экополитология в своем эвристическом содержании формирует такие категории как экополитический процесс и экополитический конфликт как составную часть социально-политических процессов, происходящих в настоящее время в современных государствах. Вопросы природоохранной деятельности, защиты окружающей среды, загрязнения экосферы приобретают не только социальное, но и политическое значение. Экологическая

проблематика выносятся на первые роли актуальной политической повестки, вследствие чего формируются экологические политические партии и общественные движения, занимающиеся эоактивизмом. Вследствие чего необходимо отнести конфликты в экологической сфере (экологические конфликты) к полноправным атрибутам современного политического процесса. Сам по себе экополитический процесс предполагает возникновение различного рода противоречий и столкновения интересов экологических субъектов, результатом которых выступают политические последствия для сторон конфликта. На основании вышесказанного необходимо сделать вывод, что экополитический конфликт является самостоятельным, структурно-обособленным типом современного социального конфликта, который необходимо рассматривать в качестве отдельного направления политической конфликтологии.

Список использованных источников

1. *Алимов, А. А.* Экологические последствия современного военного конфликта / А. А. Алимов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6. – Вып. 2. – 2005. – С. 135–142.
2. *Борисов, Н. А.* В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии: монография / Н. А. Борисов, В. А. Волков; Сев.-Зап. ин-т упр. – фил. РАНХиГС. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014. – 144 с.
3. *Борисов, Н. А.* Экологический кризис как детерминанта структуры современной политической экологии / Н. А. Борисов, В. А. Волков // Власть. – 2014. – № 3. – С. 81–86.
4. *Глухова, А. В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ) / А. В. Глухова. – М.: Книжный дом «Либроком». – 2010. – 280 с.
5. *Глушеникова, Е. И.* Политическая активность экологических неправительственных организаций (экоНПО) в экологической политике России / Е. И. Глушеникова // Русская политология. – Russian Political Science. – 2017. – № 3. – С. 27–31.
6. *Гольбрайт, В. Б.* Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие / В. Б. Гольбрайт // Социологические исследования. – 2019. – № 6. – С. 74–85.
7. *Демчук, А. Л.* Политические аспекты управления международными экологическими конфликтами / А. Л. Демчук // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 240–248.
8. *Мылина, Н. Н.* Теоретико-методологические основы исследования экологических конфликтов как социальной категории / Н. Н. Мылина // Историческая и социально-образовательная мысль. – Т. 6. – № 6 – Ч. 2. – 2014. – С. 258–261.
9. *Нефедов, С. А.* Экополитическое насилие как феномен современной политической жизни / С. А. Нефедов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5. – С. 154–158.
10. *Посталовская, О. А.* Экологическая политика: теория и социально-политическая практика: монография / О. А. Посталовская. – Минск: РИВШ. – 2020. – 144 с.
11. *Посталовский, А. В.* Теоретические основания социологического изучения особенностей воздействия дестабилизирующих факторов современного мира на развитие государства и общества / А. В. Посталовский // Дестабилизирующие факторы современности: социологический анализ / Д. Г. Ротман [и др.]; под ред. Д. Г. Ротмана, Д. М. Булышко. – Минск: БГУ, 2020. – С. 24–46.
12. *Сабадаш, В. В.* Теоретико-методологические аспекты исследования экологического конфликта в современной системе природопользования / В. В. Сабадаш // Экономика природопользования. – 2009. – № 6. – С. 10–22.

13. Халий, И. А. Российская локальность: интродукция глобализации и экполитические конфликты / И. А. Халий // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2004 / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – С. 291–317.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

М. И. Радкевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

M. Radkevich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321.01

ИДЕОЛОГИЯ КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВ СОВРЕМЕННОСТИ

IDEOLOGY AS A PHENOMENON OF MODERN SOCIETIES

В статье представлено, что феномен идеологии возник в период формирования обществ современности и что как таковой в традиционных обществах он отсутствовал; феномен идеологии возник как отрицание функции истолкования и легитимации социально-политических явлений религиозными институтами традиционных обществ. Современность понимается как начавшаяся в XVII в. и продолжающаяся по настоящее время эпоха утверждения и развития в Европе и других регионах мира посттрадиционных обществ, характеризующаяся четырьмя основными институциональными измерениями обществ современности (по Э. Гидденсу).

Ключевые слова: идеология; церковь; традиционные общества; современность; модерн; общества современности; институциональные измерения.

The article presents that the phenomenon of ideology arose during the formation of modern societies and that, as such, it was absent in traditional societies; the phenomenon of ideology arose as a denial of the function of interpreting and legitimizing socio-political phenomena by religious institutions of traditional societies. Modernity is understood as having begun in the 17th century. and the continuing to the present era of the establishment and development of post-traditional societies in Europe and other regions of the world, characterized by four main institutional dimensions of modern societies (according to E. Giddens).

Keywords: ideology; church; traditional societies; modernity; modern; modern society; institutional dimensions.

Понятие «идеология» уже почти 230 лет является одним из самых распространенных в обществоведческой литературе и в то же время наиболее дискуссионным. Несмотря на неоднократное провозглашение конца обозначаемого им феномена, оно практически никогда не исчезало из политического лексикона. Можно констатировать, что к настоящему времени в общественном сознании сложился определенный – и в целом разделяемый ученым сообществом – комплекс утверждений, связанных с выделением и объяснением среди всего многообразия социальных явлений современных обществ феномена, получившего название «идеология». Словом, речь идет о развиваемой научным сообществом теории идеологии как составной части современного политологического знания.

Феномен собственно идеологии, как и обозначающий его термин, появился в современную эпоху, или в Новое время. Он представляет собой совокупность

идей, принципов и представлений, на основе которых формировались институты обществ, получивших название современных, или современных. Однако длительную генетическую связь с идеологией исследователи усматривают уже в древних верованиях людей и связанных с ними культовых практик, широко распространенных среди различных народов вплоть до настоящего времени. Речь идет о представлениях о духах, или божествах, как сверхъестественных существах и деятельности особых людей – знахарей, колдунов, шаманов, прорицателей, оракулов, жрецов, брахманов и т. д., – выступавших посредниками между людьми и этими существами. Их задачей являлось истолкование фундаментальных начал реальности, смысла переживаемых сообществами людей жизненных ситуаций и выработки рекомендаций к практическим действиям, угодным сверхъестественным силам.

По мере развития и усиления статичности традиционных обществ функции интерпретации существующей реальности все более сосредотачивались в религиозных организациях различной степени сложности – пантеистических, политеистических, монотеистических, племенных, региональных, мировых. В ходе данного процесса одни категории служителей культовых практик оказывались на обочине духовной жизни и их регулирующая роль снижалась, другие же – приобретали все большее значение.

В Европе в период Средневековья фактически монополией контроля над формированием картины мира и обоснованием должного общественного уклада завладела каста священнослужителей христианской церкви, а после ее разделения на западную и восточную церкви (1054) – католическое и православное духовенство. Данная группа людей осуществляла не только функцию объяснения существующего мироустройства, но и сглаживания имеющихся противоречий в примитивных концептуальных представлениях о явлениях действительности. «Проповедь, исповедь, вероучение, – отмечал немецкий исследователь К. Манхейм, – составляют те средства, с помощью которых происходит сближение различных концепций на том уровне социального развития, когда мышление еще не достигло своей последующей изощренности» [1, с. 15].

Во времена феодализма церковь являлась основным институтом, призванным выполнять функцию легитимации социальных явлений. Включив в сферу святости, то есть представлений о божественном происхождении практически всех проявлений жизнедеятельности людей, особенно властных отношений, она веками обеспечивала стабильность социально-политической жизни. Одновременно надо заметить, что церкви приходилось постоянно вести борьбу с появляющимися учениями, называемыми ересями, отклоняющимися от официальной интерпретации явлений духовной, а также социально-политической и бытовой жизни верующих.

Новые – уже непосредственные – предпосылки идеологии создаются в XVII–XVIII вв. в странах Европы и Северной Америки в результате деятельности участников интеллектуального движения, получившего название Просвещения. Видными его представителями в Англии были Дж. Локк, И. Ньютон, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и др., в Шотландии – А. Смит, Дж. Макферсон, Д. Юм, А. Фергюсон и др., во Франции – Вольтер, Д. Дидро, Д. Аламбер, Ш. Монтескьё, Ж. О. де Ламетри, К. А. Гельвеций, П. А. Гольбах, Э. Б. де Кондильяк, Ж. А. Кондорсе, Ж.-Ж. Руссо и др., в Германии – Г. Э. Лессинг, Г. В. Лейбниц, И. Г. Гердер, И. В. Гёте, Ф. Шиллер, В. Гумбольдт и др., в Северной Америке –

Т. Джефферсон, Б. Франклин, Т. Пейн и др. Они действовали также в Венгрии, Польше, Чехии, России и других странах Европы.

Свои идеи просветители излагали в философских, исторических, политических, экономических, юридических и педагогических трудах, литературных произведениях, театральных пьесах. Произведения многих из них вошли в золотой фонд мировой философской, социально-политической, правовой и педагогической литературы. Среди них работы Ф. Бэкона «Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы» (1620), Дж. Локка «Опыт о человеческом разуме» (1690), Ш. Монтескьё «О духе законов» (1748), Вольтера «Опыт о нравах и духе народов» (1756), Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре» (1762) и «Эмиль, или О воспитании» (1762), А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1784–1792) и др. Самым знаменитым произведением французских просветителей стало многотомное издание «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» (35 т., 1751–1780 гг.), осуществленное Д. Дидро и Д. Аламбером. Путем распространения развивавшихся в то время научных знаний, идей прогресса, добра и справедливости они стремились исправить недостатки существующего мироустройства, изменить общественные нравы и быт людей.

Предметом критического анализа просветителей явилось «старое», основанное на освященных церковью традициях общественное устройство; религиозному объяснению мироустройства они противопоставили понимание природных и социальных явлений согласно данным науки и доводам человеческого рассудка. Принципиальными положениями мировоззрения просветителей стало наделение разума – а не Священного Писания – статусом высшего авторитета и следующий из этого этический принцип ответственности субъектов рассудочной деятельности – просвещенных индивидов. Доводы разума применительно к организации общественной жизни, в конечном счете, сводились к установлению таких общественных институтов и правил практической деятельности людей, которые рассматривались просветителями в качестве условий достижения цели [2].

Идеи просветителей мировоззренческого характера, выдвигавшиеся ими конкретные принципы организации различных областей жизнедеятельности общества – государства, политики, экономики, права, статуса индивида, этические и эстетические нормы – оказались адекватными назревшим общественным изменениям, особенно интересам и устремлениям третьего сословия во Франции и аналогичным группам населения в других странах. Одновременно их идеи получали апробацию и практическое воплощение в ходе революций XVII–XVIII вв. в странах Европы и Северной Америки. С этих революций начался отсчет эпохи современности, или Нового времени, как этапа исторического процесса. Оно получило название «нового», поскольку в своих сущностных чертах характеризуется радикальным отвержением принципов и устоев «старого», традиционного, общества.

Новейшие результаты осмысления процесса общественного развития получены одним из наиболее значительных современных социологов Э. Гидденсом. Целостная оригинальная концепция современных обществ, причем с использованием термина «современность», изложена им в книгах «Последствия современности» (1990), «Модернити и самоидентичность» (1991). Приведем его положения относительно существенных черт или, согласно его терминологии, институциональных измерений обществ современности.

Современность (модерн, модернизи, модерність) понимается как начавшаяся в XVII в. и продолжающаяся по настоящее время эпоха утверждения и развития в Европе и других регионах мира посттрадиционных обществ. Согласно Э. Гидденсу, новый тип обществ характеризуется такими отличительными признаками, как: капиталистический способ производства, индустриальные технологии, механизмы административного контроля и монопольное использование государством средств осуществления насилия в пределах четко обозначенных в территориальном отношении границ [3, с. 177–187]. Общественные образования такого типа получили название современных (современных) обществ. Важнейшим феноменом современности является идеология, возникшая как способ легитимации общественных институтов нового типа.

Э. Гидденс обратил внимание на некорректность подхода, когда в поисках единого основания для определения типа обществ современности исследователи стремятся либо индустриализм рассматривать как подвид капитализма, либо наоборот. «В противоположность этому редукционизму, – считает он, – нам следует рассматривать капитализм и индустриализм как два различных «организационных блока» или измерения, включенных в институты современности» [3, с. 177]. Под капитализмом он понимает систему производства товаров для рынков со свободной конкуренцией, сосредоточенную вокруг отношения между частным владением капиталом и лишенным собственности наемным трудом. Основной характеристикой индустриализма, по его мнению, является использование неодоушевленных источников физической энергии при производстве изделий независимо от степени технологичности используемых приспособлений. Организованное на указанных принципах общество, как он пишет, «является «обществом» лишь потому, что оно – национальное государство». Ни одно из предшествовавших современности государств не смогло развить административного согласования функционирования составляющих их элементов до такого уровня, который был достигнут в рамках национального государства.

Дополнительное представление об организующих общества современности принципах дает их систематизация, выполненная видным польским социологом П. Штомпкой. В своей книге «Социология социальных изменений» (1993) в качестве таковых он выделил индивидуализм, дифференциацию, рациональность, экономизм и экспансию [4].

Индивидуализм исходит из того, что каждый человек свободен от обязательных групповых связей, по собственному усмотрению определяет свои отношения с другими людьми и несет личную ответственность за свои успехи и неудачи. Данный принцип обосновывается, с одной стороны, пониманием человека как абстрактного существа, свойства которого не зависят от исторических, социальных и культурных условий его жизнедеятельности и, с другой стороны, представлением о человеческих общностях (общинах, народах, нациях) и группах людей как механических скоплениях отдельных индивидов. Д. Нейсбит «триумф индивидуального» считает центральной «мегатенденцией» современности [5].

Дифференциация есть процесс непрерывного усложнения обществ современности, приводящий к разграничению и специализации функций их институтов. Использование неодоушевленных источников энергии в сочетании со сложными механическими инструментами требует множества специальных занятий и профессий. Это, в свою очередь, предполагает высокий уровень образования,

компетентности, опыта и ответственности работников. Данный фактор наиболее значим в сфере труда и в сфере потребления с их разнообразием возможностей и «жизненных шансов».

Рациональность – способ деятельности, обеспечивающий эффективное достижение поставленной цели. С момента возникновения современных обществ рациональными считаются действия, основанные на разумных, т. е. научных, представлениях о явлениях действительности. При этом, однако, проблематичным остается вопрос о рациональности самих целей деятельности. Как будет показано далее, представления людей и выдвигаемые ими цели определяются не только достоверными знаниями, которые всегда неполны, но и положением групп людей в существующей действительности, с чем связано возникновение идеологии как феномена обществ современности. Тем не менее, науке в таких обществах отводится важнейшая роль в обеспечении их эффективного функционирования. Функцию управления здесь обеспечивает свободная от элементов традиционализма бюрократия, руководствующаяся формально установленными, понимаемыми как ведущими к достижению искомого результата, правилами и нормами деятельности.

Экономизм – основанный на владении капиталом и использовании наемного труда способ производства товаров и услуг, предназначенных для их продажи с целью получения прибыли. Такой вид производства составляет доминирующую сферу жизнедеятельности обществ современности, определяющей динамику других областей общественных отношений и являющейся показателем эффективности социальных процессов. Организация производства в обществах модерна в первую очередь ориентирована на потребление товаров и услуг. Эту их черту приемлет подавляющее большинство их населения; в то же время она систематически культивируется всеми их институтами в ущерб необходимым условиям развития личности. В силу этого Г. Маркузе определил такой тип общественной организации термином «одномерное общество», а образ мыслей его населения – «одномерное мышление» [6].

Экспансия – способность обществ современности подчинять своим принципам жизнедеятельность отставших от них в своем развитии другие общества. Согласно И. Валлерстайну, капиталистическая экономика в немногих отношениях связана с границами определенных социальных систем. С самого начала капитализм был проектом в рамках мировой экономики, а не национальных государств. Капитал никогда не допускал, чтобы его стремления определялись границами национальных государств [3, с. 194]. Потребностям предпринимателей-капиталистов, утверждает ученый, вполне отвечает такое мироустройство, которое наделяет «как государства, так и межгосударственную систему ограниченной властью... Максимум, на чем они настаивают, – это наличие такого государства, которое играло бы, если можно так выразиться, роль ночного сторожа» [7, с. 86].

Ни одно из обществ современности, согласно Э. Гидденсу, еще не вышло за пределы указанных им измерений или принципов организации. «В настоящее время, – утверждает он, – мы живем в эпоху высокой современности». Это означает переход современных институтов на новый – глобальный – уровень. Если изначально сфера их распространения ограничивалась европейскими масштабами, то теперь она охватывает весь мир. Кроме того, происходящие в обществах современности процессы способны проникать в глубинные пласты их организации, касаясь самых частных, интимных проявлений жизнедеятельности

людей, таких, например, как религиозные убеждения, сексуальные отношения, потребительские предпочтения, культурные приверженности и т. д. Тем не менее, все это, считает Э. Гидденс, не дает оснований говорить о постсовременности, или постмодерне, как уже существующей реальности. Поэтому, решительно заявляет он, необходимо отбросить как не заслуживающую серьезного внимания идею постмодернистов о том, что «невозможно никакое систематическое знание о человеческих действиях и тенденциях социального развития» [3, с. 164–173].

Разумеется, конкретные общества современности в разной степени соответствуют приведенным признакам. Каждое из них является индивидуальным историческим образованием и, следовательно, обладает собственной спецификой. Перечисленные общие признаки получены посредством отвлечения и мысленного усиления (идеализации) свойственных современным обществам типических черт. В своей совокупности эти черты образуют идеально-типическую конструкцию, или идеальный тип, в веберовском значении этого термина [8]. Следовательно, понятие «современное общество» или, что в данном контексте одно и то же, «общество современности» может служить инструментом сравнительного научного исследования.

Таким образом, современность как историческая эпоха и феномен идеологии как один из ее неперенных атрибутов, являются важнейшим предметом исследований ученых различных стран. За это время разработаны научные теории, объясняющие закономерность смены в ходе исторического процесса традиционных обществ обществами современности, а также раскрывающие признаки и внутреннюю логику развития данной эпохи, ее особенности на рубеже XX–XXI вв. Согласно английскому социологу Э. Гидденсу, новый тип обществ характеризуется такими отличительными признаками, как: капиталистический способ производства, индустриальные технологии, механизмы административного контроля и монопольное использование государством средств осуществления насилия в пределах четко обозначенных в территориальном отношении границ. Вместе с тем в отечественном политическом дискурсе практически не используется понятие «современность» и отсутствуют работы, в которых акцентировалось бы внимание на том, что феномен идеологии образовался в процессе становления обществ современности как отрицание функции истолкования и легитимации социально-политических явлений религиозными институтами традиционных обществ. Именно идеология, возникшая как способ легитимации общественных институтов нового типа, является неперенным атрибутом современных (современных) обществ.

Список использованных источников

1. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7–276.
2. Автономова, Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность / Н. С. Автономова. – М.: Наука, 1988. – 287 с.
3. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с.
4. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
5. Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380 с.

6. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.

7. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: социология XXI века / И. Валлерстайн. – М.: Логос, 2003. – 368 с.

8. Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345–415.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

В. В. Ревенко

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь

U. Revenka

Maxim Tank Belarusian state pedagogical University
named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus

УДК 796.08:[327+339.9](476)

ИМИДЖЕВЫЕ ПРОЕКТЫ В БЕЛОРУССКОМ СПОРТЕ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРАХ

IMAGE PROJECTS IN BELARUSIAN SPORTS AS A FACTOR IN ACHIEVING THE NATIONAL INTERESTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE POLITICAL AND ECONOMIC SPHERES

В статье анализируется влияние масштабных спортивных форумов, проводимых в Республике Беларусь, на достижение национальных интересов в политической и экономической сферах, как внутри государства, так и за его пределами. В частности, рассматривается проблема повышения политического имиджа страны, инвестиционной и туристической привлекательности. Катализатором исследования стало вовлечение спорта во все сферы деятельности человека и государства. В качестве источников информации используются материалы глобальных и региональных СМИ, аналитика экспертов, а также нормативно-правовые акты и иные документы, находящиеся в свободном доступе в Республике Беларусь. Как итог, получена объективная картина современного состояния процессов формирования имиджа в белорусском спорте. Предложены некоторые меры по повышению эффективности формирования имиджа спорта в интересах государства.

Ключевые слова: Республика Беларусь; имидж; имидж спорта; национальные интересы; спорт; спортивный форум; СМИ; политика; экономика; политическая реклама.

The article analyzes the impact of large-scale sports forums held in the Republic of Belarus on the achievement of national interests in the political and economic spheres, both inside the state and outside its borders. In particular, the problem of improving the country's political image, investment and tourist attractiveness is considered. The catalyst for the research was the involvement of sports in all spheres of human and state activity. The sources of information are materials from global and regional media, expert analysis, as well as legal acts and other documents that are freely available in the Republic of Belarus. As a result, an objective picture of

the current state of image formation processes in Belarusian sports is obtained. Some measures are proposed to improve the effectiveness of forming the image of sports in the interests of the state.

Keywords: The Republic of Belarus; image; image of sport; national interests; sport; sports forums; mass media; politics; economy; political advertising.

В начале XXI века глобализация не минула ни одной сферы жизнедеятельности человека. Не исключением стала и сфера спорта. Спорт является активным инструментом достижения политических и экономических интересов как государств, так и отдельных организаций. Здесь ключевой стоит считать имиджевую функцию спорта как фактор формирования имиджа государства. В настоящее время рядом стран и организаций используется широкий спектр технологий, формирующих имидж спорта. Среди наиболее популярных и актуальных можно отметить повышение роли личности спортсмена и спортивного функционера в формировании имиджа спорта, проведение крупных спортивных форумов, использование PR технологий, в том числе, «черного» PR и др. Зачастую субъекты формирования имиджа спорта используют данные технологии и с целью дискредитации стран и международных или национальных спортивных организаций. Ярким примером можно считать допинговый скандал в российском спорте. США с ее союзниками, благодаря докладу беглого российского спортивного функционера Григория Родченкова, обвинили ряд российских спортсменов и российские спортивные структуры в употреблении допинга, а также сокрытии фактов положительных допинг проб. Как следствие, имидж российского спорта испорчен, что повлияло и на имидж Российской Федерации на международной арене в целом. В данном случае рядом стран запада был применен целый комплекс дискредитирующих российский спорт инструментов для достижения определенных политических и экономических целей.

Однако, проведение в стране крупных международных спортивных соревнований в большей степени стоит отнести к инструментам, формирующим положительный имидж спорта, что напрямую влияет на достижение национальных интересов государства-организатора. Рассмотреть данный вопрос является целесообразным на примере Республики Беларусь, как на стране, в которой только за 2019–2020 годы состоялось четыре Чемпионата Европы по различным видам спорта и один Чемпионат мира, а также прошли II Европейские игры [1].

Рассматривая национальные интересы Беларуси в политической и экономической сферах, следует обратиться к Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко № 575 от 9 ноября 2010 года [2]. Анализируя данный документ, в части закрепленных в нем приоритетных национальных интересов в политической сфере, можно сделать вывод, что все они направлены на формирование положительного политического имиджа Беларуси на внутренней и международной арене, а также позиционирование Республики Беларусь как важного игрока в мировых политических процессах. В ключевых национальных интересах в экономической сфере можно увидеть четкую направленность на повышение экономической привлекательности Беларуси (формирование инвестиционной привлекательности, повышение конкурентоспособности белорусских товаров и др.), поддержание стабильного уровня жизни населения и стабильности финансовой системы. Об этом также свидетельствует Программа социально-эко-

номического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы (Указа Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 года № 466).

Ключевым национальным интересам в политической и экономической сферах в Республике Беларусь уделяется большое внимание на самом высоком уровне. Так, глава белорусского государства Александр Лукашенко лично предлагает некоторые пути их достижения и защиты. В частности, Президент рассматривает проведение в стране крупных спортивных мероприятий как способ повышения имиджа государства и, как следствие, достижения национальных интересов. Об этом А. Лукашенко заявил во время общения с прессой по итогам «Минской ложки-2019» [3]. С данным тезисом Президента нельзя не согласиться. Оценивая итоги проведения крупнейших международных соревнований в Республике Беларусь, таких как Чемпионат мира по хоккею – 2014 и II Европейские игры, видны явные политические и экономические дивиденды для страны. Так финал ЧМ по хоккею в Минске по данным издания «РИА НОВОСТИ», помимо главы белорусского государства, посетили президенты России и Туркменистана Владимир Путин и Эмомали Рахмон, а также ряд именитых спортсменов и спортивных функционеров Международной федерации хоккея (ИИХФ) и профильных организаций со всего мира [4]. Несомненно, визит столь высокопоставленных лиц и общение их в неформальной обстановке можно считать довольно эффективным способом межгосударственной коммуникации. Весьма интересным является тот факт, что на момент начала проведения хоккейного чемпионата, между Беларусью и Россией имелись некоторые разногласия в ценах на энергоносители. В течение нескольких недель по окончании турнира, а фактически после неофициального общения глав государств, все споры были урегулированы. Данные события могут быть связаны между собой. Именно важность неформального общения в политике описал Ю. А. Фомин в книге «Психология делового общения».

Еще одной крупной площадкой для межгосударственных коммуникаций стали II Европейские игры, которые прошли в Минске в 2019 году. И данная площадка начала работать за долго до самого спортивного форума, а именно 21 апреля 2016 года, когда в Минске прошло 45-е заседание Генеральной ассамблеи Европейских олимпийских комитетов. На данной встрече официально Минску было предоставлено право провести II Европейские игры в июне 2019 года [5]. Помимо дискуссионных площадок для глав и представителей Европейских олимпийских комитетов состоялась презентация спортивного и организаторского потенциала белорусской столицы. Возможно, именно благодаря последнему факту Игры прошли именно в Республике Беларусь.

Непосредственно сам спортивный форум собрал глав Беларуси, России Таджикистана и Армении. Также на торжественное закрытие Европейских игр прибыли Президент Международного олимпийского комитета Томас Бах и Президент Европейских олимпийских комитетов Янез Кончянчич, что свидетельствует о высоком международном признании спортивного мероприятия. Помимо неформального общения почетных гостей на трибунах состоялись и неформальные двусторонние встречи. Так Президент Российской Федерации Владимир Путин в неформальной обстановке провел короткую встречу с главой МОК Томасом Бахом прямо в конференц-зале спортивного комплекса Минск-арена. В рамках разговора лидеры высоко оценили организацию соревнований, а также обсудили некоторые проблемы, в том числе и в российском спорте [6].

Важным является факт того, что высокопоставленные гости восприняли Минск как место для возможного неформального общения и переговоров.

По вышеизложенному можно сделать вывод о необходимости проведения крупных спортивных форумов в Республике Беларусь, в том числе и с целью приглашения политиков и спортивных функционеров мирового уровня с возможностью организации неформального общения. События такого масштаба с большим количеством важных гостей, несомненно, привлекает большой интерес международной общественности и формирует положительный политический имидж Беларуси как дискуссионной площадки.

Немаловажным является и посещение крупных соревнований болельщиками. Для любителей спорта из Беларуси это в первую очередь возможность увидеть звезд спорта мирового уровня. Этот факт, безусловно, играет в пользу государства. У населения возникает представление о привлекательности страны в глазах мировых спортивных элит, а значит об эффективной работе органов государственной власти.

Что касается иностранных болельщиков, то именно крупные международные спортивные форумы способны привлечь их в Беларусь. Несомненно, и менее важные спортивные события, например, футбольные матчи, способствуют приезду фанатов из-за рубежа, но крупные соревнования привлекают куда большее число иностранных гостей. В первую очередь, это важно для формирования мнения иностранца о Беларуси напрямую. Зачастую в странах запада распространяется суждение о постсоветских республиках, как о государствах с невысоким уровнем жизни, высокой преступностью и низкими социально-экономическими показателями. Благодаря высокому уровню организации, белорусскому гостеприимству, приглашению звезд мирового спорта можно сформировать позитивный имидж Беларуси в глазах иностранных болельщиков и развеять ряд абсурдных мифов.

Так, по данным организационного комитета Чемпионата мира по хоккею 2014, белорусскую столицу в период проведения соревнований посетило более 80 тыс. иностранных болельщиков. В общей сложности в фан-зонах побывало более 2,5 млн человек [7]. II Европейские игры по официальной информации посетило 37 тыс. иностранных туристов [8]. Это несомненно способствовало повышению имиджа белорусского спорта, государства в целом и как следствие достижению национальных интересов.

Немаловажным является и экономический эффект от проведения такого рода крупных соревнований. По заявлениям официальных властей, Беларусь заработала на проведении Чемпионата мира по хоккею 14 миллионов евро, [9]. По словам министра спорта и туризма Республики Беларусь Сергея Ковальчука, страна получила доход и от проведения II Европейских игр, об этом чиновник рассказал 14 июля 2019 года в интервью телеканалу «Беларусь 1». Однако конкретика в цифрах озвучено не было. Такой экономический эффект принесла продажа туристам сувенирной продукции, товаров белорусского производства, продуктов питания в зонах фуд-корт, а также оказанные туристические услуги в период проведения соревнований и, конечно, реализация билетов на сами соревнования. Не вызывает сомнения, что производители товаров и услуг предоставляли продукцию самого высокого качества, что также принесло имиджевый эффект.

На двух данных крупнейших в истории Беларуси спортивных форумах, как уже упоминалось ранее, выступали звезды мирового спорта, что, несомненно,

привлекло и многочисленные спонсорские контракты. Так спонсорами соревнований являлись такие компании как «Coca-cola», «Huawei», «Volkswagen» и др. Данный факт, безусловно, способствовал повышению инвестиционной привлекательности страны и дополнительным финансовым поступлениям.

Донести информацию о Беларуси и проводимых в ней спортивных форумах не было бы возможно без работы средств массовой информации. Именно СМИ являются катализатором создания мнения общественности о спортивном форуме, его уровне организации, впечатлениях болельщиков как внутри страны, так и за ее пределами. В частности, самым грандиозным информационным поводом в истории Беларуси в сфере спорта можно считать Чемпионат мира по хоккею в Минске-2014. Его трансляция велась в 120 странах мира, данный процесс осуществляло 2300 официально аккредитованных представителей массмедиа, благодаря чему телевизионная и интернет-аудитория составила порядка 1 млрд человек [7]. Если рассматривать II Европейские игры-2019, то на них было приглашено более 1000 журналистов, из которых 600 представляли зарубежные СМИ [10].

Стоит также отметить, что в ходе подготовки к Играм 2019, Минск запустил масштабную PR-кампанию, в которой рекламировал не только сами соревнования, но и туристический и экономический потенциал Республики Беларусь. Примером можно считать рекламный ролик о данном спортивном форуме, который транслировался на одном из наиболее популярных новостных ресурсов Европы, телеканале Euronews, еще с мая 2019 года. Важным является, что на ЧМ по хоккею-2014 подобных маркетинговых ходов не предпринималось и для белорусского спорта такой опыт стал новым.

Несомненно, сравнивать эти два крупных форума нельзя ввиду их географического охвата по странам-участникам, однако, безусловно можно сделать вывод об их информационной успешности. Хоккейный чемпионат – по охвату аудитории, II Европейские игры – по новым используемым рекламным технологиям в интересах государства.

Если на международной арене роль СМИ оказала благоприятный эффект в формировании мнения о проводимых в Беларуси спортивных форумах, то внутри страны ситуация не однозначная. В первую очередь стоит отметить негативное отношение общества к денежным средствам, затраченным государством на организацию и проведение II Европейских игр. Данный факт можно связать с тем, что в различных источниках информации указывались различные цифры финансовых дотаций из бюджета. Так государственный информационный портал БелТА приводит слова Президента Беларуси Александра Лукашенко, где говорится, что II Европейские игры обойдутся бюджету страны в 50 миллионов долларов [11], что примерно эквивалентно 100 миллионам белорусских рублей. Портал Onliner.by приводит иную сумму в 540 миллионов белорусских рублей [12]. При этом уточняется, что указанная сумма представлена с учетом средств спонсоров и иных внебюджетных источников. Как следствие данного неполного информирования населения со стороны государственного источника и некорректной подачи материала альтернативным СМИ, формируется негативное мнение о государственной власти и Беларуси в целом, что противоречит национальным интересам. Но данные факты являются менее существенными в общем положительном эффекте для национальных интересов от проведения масштабных спортивных мероприятий.

Успех Чемпионата мира по хоккею и II Европейских игр позволил официально Минску подать заявку на проведение матчей чемпионата Европы по футболу-2020, однако заявка была отклонена по ряду независящих от Беларуси факторов. Также ранее мировые СМИ и Международная федерация хоккея признали ЧМ-2014 в Минске одним из лучших по организации за всю историю проведения подобных соревнований, последнее такое заявление было сделано на заседании исполнительного комитета ИИХФ в 2020 г. [13].

Помимо указанных крупнейших спортивных событий, прошедших в Беларуси, стоит также принимать во внимание и другие ежегодные крупные международные турниры. К ним можно отнести «Минский полумарафон», «Рождественский турнир по хоккею на призы президента Республики Беларусь» и другие соревнования, также привлекающие большое внимание к белорусскому спорту и способствующих достижению национальных интересов государства.

Проведение в Беларуси крупных спортивных форумов несомненно способствует достижению национальных интересов Республики Беларусь в политической и экономической сферах посредством формирования имиджа государства через спорт. Это возможно благодаря взвешенной и всеобъемлющей имиджевой политике в сфере спорта, проводимой белорусскими властями. Подтверждениями этому можно считать публикации иностранных и отечественных средств массовой информации, высказыванию политиков и спортивных функционеров и некоторым другим фактам. Однако, стоит обратить внимание на отечественные СМИ как государственные, так и альтернативные, которые вносят в общественно информационный диссонанс, что вызывает формирование негативного имиджа государственной власти внутри страны. Решением этого может стать усиление контроля со стороны Министерства информации за корректностью публикуемых материалов как государственными, так и альтернативными СМИ.

Также со стороны спортивных функционеров стоит обратить большее внимание на усиление рекламной кампании в отношении белорусского спорта с использованием крупных европейских и международных информационных агентств. Примером можно считать опыт России и Азербайджана, создавших ряд промо-материалов на различных языках по итогам проводимых в этих странах соревнований, в которых рассказывается обо всех итогах спортивных форумов, в том числе экономических и политических.

Важным для достижения национальных интересов не только в политической и экономической сферах, но и в иных, является закрепление на законодательном уровне механизма вовлечения спорта или имиджа спорта в достижение национальных интересов Республики Беларусь. Данная мера позволит выработать четкие рекомендации для субъектов достижения национальных интересов что, несомненно, положительно отразится на благополучии белорусского государства.

Список использованных источников

1. Календарь международных соревнований в Беларуси [Электронный ресурс] // Belarus.by. – Режим доступа: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/sport/international-competitions-calendar>. – Дата доступа: 19.01.2020.

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/ru/acts/kontsepsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 19.11.2020.

3. Лукашенко – о международных спортивных мероприятиях: Не жалейте денег на то, чтобы пригласить к себе гостей [Электронный ресурс] // Tut.by. Белорусский портал. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/625742.html>. – Дата доступа: 19.11.2020.

4. Путин прибыл на финал ЧМ по хоккею в Минске с участием сборной России [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20140525/1009305980.html>. – Дата доступа: 19.11.2020.

5. 45-е заседание Генеральной ассамблеи Европейских олимпийских комитетов [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-45-m-zasedanii-generalnoj-assamblei-evropejskix-olimpijskix-komitetov-14696/. – Дата доступа: 19.11.2020.

6. Встреча с президентом МОК Томасом Бахом [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-prezidentom-mok-tomasom-baxom-21437/. – Дата доступа: 19.11.2020.

7. Более 2,5 миллиона болельщиков посетили фан-зоны хоккейного чемпионата мира в Минске [Электронный ресурс] // Tut.by. Белорусский портал. – Режим доступа: <https://sport.tut.by/news/hockey/401142.html>. – Дата доступа: 19.11.2020.

8. Власти подсчитали туристов, которые приехали в Беларусь во время II Европейских игр [Электронный ресурс] // Tut.by. Белорусский портал. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/647085.html>. – Дата доступа: 19.11.2020.

9. Беларусь заработала на ЧМ по хоккею более 14 млн. евро [Электронный ресурс] // Аргументы и факты в Беларуси. – Режим доступа: https://aif.by/timefree/sport/belarus_zarabotala_na_chm_po_hokeyu_boleee_14 mln. – Дата доступа: 19.11.2020.

10. II Европейские игры в Минске глазами мировых СМИ [Видеозапись] // БТ. Он-лайн-вещание. – Режим доступа: https://www.tvr.by/news/obshch_estvo/ii_evropeyskie_igry_osveshchayut_zarubezhnye_media_iz_boleee_chem_50_stran_mira/. – Дата доступа: 19.01.2020.

11. Лукашенко рассказал, сколько Беларусь потратит на организацию II Европейских игр [Электронный ресурс] // БЕЛТА – Новости Беларуси. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-rasskazal-skolko-belarus-potratit-na-organizatsiju-ii-evropejskikh-igr-219107-2016.> – Дата доступа: 23.02.2020.

12. «Слезы для страны»: вместо ожидаемых \$50 миллионов Европейские игры обходятся в \$270 миллионов [Электронный ресурс] // Onliner. – Режим доступа: <https://people.onliner.by/2019/06/26/igry-3.> – Дата доступа: 23.02.2020.

13. Top ten's hockey moments of the decade [Electronic resource] // International Ice Hockey Federation. – Mode of access: <https://www.iihf.com/en/events/2020/wm20/news/17009/top-iihf-men-hockey-moments-of-the-decade.> – Date of access: 19.01.2020.

(Дата подачи: 24.02.2021 г.)

А. С. Рыжый

Белорусский государственный университет, Минск

A. S. Ryzhy

Belarusian State University, Minsk

УДК 32.01 ГРНТИ 11.15 23.00.05

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

MODERN PROJECTS OF REFORMING THE ADMINISTRATIVE TERRITORIAL STRUCTURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Статья посвящена сравнению проектов реформирования административно-территориального устройства Республики Беларусь, предложенных белорусскими авторами в XXI веке. Отмечены достоинства и недостатки рассматриваемых проектов. Сделан вывод об отсутствии комплексного проекта административно-территориальной реформы.

Ключевые слова: административно-территориальное деление; административно-территориальное устройство; административно-территориальная единица; реформа.

The article is devoted to the comparison of the projects of reforming the administrative-territorial structure of the Republic of Belarus, proposed by belarusian authors in the XXI century. The advantages and disadvantages of the projects under consideration are noted. It is concluded that there is no comprehensive project of administrative territorial reform.

Keywords: administrative division; administrative territorial structure; administrative territorial unit; reform.

Административно-территориальное устройство (АТУ) представляет собой разделение территории государства на определенные части, в соответствии с которым выстраивается система местных органов управления и самоуправления, а также формируется соотношение полномочий центральных и местных органов власти [1].

АТУ содействует реализации политических и экономических задач государства на определенной территории, позволяет более рационально использовать природные ресурсы страны, приближает население к органам власти, позволяет гражданам участвовать в реальном управлении делами общества и государства на локальной территории.

Наряду с термином административно-территориальное устройство (АТУ) существуют родственные понятия, такие как административно-территориальное деление (АТД) и административно-территориальная организация (АТО) государства. Под административно-территориальным делением подразумевается в первую очередь пространственная политико-административная карта государства. В понятиях «устройство» или «организация» подчеркивается институциональный аспект и понимается вся система политических институтов, выстраиваемых и функционирующих по территориальному принципу. Зачастую в научной литературе вышеназванные термины используются синонимично. Но на наш взгляд, предпочтительнее сделать акцент в пользу терминов «административно-территориальное устройство» или «административно-территориаль-

ная организация» в связи с неотделимостью органов местного управления и самоуправления от пространственной территориальной организации государства.

Реформирование АТУ представляет собой административно-территориальное переустройство государства путем уточнения границ, размеров, количества и уровней административно-территориальных единиц (АТЕ), перераспределения функций и изменении организационных структур региональных и местных органов управления и самоуправления. Реформа направлена на решение конкретных проблем. Успех зависит от своевременности их проведения. Запоздавшие реформы в меньшей степени характерны минимальными трансформациями АТЕ, им свойственно коренные переустройство АТУ [2, с. 31].

Система органов местного управления Республики Беларусь состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного. К областному территориальному уровню относятся областные и Минский городской исполнительные комитеты. К базовому – районные исполнительные комитеты и исполкомы городов областного подчинения. К первичному – исполкомы городов районного подчинения, поселковые и сельские исполкомы, а также местные администрации районов в городах [3].

Действующее административно-территориальное устройство в Беларуси сложилось в годы советской власти и не претерпело каких-либо масштабных изменений с момента обретения независимости. В нынешнем виде областной уровень существует с 1960 г., районный уровень сформировался в 1966 г. Хотя состав и границы административно-территориальных единиц первичного уровня менее статичны и подвергаются изменениям достаточно часто [2, с. 57]. Однако устоявшееся устройство областного и районного уровня не означает его оптимальность [4].

К настоящему моменту написано множество работ о состоянии административно-территориального устройства в Республике Беларусь и проектов его совершенствования. Приведем экспертные работы, в которых выявлены дисфункции системы административно-территориального устройства государства. Сделаем акцент на решениях, которые являются наиболее проработанными с точки зрения построения новой системы административно-территориальной организации государства.

1. Отчет «Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации» подготовлен группой авторов Национальной академии наук Беларуси, Института экономики под руководством члена-корреспондента, академика П. Г. Никитенко.

2. Национальный отчет о человеческом развитии в Республике Беларусь «Конкурентные преимущества регионов Беларуси» подготовлен Программой развития ООН (ПРООН) в Беларуси и Научно-исследовательским экономическим институтом Министерства экономики Республики Беларусь.

3. Монография «Центр-периферийные процессы и развитие регионов Беларуси» Г. В. Ридевского, белорусского ученого-экономиста, заведующего региональным центром по Могилёвской области ГНУ «НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь».

В проекте под руководством П. Г. Никитенко на первоначальном этапе совершенствования АТУ предложено ориентироваться на эволюционное формирование региональных и местных сообществ и соответствующих административно-территориальных образований с учетом возможности комплексного

решения стоящих перед ними проблем и устойчивого развития самоорганизующихся региональных подсистем и стимулирование естественных процессов регионализации [5, с. 591]. Для этого предлагается следующее:

а) объединить города областного подчинения с одноименными районами, а также присоединить сельских районов с численностью населения 14–25 тыс. чел. к крупным экономическим районам;

б) сформировать единое административное управление крупными городами с прилегающими городами-спутниками;

в) ликвидировать районы, с численностью населения которых менее 15 тыс. чел. (например Брагинский, Дрибинский, Круглянский, Краснопольский, Кормянский, Наровлянский, Россонский, Чериковский, Хотимский районы);

г) в силу того, что город Новополоцк имеет высокий производственный и социально-культурный потенциал, создать новую АТЕ базового уровня – Новополоцкий район на базе города Новополоцка, Россонского района и частично Полоцкого района [5, с. 591].

В качестве возможных сценариев совершенствования АТУ Республики Беларусь предлагаются два варианта.

Первый вариант – модель АТУ, связанная с укрупнением АТЕ и включающая: региональный уровень – области и местный – сельские и городские образования. Определение границ областей строится на допущении, что административно-территориальные образования этого уровня должны находиться в относительно равных условиях: иметь во главе город национального значения; включать в свой состав один или два поддерживающих региональных центра – города регионального значения; находиться на международных транспортных коммуникациях; иметь в составе крупные природные и рекреационные комплексы [5, с. 592].

Второй вариант – модель увеличения общего количества АТЕ и уменьшения их размеров. Вместо шести нынешних областей и города республиканского подчинения г. Минска предлагается создание 15 новых округов со средним радиусом доступности от 43 до 80 км. Предполагаемые центры: Минск, Брест, Барановичи, Пинск, Витебск, Полоцк, Гомель, Мозырь, Гродно Лида, Борисов, Молодечно, Слуцк, Могилев и Бобруйск. Базовой административно-территориальной единицей должен стать новый район радиусом доступности 14–17,5 км и общим количеством от 250 до 275 единиц. Предполагаемыми центрами могут быть районные центры, города областного и районного подчинения, поселки городского типа, а также наиболее крупные сельские поселения. Для решения вопросов местного значения предлагается введение института старейшин и их помощников вместо действующих сельских Советов [5, с. 593].

Схожие позиции представлены в 2015 г. в отчете Программы развития ООН (ПРООН) в Беларуси и Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. Предложен следующий вариант реформы:

а) объединение районов с численностью жителей менее 20 тысяч человек с соседними более крупными районами с учетом транспортной доступности районных центров, производственных и социально-культурных связей. В таком случае общее количество единиц базового уровня предлагается сократить до 95–100.

б) объединение городов Барановичи, Пинска и Бобруйска с одноименными районами, а также городских исполнительных комитетов областных центров с исполнительными комитетами одноименных районов;

в) создание самостоятельной АТЕ – Минского столичного округа в составе Минского района и городов-спутников Минска [6, с. 139].

Более «радикальный» вариант подразумевает переход от существующей трехзвенной к двухзвенной системе административно-территориального устройства с созданием 15–18 новых областей и 450–475 районов с радиусом доступности 14–17 км [6, с. 139; 7].

В основе проекта, разработанного Г. В. Ридевским, лежит идея образования 17 областных регионов вместо действующих 6. Идея основана на социально-эколого-экономическом районировании (СЭЭР) и административно-хозяйственном районировании (АХР) территории страны, т. е. приближение существующих АТЕ к системам расселения, хозяйствования и природопользования [8, с. 235].

В сравнении с 15 предлагаемыми центрами округов (проект Института экономики НАН Беларуси), Г. В. Ридевский в своей концепции наделяет данным статусом город Солигорск вместо Слуцка, дополнительно Кричев и Оршу, с соответствующим выделением Солигорского, Кричевского и Оршанского областного регионов. Минск предлагается включить в состав формируемой Минской области в новых границах в качестве города областного подчинения [8, с. 240]. На базовом уровне АТУ предлагается сохранение районов как административно-территориальных единиц, которые соответствуют местным системам расселения. К преобразованиям данного уровня относится изменение статуса ряда городов, таких как Пинск, Барановичи, Жодино и Новополоцк, с их возможным включением в состав соответствующих районов и сохранением их в качестве первичного уровня [8, с. 241].

Для реформирования первичного уровня местного управления, кроме изменения статуса вышеуказанных четырех городов, предлагается восстановление 24 городских районов в Минске, Витебске, Могилеве, Бресте, Гродно, Гомеле и Бобруйске в качестве АТЕ. Тем самым к местным органам управления (администрациям) предлагается воссоздать местные органы самоуправления. В проекте предлагается возвращение статуса АТЕ первичного уровня 90 городам и 19 городским поселкам – центрам районов, что также могло бы обеспечить формирование соответствующих местных органов самоуправления [8, с. 242].

После переходного этапа, предусматривающего сохранение и функционирование трехуровневой системы АТУ, но с увеличением числа АТЕ и образованием в них соответствующих органов местного самоуправления, автор предлагает проведение второго этапа реформы. На втором этапе предлагается системное упразднение первичных единиц АТУ до 200 или менее. Не исключается возможность на данном этапе и упразднения базового уровня вообще, тем самым осуществив переход к двухуровневому устройству [8, с. 244].

К преимуществам проекта Г. В. Ридевского с нашей точки зрения можно отнести акцент на восстановлении в каждой административно-территориальной единице органов местного самоуправления. К недостаткам – предложение по увеличению количества АТЕ на первом и множественную оптимизацию на втором этапе реформы АТУ, а также упразднение базового уровня в случае устоявшихся связей и систем расселения.

Завершая обзор экспертных вариантов переустройства административно-территориального устройства Республики Беларусь, опубликованных как

отдельными специалистами, так и крупными исследовательскими коллективами и рабочими группами, можно сделать несколько выводов.

1. Большинство работ основывается на разукрупнении существующих областей и сводятся к формированию от 15 до 18 регионов.

2. Большинство предложений сводится к отказу от нынешнего трехступенчатого АТУ (первичный уровень – район – область) в пользу двухступенчатого (район – округ), в связи с нецелесообразностью содержания слабых с точки зрения экономического потенциала, людских и финансовых ресурсов и требующие постоянной поддержки сельские советы и областной уровень, который дублирует многие функции базового уровня.

3. Многие проекты не учитывают тяготение отдельных районов и их центров к районным единицам, располагающимися в другой области. Проект, предполагающий создание новых АТЕ в границах ныне существующих областей, усиливает различия по площади территории, численности проживающего населения, развитости социально-экономического потенциала, параметрам их дальнейшего развития, снимая лишь вопрос временной доступности административных центров.

4. Проекты предполагают многостадийный процесс реформирования, растянутый во времени. Опыт зарубежных стран показывает, что реформа административно-территориального устройства растянутая во времени, ложится финансовым бременем на государство и создает проблемы функционирования для органов местного управления и самоуправления.

5. Присоединение сельских районов с характерным сокращением численности населения и отстающим в экономическом плане к крупным экономическим районам не приводит к положительному результату, а становится дополнительной нагрузкой для экономически состоятельных районов.

6. Проекты основываются на выделении городов, формирующих узлы каркаса административно-территориального устройства государства. Распределение территории осуществляется после выделения сети ведущих городов-центров, образующих «командный состав страны». Однако ни один из проектов не учитывает исторические или этнорелигиозные аспекты.

7. Рассмотренные проекты направлены на выявление оптимальных размеров, границ, количества и уровней АТЕ, изменение организационно-территориальной структуры государства, оставляя без внимания административную составляющую реформы – вопрос перераспределения функций и полномочий местных органов управления и самоуправления, в том числе укрепление их финансовой самостоятельности.

При реформировании должны учитываться все условия, лежащие в основе эволюции административно-территориального устройства конкретного государства. При нынешних тенденциях, последствия несовершенства АТУ приведут к углублению диспропорций между территориями в экономическом и социальном развитии, к невозможности выработки эффективной системы регионального развития. Административно-территориальное деление должно корректироваться и развиваться, решая проблемы и отвечая на вызовы современности.

Список использованных источников

1. Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З: в ред. от 31 дек 2014 г.

№ 229-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Местное самоуправление в Беларуси / В. Н. Кивель [и др.]; под науч. ред. И. П. Сидорчук. – Минск: Тонпик, 2007. – 416 с.

3. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 04.01.2010 № 108-З; в ред. от 18.12.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Об утверждении плана развития отдельных регионов, отстающих по уровню социально-экономического развития [Электронный ресурс]: Постановление Совета министров Респ. Беларусь от 9 октября 2019 г. № 689 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / П. Г. Никитенко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 621 с.

6. Национальный отчет о человеческом развитии в Республике Беларусь. Конкурентные преимущества регионов Беларуси / Программа развития ООН (ПРООН) в Беларуси, Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь. – Минск, 2015. – 206 с.

7. В Беларуси предлагается создать 15–18 областей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zviazda.by/be/node/142805>. – Дата доступа: 03.02.2020.

8. *Ридевский, Г. В.* Центр-периферийные процессы и развитие регионов Беларуси: монография / Г. В. Ридевский. – Минск: БелНИИТ «Транстехника», 2020. – 346 с.

(Дата подачи: 12.02.2021 г.)

В. Н. Семенова

Республиканский институт высшей школы, Минск

V. Semanova

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321.01

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА

FEATURES OF THE IDEOLOGICAL FIELD OF LATE MODERNITY

В статье выявляются особенности идеологического поля позднего модерна: гибридизация идеологий, политический и партийный синистрим, идейно-политические консенсусы. Раскрываются причины, приведшие к формированию гибридных идеологий в XX–XXI вв., анализируется феномен синистрима политических идеологий, характеризуются разновидности идейно-политических консенсусов.

Ключевые слова: поздний модерн; гибридные идеологии; идейно-политический спектр; радикализация идеологий; синистрим; неолиберализм; неоконсерватизм; идейно-политический консенсус.

The article deals with the features of the ideological field of late modernity: the hybridization of ideologies, political and party sinistrism, ideological and political consensuses. The author

shows the reasons that led to the formation of hybrid ideologies in the XX–XXI centuries, analyzes the phenomenon of sinistrisme in political ideologies and describes the types of ideological and political consensuses.

Keywords: late modernity; hybrid ideologies; ideological and political spectrum; radicalization of ideologies; sinistrisme; neoliberalism; neoconservatism; ideological and political consensus.

Идеологическое поле представляет собой совокупность всех имеющихся политических идеологий и может быть представлено в виде воображаемой линии (или площади) идейно-политического спектра, на которой размещаются идеологии: от ультралевых через классических левых и «центр» к традиционным правым и ультраправым.

Особенностями идеологического поля позднего модерна являются гибридный характер политических идеологий; радикализация и синистризм политических идеологий; формирование динамичных идейно-политических консенсусов.

1. Гибридный характер политических идеологий позднего модерна

Затронувшие идеологическое пространство глобализационные процессы последней трети XX – нач. XXI в. подразумевают не только столкновение, но одновременно взаимовлияние культур и цивилизаций, что приводит к возникновению эклектичных и гибридных образований. В идеологическом поле позднего модерна это проявляется в виде смещения, или гибридизации идеологий. Основным фактором гибридизации политических идеологий в XX–XXI вв. стало лавинообразное развитие левых идей в XIX в.

Причинами гибридизации выступают внешние обстоятельства (эмансипация различных социальных групп населения, получение ими либерально-демократических прав и свобод, формирование в западных странах институтов представительной демократии и правового государства как символов либеральной идеологии) и внутренние трансформации правых идеологий, вынужденных учитывать либеральный характер современной эпохи и инкорпорировать в свой идейный фундамент ранее чуждые им либеральные и социалистические принципы.

Гибридизации подвергаются как традиционные идеологии, (в основном правые под воздействием левых идей), так одновременно появляются новые нетрадиционные гибридные идеологии, такие как маоизм, идеология «красных кхмеров», национал-социализм, неоконсерватизм, «новые правые», либертарианство и др.

Ярким примером гибридной идеологии в первой половине XX в. является становление и развитие немецкого национал-социализма, традиционно относимого к ультраправым идеологиям, наряду с итальянским фашизмом, сионизмом, идеологиями профашистских режимов в Европе 20–40-х гг. (фалангизмом, румынским фашизмом и пр.). Представляется, что такой подход является тенденциозным и упрощенным, укладывающим в прокрустово ложе политической корректности сложные исторические процессы и идеологические феномены.

Среди ультраправых идеологий национал-социализм (что видно в том числе из самого названия) является самой левой. С одной стороны, идеология национал-социализма включала традиционные правые принципы: расизм и социальная евгеника (борьба за чистоту крови, уничтожение расово неполноценных и представителей нетрадиционных ориентаций), этнонационализм (идеалы

«почвы и крови»), аристократизм и социальная иерархия, антикоммунизм, милитаризм (война – естественное состояние человеческого общества), экспансионистская внешняя политика как реализация борьбы за жизненное пространство, этатизм в виде создания тоталитарного государства, контролирующего все общественные и частные сферы, германское язычество как религиозный фундамент. Как ультраконсервативный проект нацизм кропотливо и педантично работал над созданием своего респектабельного образа: «Образ нациста становится элегантным, аристократичным, стильным. Он призван достойно представлять “высшую расу”...» [1, с. 166].

Одновременно в идеологию национал-социализма прочно вошли и левые принципы. Так, нацистская «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия» опиралась на широкие социальные слои населения и получила поддержку с их стороны после успешно проведенных социальных реформ в 30-х гг.

Принцип фюрерства (вождизм), обычно приписываемый ультраправым идеологиям, является порождением массового общества и законов массовой психологии, выражает неаристократическое слепое поклонение толпы, то есть внутренне связан с популизмом, с левыми, а не правыми идеологиями. Нацистская пропаганда преподносит Гитлера как вождя, духовного отца германской нации. Образ Гитлера как лидера нации и спасителя Германии и, в целом гуманизированный образ нацизма, в массовом сознании был окончательно сформирован к концу 1934 г. [1, с. 168]. Причем, патернализм национал-социализма последовательно смещается от консервативного к социалистическому акцентированию.

Еще одну левую составляющую отмечает российский историк О. Ю. Пленков, полагая, что политика национал-социализма сводилась преимущественно к социальной политике [2, с. 18]. Он отмечает, что «если абстрагироваться от нацистской расистской внутренней и внешней политики, то, по сравнению с другими европейскими государствами, гитлеровское государство благоденствия представляло собой самую импозантную и солидно устроенную систему социального вспомоществования и солидарности» [2, с. 14]. Ему вторит и российский исследователь А. Н. Мочкин: «И фашизм в Италии, и национал-социализм в Германии, в отличие от тоталитарного социализма в России, были своеобразным альянсом, соединением социалистической идеологии с консервативной правящей элитой» [3, с. 56–57].

Популизм, вождизм, опора на массовые социальные слои населения, сильная социальная политика стали левыми принципами, которые национал-социализм вынужден был включить в свою идейно-политическую программу для усиления популярности и поддержания легитимности.

Следствием гибридного характера современных идеологий становится неактуальность и неэвристичность дихотомии «левые-правые», как по признаку нахождения у власти, так и по идейно-политическому спектру: «усиливается процесс синтеза идейных течений, что затрудняет классификацию политических идеологий по традиционным научным критериям» [4, с. 7–8].

Характеризуя современную идеологическую путаницу, российский исследователь М. Н. Афанасьев отмечает: «Идентификация политической правой как партии Старого порядка, а политической левой как партии Нового порядка – наследие революционной эпохи начала Нового времени. С тех пор много воды утекло, порядки по несколько раз менялись, восстанавливались и менялись наново. *Очевидная ясность превратилась в полнейшую путаницу* (курсив

мой. – В. С.). Не утрачивает ли смысл право-левая дихотомия по признаку власти при последовательном чередовании партий во власти и оппозиции в либеральных демократиях? Не утрачивает ли она смысл и в коммунистических режимах, где партии, считавшиеся до того леворадикальными, устанавливают абсолютную власть?» [5, с. 30].

Еще более проблематичным стало сегодня «разнесение» на линии идейно-политического спектра политических партий, особенно в связи с появлением и широким распространением новых типов политических партий: «всеохватных партий», картельных партий, персоналистских партий, чьи партийные программы не в полной мере репрезентируют их реальные политические взгляды и интересы.

2. Радикализация и синистризм политических идеологий

Термин «синистризм» (от франц. *sinistre* – зловещий, мрачный, роковой, пагубный, угрожающий) введен в политологический лексикон французским литературоведом и политологом А. Тибодом в работе «Политические идеи Франции» (1932). Тибодом под синистризмом понимал радикализацию политических партий, приводящую к изменению партийной системы страны без существенных изменений самих партийных идеологий.

Таким образом, в первоначальном значении политический синистризм означал радикализацию политических партий, их увлечение лево- или праворадикальными идеями. Иллюстрацией синистризма в данном значении является, например, появление во Франции в 60-х гг. «новых левых» как более левых в результате их разрыва с традиционными левыми (социалистами и коммунистами).

Радикализация возможна также со стороны правых партий и течений в ответ на усиление левых и леворадикальных сил. Примером служит немецкая партия «Альтернатива для Германии» (*Alternative für Deutschland, AfD*), основанная в 2013 г. в условиях неудачной миграционной политики, проводимой в Германии. AfD является праворадикальной партией, стоящей на позициях национализма, правого популизма и евроскептицизма. С 2015 г. активно сотрудничает с другими ультраправыми организациями, в частности, с движением PEGIDA («Патриотические европейцы против исламизации Запада»). В 2017 г. AfD стала третьей по численности партией Германии, на 2020 г. – крупнейшая оппозиционная партия в Германии. Если на федеральных выборах 2013 г. партия набрала 4,7 % и, не пройдя 5%-й барьер, осталась без мест в парламенте, то на федеральных выборах в 2017 г. партия набрала уже 12,6 %, получив 94 места в бундестаге. Популярность партии отразилась и на выборах в Европарламент. Если в 2014 г. партия набрала 7 % голосов и получила 2 места, то на выборах 2019 г. партия набрала уже 11 % голосов, получив 11 мест из 96 возможных.

Отмечая всплеск националистических и антиисламских настроений в Германии, российский исследователь А. А. Лапин полагает, что «все большее число немцев ищет в праворадикальных и националистических организациях последнее прибежище, надеясь найти в их рядах защиту от вызовов и угроз XXI в. Это вызвано колоссальной безработицей и недовольством государственной политикой в сфере иммиграционного законодательства, семейных и социально-трудовых отношений» [6, с. 231].

Пытаясь получить широкую общественную поддержку, «в последние годы правые экстремисты активно заимствуют программные лозунги левых антиглобалистов и социалистов» [6, с. 235].

Отметим еще раз, что появление праворадикальных идейных течений и движений является чаще всего реакцией на широкое распространение левых идей и усиление партий левого спектра.

Подобной реакцией на распространение лево-либеральных идей в США стало возникшее в 2009 г. «Движение чаепития» (Tea Party Movement), консервативное либертарианское движение, социальную базу которого «составили правые религиозные активисты, бизнесмены и представители среднего класса, недовольные увеличением налогов и ростом дефицита бюджета, социальные консерваторы, обеспокоенные падением нравов и ростом иждивенчества, конституционалисты, взволнованные расширением полномочий федерального правительства» [7, с. 64]. Движение обвиняло администрацию Обамы в попытке «превратить страну в леволиберальное социальное государство европейского типа» [7, с. 64].

Таким же радикальным является ультраправое движение «альтернативные правые» (Alternative Right, alt-right), возникшее в 2010 г. на волне критики либерал-демократов и пассивности традиционных правых-республиканцев и приобретшее широкую известность и популярность в президентскую кампанию Д. Трампа. Движение не является целостным, а скорее идейно объединяет «... несколько групп американских сторонников превосходства белой расы, белых националистов, белых сепаратистов, антисемитов, неонацистов, неофашистов, неоконфедератов, отрицателей Холокоста, сторонников теории заговора и других крайне правых групп ненависти» [8, с. 58]. Отметим, что в десятых годах XXI в. синистризм в значении радикализации политических и партийных идеологий (как левых, так и правых) резко усилился.

Несколько иное значение термин «синистризм» приобретает в работе М. Дюверже «Политические партии» (1951), где он рассматривается как последовательное, постепенное и неуклонное левение всего спектра политических партий в многопартийных системах.

Дюверже полагает, что синистризм характерен в большей степени для многопартийных систем. Двухпартийные системы (в частности, американский би-партизм) являются более устойчивыми и в меньшей степени подвержены формированию радикальных политических сил. Отсутствие синистризма в США на протяжении XIX и первой половины XX в. Дюверже объясняет политической незрелостью, а также неразвитостью социальной структуры американского общества того времени.

Отметим основные факторы, способствующие постепенному левению всего политического партийного спектра:

1. Возникающие первоначально как радикальные партии или движения стремятся встроиться в нормальное политическое поле, что приводит к тому, что они утрачивают или редуцируют свой радикализм, перемещаясь на линии идейно-политического спектра правее: «Когда левая партия становится доминирующей, ее революционная устремленность притупляется» [9, с. 380]. Радикалы, получая государственную власть, оказываются перед необходимостью формулировать государственную политику, нацеленную на сохранение государства. Ярким примером такого консервативного кульбита является приход к власти в 1917 г. леворадикальной партии большевиков, которая достаточно быстро вынуждена была отказаться от своих лево-либеральных «завоеваний» для удержания и централизации политической власти, а также для сохранения и укрепления уже не монархического или буржуазного, а пролетарского государства.

2. Появление новых эмансипированных социальных групп, вынужденных бороться за свои гражданские и иные права и, как следствие, появление новых, более левых, чем существующие, политических сил, выражающих интересы этих групп: «Синистризм – это выражение в политической сфере той социальной эволюции, которая создавала “новые слои”, вынужденные добиваться доступа к власти в период, когда современная система политических партий выступает уже сложившейся и достаточно развитой» [9, с. 375]. Таким образом, вновь появляющиеся левые партии и течения объективно являются более левыми, чем предшествующие, а вся партийная система также постепенно смещается влево.

Синистризм может принимать различные формы:

- появление новых левых партий, расположенных на прямой политическо-го спектра левее старых; «старые» левые соответственно смещаются вправо;
- замена старой левой партии еще более левой и радикальной; возможно повышение популярности крайне левой партии в ущерб всем остальным;
- в целом ослабление влияния всех партий правой ориентации в пользу партий левой ориентации и др. [9, с. 375].

3. Формирование динамичных идейно-политических консенсусов

Характерной особенностью идеологического поля позднего модерна становятся идейно-политические консенсусы, являющиеся закономерным следствием гибридизации политических идеологий.

В 40–50-е гг. XX в. формируется *либерально-социал-демократический консенсус*, ставший результатом идеологического сближения социал-либерализма (кейнсианства) и европейской социал-демократии. Данное сближение было обусловлено консолидацией левых сил против попытки реванша ультраконсерваторов в лице итальянского фашизма, профашистских режимов в Европе 20–40-х гг., немецкого национал-социализма (в меньше степени).

Кейнсианская модель социал-либерализма и социально ориентированной экономики привела к созданию социал-демократического государства – «государства всеобщего благоденствия». Кейнсианство сыграло положительную роль в восстановлении послевоенной экономики и формировании среднего класса, однако породило иные проблемы и не спасло западные общества от «революций кампуса» и политического радикализма конца 60–70-х гг. XX в.

Появление и распространение радикальных левых политических идеологий (в частности, идеологии «новых левых», антирасистских и феминистских, пацифистских и экологических движений) связано, наряду с другими причинами, с формированием западного общества потребления и представителя среднего класса, повышением стандартов качества жизни, демократизацией политической и социальной жизни послевоенной Европы и США, формированием постматериальных ценностей, «революцией притязаний», появлением контркультуры и эмансипацией различных слоев населения. Идеология «новых левых» теоретически выступила против ценностей общества потребления, но сама была его непосредственным продуктом.

Паразитические и иждивенческие тенденции в западных странах, порожденные кейнсианством, усиление государственных структур и механизмов государственного воздействия на человека, привели к экономическому и социальному кризису, попыткой выхода из которого становятся неолиберальные социально-экономические и управленческие реформы Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании. Так, с приходом к власти в Великобритании консервативной

партии М. Тэтчер последняя из «всеохватной» вновь становится «партией программы» с четкой ориентацией на неолиберальную экономическую политику и консервативные ценности (неолиберализм в экономике и неоконсерватизм в политике).

Пропагандируемые идеи свободного рынка, минимального государства, сокращения социальных программ, свободной конкуренции в сочетании с экспансионистской внешней политикой и традиционными консервативными ценностями вылились в 70–80-х гг. XX в. в *либерально-консервативный консенсус*. Неолибералы и неоконсервативы создали альянс, попытавшись исключить из него социал-демократические силы.

Согласимся с мнением В. А. Фурса о том, что «именно идея глобального мира примирила и объединила две антагонистичные картины мира – либеральную и консервативную... Консервативно-либеральный консенсус стал возможен прежде всего потому, что консервативно ориентированные элиты западных стран были вынуждены приспосабливаться к меняющейся социально-экономической и геополитической реальности. Принятие либеральных принципов, с одной стороны, соответствовало экономическим интересам консервативного крыла, с другой стороны, позволяло консерваторам удерживать и расширять электорат» [4, с. 8].

В 90-е гг. в западных странах наблюдается новая волна миграционных процессов в контексте реализации политики мультикультурализма. Растет число приверженцев, популярность и общественная поддержка движений антиглобализма, феминизма, энвайронментализма и радикального экологизма, что к началу 2000-х в западных странах формирует устойчивую левую политическую повестку. На волне радикализации социально-политической ситуации в США, европейских государствах, республиках бывшего Советского Союза традиционные политические идеологии сознательно развивают потенциал для конвергенции. В 90-е гг. идет процесс диффузного проникновения и поиска возможной интеграции всех трех оставшихся традиционных идеологий, формируется *либерально-консервативно-социалистический идеологический консенсус* [10, с. 130–131]. В первые десятилетия нового столетия традиционные политические идеологии, базирующиеся на фундаменте традиционных христианских ценностей, отстаивают завоевания и достижения модерна под натиском сформировавшихся в самостоятельные силы противников: исламского фундаментализма (в его различных вариантах), леволиберальной идеологии натурализма и нехристианской азиатской цивилизации.

Подводя итог анализу идеологического поля позднего модерна, можно сделать следующие выводы.

1. Существенными особенностями идеологического поля позднего модерна являются: гибридный характер политических идеологий; радикализация и синистримизм политических идеологий; формирование динамичных идейно-политических консенсусов. Обнаруживается логическая последовательность данных особенностей.

2. Под натиском усилившихся в начале XXI в. новых идейных противников традиционным политическим идеологиям становится все труднее удерживать своих приверженцев и даже относительно комфортно существовать в устоявшихся сегментах идеологического и политического поля. Из глобальных традиционные политические идеологии постепенно превращаются в нишевые

идеологии. А их место в сознании больших социальных групп и глобальном политическом пространстве постепенно занимают нетрадиционные гибридные идеологии. Формирование идейно-политических платформ новых гибридных идеологий подразумевает четкое размежевание последних с относительно близкими им традиционными идеологиями, что приводит, во-первых, к неизбежной радикализации их идейно-политических платформ, а во-вторых, в целом к объективному полеванию (синистризму) всего спектра новых гибридных идеологий.

3. В отличие от консенсусных тенденций второй половины XX в., в начале XXI в. наблюдается требование резкого размежевания между бывшими временными союзниками, а также в целом усиление идеологической конфронтации и тенденций на дальнейшее размежевание идейных противников. Можно констатировать, что время идейно-политических консенсусов прошло. Первая треть нового столетия характеризуется новым витком идейно-политических противоречий и конфликтов.

Список использованных источников

1. *Дацишина, М. В.* Создание социально приемлемого образа тоталитаризма. Опыт нацистской Германии / М. В. Дацишина // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2012. – № 19(99). – С. 160–170.
2. *Пленков, О. Ю.* Третий Рейх: Социализм Гитлера: (Очерк истории и идеологии) / О. Ю. Пленков. – СПб.: Нева, 2004. – 474 с.
3. *Мочкин, А. Н.* Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма / А. Н. Мочкин. – М.: ИФРАН, 2002. – 138 с.
4. *Фурс, В. А.* Глобальные предпосылки консервативно-либерального консенсуса / В. А. Фурс // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2016. – Т. 15. – С. 7–13.
5. *Афанасьев, М. Н.* Типология идеологий. Правая идея / М. Н. Афанасьев // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 29–43.
6. *Лапин, А. А.* Правый экстремизм в Германии / А. А. Лапин // Вестник Московской международной академии. – 2017. – С. 231–241.
7. *Христенко, Д. Н.* «Движение Чаепития» и внешняя политика США при администрации Б. Обамы / Д. Н. Христенко // Вестник Московского ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 2. – С. 62–86.
8. *Хлопов, О. А.* Ультра-правые движения в США: прошлое и настоящее / О. А. Хлопов // Colloquium-journal. – 2019. – № 5(29). – С. 58–62.
9. *Дюверже, М.* Политические партии / М. Дюверже; пер. с фр. – М.: Академический Проект, 2000. – 538 с.
10. *Летняков, Д. Э.* Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения / Д. Э. Летняков // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 129–142.

(Дата подачи: 03.02.2021 г.)

Л. В. Слуцкая

Белорусский государственный университет, Минск

L. V. Slutskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 327.7

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В МЕЖДУНАРОДНОЙ GR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ROLE OF INTERCULTURAL FACTORS IN INTERNATIONAL GR-ACTIVITIES

Статья посвящена роли межкультурных факторов в международной GR (government relations)-деятельности, которые связаны с национальными особенностями поведения, традициями, ценностными установками, этностереотипами. Данные факторы оказывают непосредственное воздействие на национальную деловую культуру и влияют на восприятие, мышление и действия лиц, принимающих решения. Достижение взаимопонимания и построение плодотворной коммуникации с представителями разных культур требуют от GR-менеджера глубоких знаний в области этнокультурного разнообразия, межкультурной компетенции.

Ключевые слова: кросс-культурные особенности; межкультурная коммуникация; GR (government relations)-деятельность; этностереотипы.

The article is devoted to the role of intercultural factors in international GR (government relations)-activity, which are associated with national characteristics of behavior, traditions, value attitudes, ethnic stereotypes. These factors have a direct impact on the national business culture and influence the perception, thinking and actions of decision-makers. Achieving mutual understanding and building fruitful communication with representatives of different cultures require from the GR manager deep knowledge in the field of ethnocultural diversity, intercultural competence

Keywords: cross-cultural characteristics; intercultural communication; government relation; ethnostereotypes.

Рост числа международных контактов порождает проблемы, связанные с национальными особенностями поведения, традициями, ценностными установками, с которыми сталкиваются субъекты GR-деятельности. Международная GR-деятельность состоит в коммуникациях государственных институтов конкретной страны с зарубежными органами государственной власти, а также предприятиями, фирмами, организациями и бизнес-структурами. В сравнении с организацией отношений с органами государственной власти внутри одной страны международная GR-деятельность зачастую осложняется культурными различиями ее субъектов. Этот фактор может оказать решающее воздействие на конечный результат сотрудничества. В этих условиях все большую актуальность приобретает учет этнокультурных особенностей, влияющих на восприятие, мышление и действия лиц, принимающих решения. Проблематика международной GR-деятельности в связи с этнокультурными факторами изучалась такими авторами, как Р. Льюис, Г. Хофстеде, Э. Холл, А. П. Садохин, Л. И. Гришаева и др. Международные аспекты взаимодействия бизнеса и власти

рассматривались в работах И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой, А. Н. Шохина, А. А. Прохоровой и др.

Цель статьи – раскрыть роль межкультурных факторов в международной GR-деятельности.

В международной GR-деятельности механизмы правового регулирования публичных коммуникаций общества и власти, в отличие от механизмов социального регулирования, не всегда в полной мере позволяют эффективно позиционировать групповые интересы и обеспечивать их баланс при принятии политических решений.

Формат GR-деятельности в каждой стране обусловлен исторически государственными традициями и традициями управленческой культуры, конституционным устройством, сложившейся экономической системой. «В одних обществах формы представительства и реализации групп интересов институционализированы и отражают подвижный набор интересов и предпочтений, в других – адаптация общества к меняющейся социальной реальности происходит через сохранение неформальных и латентных практик, традиций и поведенческих стереотипов» [1, с. 115].

Многообразие культурных моделей способствовало появлению различных теорий межкультурных исследований. Выделяют западную и восточную модели управления. По мнению И. Е. Минтусова и О. Г. Филатовой, для западной модели характерен низкий уровень коррупции, которая воспринимается обществом как нарушение закона, тогда как для восточной модели характерно материальное стимулирование лиц, принимающих решения, а коррупция воспринимается как привычное, общественно-приемлемое культурное и экономическое явление [2, с. 91]. Например, в большинстве стран Африканского континента граница между подарком и взяткой размыта. Устанавливая коммуникации с представителями органов государственной власти этих стран, требуется обязательный презент, поскольку без него ни один вопрос «не сдвинется с места».

Немаловажное значение, по мнению ряда руководителей предприятий и бизнес-структур Беларуси, участвовавших в переговорах с представителями стран Востока, традиции и религия играют важную роль в процессе коммуникации. Представителям стран, где исповедуют ислам, не стоит дарить сувениры с изображением человека и животных. Например, подарки в виде фигур зубра или аиста, как символов Беларуси, а также куклы в традиционной льняной одежде могут помешать конструктивному взаимодействию или разрушить уже сложившиеся отношения.

Голландским социологом-исследователем в области кросс-культурного менеджмента Г. Хофстеде разработана модель учета культурных параметров, учитывающая соотношение власти-подчинения (дистанция власти), индивидуализма-коллективизма, маскулинности-феминности [3]. Так, *параметр «дистанция власти»* отражает степень распределения власти в политической системе и в обществе в целом. В культурах с высокой дистанцией власти (Испания, Франция, Сингапур, Индия, Венесуэла, Мексика) сотрудники ожидают от руководителей подробных инструкций и не действуют без их указания. Власть в организации сильно централизована и иерархизирована. Эмоциональная дистанция между начальником и подчиненным достаточно велика, сотрудники отличаются конформистским поведением.

При выстраивании отношений с представителями культуры с высокой дистанцией в отношениях «власти-подчинения» следует помнить, что коммуникационные потоки в организациях распределены вертикально. Принятие основных решений осуществляется «наверху», а эффективность GR-взаимодействия зависит от искусства попасть к начальнику. Любое проявление власти считается нормой.

Культурам с низкой дистанцией власти присуще небольшое количество уровней управления, организационная структура децентрализована, а иерархия необходима для эффективной координации, а не для демонстрации статуса и положения. Отношения руководителей и подчиненных в культурах с низким значением рассматриваемого параметра характеризуются совместным принятием решений, относительной независимостью подчиненных от начальника. Участники GR-взаимодействия должны обладать способностью не подстраиваться под мнение руководителя, а добросовестно высказывать экспертную точку зрения руководителем (США, Австралия, Канада, Дания, Великобритания, Германия).

Параметр «индивидуализм-коллективизм» отражает преобладание интересов группы или индивида в достижении целей. Так, в индивидуалистских культурах (Германия, США, Великобритания, Нидерланды, Новая Зеландия) господствуют интересы индивида. Эмоциональная зависимость сотрудников от организации отсутствует или невысока, сотрудникам предоставляется большая свобода действий, делегируется принятие решений. Результативное обоюдное решение вопроса гораздо важнее межличностных отношений.

В культурах, где преобладает параметр «коллективизм» (азиатские культуры, страны Латинской Америки и Южной Европы), групповые интересы преобладают над личными, господствует вера в могущество коллектива, люди стремятся установить тесные отношения с различными группами и сообществами, рассчитывая на взаимную заботу и лояльность. Нередко в государственных организациях работают члены одной семьи, что считается хорошим способом укрепить лояльность персонала. Коллектив заботится о каждом сотруднике, взамен он стремится не подвести остальных. Сотрудники, скомпрометировавшие себя, не справившиеся с поставленной задачей, не увольняются и не осуждаются, а зачастую переводятся на другую должность, требующую выполнения менее квалифицированных задач.

Разделение культур на *маскулинные* и *феминные* порождает различные подходы к управлению. Например, в организациях с высокой степенью маскулинности руководители действуют самостоятельно принимая решения (Италия, Япония, Германия, Великобритания, Австрия) и отличаются агрессивным поведением в достижении целей. Большое значение придается таким ценностям, как настойчивость, стремление к признанию, достижению. Материальный достаток значит гораздо больше, чем построение отношений с окружающими.

В странах с развитой феминной культурой (Скандинавские страны, США) отдается предпочтение коллективному принятию решений и достижению консенсуса. В этих странах ценятся межличностные отношения, взаимопомощь, забота о других, большое значение придается комфорту на рабочем месте и нематериальным ценностям.

Мужской и женский стиль коммуникации имеет достаточно серьезные отличия, что необходимо учитывать в условиях GR-взаимодействия с зарубежными партнерами. Автором статьи проводилось интервьюирование специалистов

белорусских предприятий и организаций, участвующих в международных переговорах, представителей государственных органов, а также бизнес-структур. Было выявлено, что учет особенностей культуры страны в силу доминирования маскулинности-феминности имеет решающее значение в ряде стран, исповедующих ислам. Предпочтительно, чтобы делегация была представлена мужчинами, поскольку данные культуры, согласно модели Г. Хофстеде, относятся к маскулинным.

Выстраивая взаимоотношения с представителями государственных структур зарубежных стран, GR-менеджер должен обладать не только политической, правовой и коммуникативной компетентностью, владеть основами PR и обладать аналитическими способностями, но и знать этнокультурные и национальные особенности партнеров, с которыми выстраивает отношения.

Несмотря на схожесть институциональных структур государственного управления, следует учитывать, что исторически сложившиеся модели поведения, обусловленные традициями, обычаями, религией, менталитетом того или иного этнического сообщества накладывают отпечаток на национальную политическую культуру. Выбор стратегии взаимодействия GR-менеджеров с представителями органов государственной власти во многом зависит от моделей управления.

Взаимодействие бизнеса и власти в рамках межгосударственных институтах происходит в соответствии с четко выработанными правилами. Они «характеризуются ограниченным членством, невысоким уровнем бюрократии, гибкостью форматов взаимодействия (как с аутрич-группами внутри института, так и со внешними акторами), опорой на принципы консенсуса в принятии решений и их добровольного исполнения» [4, с. 47]. Однако, когда при взаимодействии отсутствуют четко установленные процедурные нормы, основой успешной коммуникации становится соблюдение правил делового этикета, подразумевающее проявление уважения к этнокультурным и национальным особенностям субъектов коммуникации.

При передаче информации не так важно, что сказано, как то, где, когда и при каких условиях происходит общение. Большая часть смысла передается косвенно: через социальные роли и статусы (иерархические отношения, внешний вид кабинета, расположение представителей организации за столом переговоров), невербальные элементы высказываний (темп речи, интонация паузы, молчание). GR-менеджер должен уметь распознавать скрытые значения передаваемой информации, выявлять невербальные нюансы, сопровождающие коммуникацию. Как отмечает Л. И. Гришаева, «сложности в общении представителей различных культур возникают на основе национальных особенностей их коммуникативного поведения, которое определяется как поведение, вербальное и невербальное, народа, личности, группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [5, с. 159].

Эффективность GR-менеджмента на международном уровне во многом зависит от знания особенностей национальных культур и умения их использовать в практической деятельности. Для выбора путей конструктивной коммуникации, выстраивания долгосрочных доверительных отношений и выработки программы международной деятельности GR-специалисту необходимо обладать межкультурной компетентностью.

Межкультурная компетентность:

- позволяет адекватно воспринимать собеседника, ориентироваться в национальных культурах партнеров по коммуникации и достичь согласия по поводу правил и способов коммуникации, приемлемых для представителей обеих культур;
- проявляется в способности выявить культурные различия партнера по коммуникации и взаимодействовать в любом культурном пространстве;
- предполагает знание культуры страны партнера и иностранного языка; открытость, готовность к сотрудничеству; толерантность.

На формирование межкультурной компетенции оказывает влияние ряд факторов:

- культурная дистанция;
- контекст;
- этнические стереотипы.

Культурная дистанция определяется близостью или отдаленностью культур. Чем больше сходства в базовых установках, ценностях и особенностях поведения, тем меньше культурная дистанция и, следовательно, легче выстраивать отношения с органами власти.

В рамках кросс-культурного анализа стейкхолдеров особое значение придается такому фактору, как контекст. *Контекст* включает исторические, политические и экономические условия, сопровождающие межкультурное взаимодействие. Исторический контекст определяется памятью народа, на основе которой формируются ценности настоящего и перспективы будущего. Политический контекст характеризуется отношением государства к развитию взаимодействия с политическими субъектами. Организация отношений с органами государственной власти, где контекст имеет важное значение, в первую очередь необходимо наладить доверительные отношения в неформальной обстановке и только потом переходить к обсуждению деталей вопроса, стоящего на повестке.

В японской, китайской, корейской, арабской, греческой культурах основное внимание в коммуникации отводят неязыковому контексту.

Представители органов государственной власти стран Азии не станут вести переговоры с GR-менеджером, если его статус недостаточно высок, как бы профессионален он ни был.

В странах (Германия, США, Скандинавские страны), где контексту не предается особого значения, предпочтителен прямой стиль общения. Представлять свою позицию необходимо четко, ясно, убедительно. Больше внимание уделяется содержанию сообщения, а не его контексту. Для текста сообщения характерна причинно-следственная хронология, четкая и ясная оценка всех обсуждаемых тем, вопросов и деталей проблемы, открытое выражение недовольства. Невербальное поведение у представителей данных культур часто игнорируется.

Незнание или игнорирование вышеперечисленных различий может сказаться на выборе неверной стратегии и тактики при GR-взаимодействии, принятии решений, подготовке совместных формальных и неформальных мероприятий.

В процессе межкультурной коммуникации не стоит опираться на сложившиеся *этностереотипы*, поскольку это может привести к ошибочным оценкам

выстраивания отношений с органами государственной власти и негативно влиять на их результаты.

Соблюдение данных параметров в международной GR-деятельности позволяет существенно уменьшить влияние разнообразных барьеров на пути построения эффективных коммуникаций и является залогом формирования межкультурной коммуникативной компетентности GR-менеджера, предполагающей умение интерпретировать и оценивать поведение партнера по коммуникации, исходя из особенностей его культуры, и осознанно адаптировать свое поведение согласно определенному культурному контексту.

Знание и учет межкультурных факторов в GR-деятельности позволяет:

- выявить межкультурные различия в практике GR-деятельности разных стран;
- быстро преодолевать коммуникационные барьеры;
- повысить доверие к GR-менеджерам.

Таким образом, достижение взаимопонимания и построение плодотворной коммуникации с представителями разных культур требуют от GR-менеджера глубоких знаний в области межкультурного разнообразия. При планировании системы коммуникации в международной GR-деятельности следует уделить достаточное внимание таким аспектам как культурная дистанция, контекст, сложившиеся стереотипы. Успешность GR-взаимодействия, зависит также от способности принять и учесть объективно существующие различия между представителями разнообразных культур, приспособиться к коммуникативному поведению партнеров, а также преодолеть этноцентризм.

Список использованных источников

1. *Мухаев, Р. Т.* GR-менеджмент: наука или искусство эффективной публичной коммуникации (начало) / Р. Т. Мухаев // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 1. – С. 114–128.
2. *Минтусов, И. Е.* Этика GR-коммуникаций в общеевропейской и российской практике: сравнительный анализ / И. Е. Минтусов, О. Г. Филатова // Вестник СПбГУ. – Сер. 9. – 2015. – Вып. 4. – С. 87–95.
3. *Hofstede, G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded third edition / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. – N.Y.: McGraw-Hill, 2010.
4. *Шохин, А. Н.* Взаимодействие бизнеса и власти в межгосударственных институтах глобального управления / А. Н. Шохин, А. А. Прохорова; под науч. ред. А. Н. Шохина. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. – 295 с.
5. *Гришаева, Л. И.* Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде: монография / Л. И. Гришаева. – Воронеж: Науч. книга, 2009. – 262 с.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

М. С. Стефанович

Белорусский государственный университет, Минск

M. Stefanovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 316.75

СУЩНОСТЬ И МЕТОДИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СПЕКТРА

THE ESSENCE AND METHODOLOGY OF MODELING THE IDEOLOGICAL SPECTRUM

Статья посвящена рассмотрению теоретических оснований и моделей идеологического спектра. Представлены различные варианты расположения идеологий на политических координатах. Обозначена специфика понятия идеологического спектра в сравнении со смежными категориями.

Ключевые слова: идеологии; идеологический спектр; политические координаты; идеологические модели.

The article is devoted to the consideration of the theoretical foundations and models of the ideological spectrum. Various variants of the location of ideologies on political coordinates are presented. The specificity of the concept of the ideological spectrum in comparison with related categories is noted.

Keywords: ideologies; ideological spectrum; political coordinates; ideological models.

Значимым вопросом в изучении современных идеологий является определение границ подобных исследований. Изучение отдельно взятой идеологии может быть продуктивным, но при этом возникают риски искусственного вычленения определенного комплекса идей из широкого идейного контекста. Наблюдаемые процессы одновременной дифференциации и синтеза идеологических течений требуют иного подхода. В частности, относительно крупные идеологические доктрины все более сегментируются на конкурирующие направления, однако, параллельно возникают и смежные идейные течения, например, сложилась устойчивая группа консервативно-либертарианских идеологий. Подобные тенденции требуют реконструкции всей системы взаимосвязей, для чего необходимо использовать спектральное моделирование, позволяющее реконструировать весь идеологический спектр. Он обеспечивает наглядное отображение идеологических позиций, дистанций между идеологиями и системы связей между ними.

Идеологический спектр является самостоятельным предметом политических исследований и аналитическим инструментом познания идеологий. С нашей точки зрения, для дальнейшей актуализации категории «идеологический спектр» политической науке необходима эвристичная методика спектрального модельного представления идеологий, развивающая и актуализирующая имеющиеся исследовательские наработки. Цель статьи – уточнить сущность моделирования идеологического спектра и выявить методики представления идеологий в модели спектра, созданные в политической науке.

В литературе встречается множество категорий, отражающих спектральное представление идеологий: партийный спектр, идеологический спектр, политические координаты. Категория «партийный спектр» шире категории «идеологический спектр». Так, российский политолог Д. А. Ежов указывает на то, что категория «партийный спектр» отражает «политические, электоральные и идеологические характеристики» партий [1]. Кроме того, с нашей точки зрения, эти категории различаются и по кругу субъектов, поскольку носителями идеологий являются не только партии, но и внепартийные политические организации, СМИ с выраженной политической позицией, интеллектуальные сообщества, аналитические центры и мыслители.

А. Ю. Мельвилл рассматривает идеологический спектр в двух аспектах: «Идеологический (идейно-политический) спектр:

1) логически упорядоченная совокупность политически значимых идейных (идеологических) направлений и течений, а также выражающих их носителей (партий и движений), которые включены в политическую жизнь общества;

2) аналитический инструмент для классификации и сравнения распространенных в обществе фундаментальных политических идей и ценностей, их представителей, конкурирующих между собой по принципиальным целям и проблемам» [2, с. 536–537].

При таком подходе речь идет о расположении идеальных типов, которые фундируют определенную степень условности любых моделей идеологического спектра. Хотя у идеологий имеются «канонические» тексты и авторы, степень унификации идеологических постулатов уступает религиозному канону. Стоит учитывать тот факт, что каждый идеолог может выдвинуть свою версию идеологии. Например, Л. фон Мизес отмечал: «Программа либерализма, если ее сжато выразить одним словом, читалась бы так: собственность, т. е. частное владение средствами производства» [3, с. 20]. Однако, эта позиция отражает взгляды сторонников экономического либерализма. Фокус внимания теоретиков политического либерализма направлен на другие категории, такие как «парламентаризм», «гарантии индивидуальных прав и свобод» и здесь собственность является лишь одним из идеологических оснований. Поэтому для построения идеологического спектра необходимо выделять наиболее общие и характерные теоретические позиции, которые определяют своеобразие той или иной идеологии и позволяют сформировать ее идеальный тип. В таком случае идеологический спектр можно определить как логически последовательную совокупность политических идеологий, сформированную на основе одного или нескольких критериев.

Идеологический спектр может рассматриваться как в общем виде, включая левый и правый сегмент, так и сводится только к группе левых или правых идеологий. Последнее более продуктивно для глубокого рассмотрения идейного разнообразия в рамках системы взаимосвязей относительно близких идеологий.

Методика спектрального представления идеологий сводится к следующим трем шагам: типологизация идеологий, построение политических координат, моделирование идеологического спектра. Поскольку построение политических координат является частным случаем теоретического моделирования, ему присуща высокая степень абстрагирования.

Структура координат задается набором идеологических маркеров – дескрипторов, которые описывают позицию по тому или иному значимому вопросу. Маркеры могут носить как аксиологический (антитезы свободы и контроля, планирования и рынка, традиций и эмансипации), так и процедурный (отношение к методам политической борьбы, участию в выборах) характер.

Построение политических координат осуществляется путем нанесения осей с маркерами, на основе которых осуществляется структурирование избранных элементов. Можно создавать координаты с тремя, четырьмя или более идеологическими маркерами. Но умножение критериев уменьшает эвристическую значимость координат, сводит ее к описанию различных характеристик идеологии, что можно сделать и без их построения. Поэтому чаще используются одномерные или двухмерные координаты, критерии которых дополняют друг друга. В полученных секторах могут размещаться не только сами идеологии, но и специально отобранные субъекты (например, партии), позиция которых на диаграмме зависит от их установок по тем или иным вопросам, заложенным в основу диаграммы.

Методики моделирования идеологического спектра складывались по мере оформления интереса политической науки к феномену идеологий, возникновению конкретных направлений исследований формирования и развития идеологий. Уже в первой четверти XX в. на фоне идеологизации политики, в том числе после революционных процессов в ряде стран, возникла необходимость классификации идеологий, определения их сходств и различий. Самой известной работой данной тематики стала «Идеология и утопия. Введение в социологию знания» К. Мангейма. В 1920-е гг. немецкий социолог выделял тотальные и партикулярные идеологии, что можно считать предтечей современного выделения метаидеологий, субидеологий и других элементов идеологического спектра. Далее К. Мангейм различал идеологии и утопии, причем последние превращались в идеологии после того, как сторонники той или иной утопии приходили к власти.

Построение собственно политических координат стало типичным исследовательским приемом в послевоенный период. В 1963 году американский политолог Д. Пурнелл разработал двумерную систему координат, состоящую из осей этатизма и рационализма (рис. 1). Ось Y, «отношение к запланированному социальному прогрессу» (обозначенная как рационализм), отражает убежденность в возможности решения социальных проблем с помощью разума. Верхние позиции идеологии свидетельствуют о поддержке рационально организованного социального прогресса, нижний олицетворяет скептицизм в отношении сциентистских методов управления обществом [4]. Модель Пурнелла позволяет оценить уровень рационализации идеологий, что является важным аспектом при определении их места в идеологическом спектре.

Возникновение и рост популярности новых идеологий потребовало новых модификаций идеологических шкал. Либертарианские активисты критиковали традиционное лево-правое деление за упрощенный и ошибочный подход, отмечая, что их идеология плохо укладывается в эту схему. Поэтому политолог Д. Нолан разработал в 1969 году политическую диаграмму, основанную на разделении экономической и личной свободы. Целью модели Д. Нолана было представление либертарианства как идеологии стоящей над спорами правых и левых, находящейся «наверху идеологического ромба» [6].

Рис. 1. Идеологическая модель Д. Пурцелла

Построение диаграммы Д. Нолана осуществляется путем нанесения осей с идеологическими маркерами (экономическая и личная свобода), на основе которых осуществляется структурирование избранных элементов. В четырех полученных секторах размещаются отобранные субъекты, позиция которых на диаграмме зависит от их установок в отношении свобод (рис. 2) [5].

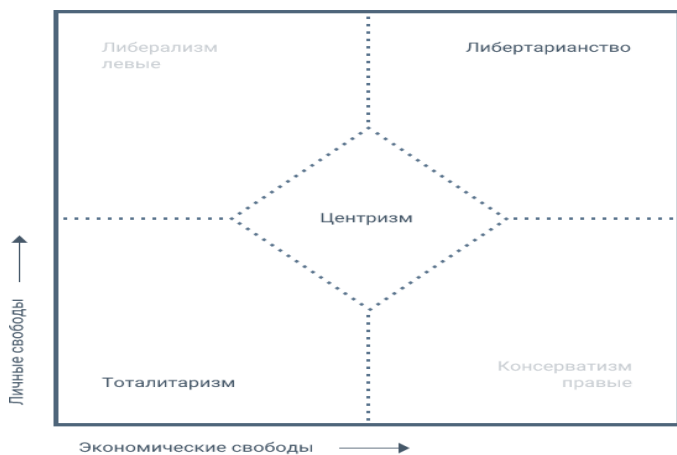

Рис. 2. Идеологическая модель Д. Нолана

Диаграмма приобрела широкую известность и популярность, хотя ее научное содержание остается спорным. Можно обратить внимание на необоснованное упрощение идеологических координат и сведения их лишь к вопросу индивидуальной свободы.

Кроме того, сама идея вычленения либертарианства из лево-правой дихотомии не получила широкой поддержки в политической науке. Но при всей

критике, значение диаграммы Нолана состоит в том, что она дала импульс к расширению моделей идеологического спектра и в целом увеличила востребованность построения политических координат.

Именно поэтому различные модификации диаграммы Д. Нолана наиболее распространены в многочисленных политических тестах, где создается графическая модель, отражающая место элемента в идеологических координатах. Ее часто используют онлайн-ресурсы политического тестирования при составлении опросников для определения места субъекта на идеологическом спектре. Хотя перечень и содержание вопросов меняются в зависимости от времени и страны, принцип распределения объектов на четыре группы задан самой координатной осью. Соответственно, для построения диаграммы Нолана необходимо изучить отношение субъекта к личной и экономической свободе, выявить доминирующие идейные установки (этактистские или, напротив, прорыночные), которые позволят отнести его к определенному сегменту спектра.

В русскоязычной литературе предпринимались другие попытки построения идеологических моделей. Еще в 1975 году А. А. Амальрик выделял в СССР многоуровневую идеологическую систему, которая скрывалась за «идейной монополией» КПСС. «Эту внутреннюю неясную картину сильно искажает обязательное внешнее однообразие. В действительности идеологии, насчитывающие, как я сказал, мало открытых сторонников, могут иметь в обществе много сторонников тайных, или, так сказать, эвентуальных, тогда как среди кажущихся приверженцев господствующей идеологии могут оказаться не только безразличные, но даже враждебные ей люди» [5].

Схема Амальрика включает три уровня:

1. Суперидеологии. Этому уровню соответствуют идеологические метанарративы, социальные философии, имеющие наиболее глубокое доктринальное содержание. К ним Амальрик относил марксизм, либерализм и национализм.

2. Собственно идеологии или политические доктрины. Степень их универсализма значительно меньше, они более чувствительны к историческому контексту. К «идеологиям среднего уровня» относились неосталинский марксизм, неосталинский национализм, либеральный марксизм, либерально-демократическая идеология, социально-этическая идеология, неославянофильство. Каждая из них пересекается со смежными направлениями и неразрывно связана с суперидеологиями, на стыке которых возникают данные политические доктрины.

3. Субидеологии или идеологии-чувства. Это не столько идеологии, сколько воплощение отдельных концепций в политических эмоциях, устойчивых настроениях больших социальных групп. К ним Амальрик относил охранительную идеологию власти, реформизм среднего класса, эгалитаризм и национализм масс.

Хотя наполнение схемы обусловлено конкретным историческим контекстом, лежащий в ее основе принцип выявления уровней идеологий выходит далеко за пределы советской проблематики. Эту методику можно использовать, когда речь идет о пределах дробления идеологий, изучения вертикальной и горизонтальной структуры идеологического спектра. Если формирование суперидеологий является длительным процессом, происходит достаточно редко, то локальные политические доктрины появляются регулярно. Для этого необходима устойчивая группа теоретиков и популяризаторов, которые формируют определенный идейный канон, закрепляют условное наименование и распространяют

новую идейную модификацию посредством различных форматов, в первую очередь через сеть.

Появление новой идеологии в публичном пространстве может оказаться успешным, если она отвечает на актуальные вопросы, вызывающие идеологическое напряжение, выдвигает новые объяснительные модели спорных политических процессов. Возникновение новых идеологий оказывает существенное влияние на формирование современных моделей идеологического спектра, поэтому в современной политологической литературе они регулярно дополняются новыми вариациями.

В 2006 году американский политолог Б. П. Митчелл опубликовал работу «Восемь способов управления страной: Новый взгляд на левых и правых», где выделил четыре политические традиции в англо-американской истории, основанные на их отношении к государственной власти и иерархии:

Б. П. Митчелл изобразил эти традиции графически, построив свою диаграмму по образцу исследований Д. Нолана [6]. Демократический прогрессивизм размещен в левом нижнем углу, плутократический национализм в правом нижнем углу, республиканский конституционализм в правом верхнем углу, и либертарианский индивидуализм в левом верхнем углу (рис. 3).

Рис. 3. Идеологическая модель Б. П. Митчелла

Для Митчелла анархия предполагает не упразднение государства, а отказ от иерархии. Таким образом, могут быть как антигосударственные анархисты (либертарианские индивидуалисты), так и этатистские анархисты (левые, которые выступают за использование правительственной силы против социальных иерархий).

На основе четырех традиций Б. П. Митчелл определил восемь элементов идеологического спектра:

1. Коммунитарный, признающий ранжирование на демократической основе и одобряющий государственную власть.

2. Прогрессивный, отвергающий иерархию и одобряющий государственную власть.

3. Радикальный, отвергающий иерархию и двойственный в отношении власти (власть как средство революционной борьбы с неравенством).

4. Либертарианский индивидуалистический, отвергающий иерархию и власть.

5. Палеолибертарианский, амбивалентный в отношении иерархии (признающий естественное неравенство, но отвергающий политическую иерархию), отвергающий власть.

6. Палеоконсервативный, поддерживающий иерархию, отвергающий демократическую власть.

7. Религиозно-консервативный, поддерживающий иерархию, двойственный в отношении власти.

8. Неоконсервативный, поддерживающий иерархию и власть.

Потенциальным девятым элементом может быть популизм, но с точки зрения Б. П. Митчелла, он недостаточно определен в своих свойствах, чтобы быть выделенным в отдельный элемент [7]. Особое место в этой модели занимают новые правые идеологии, Б. П. Митчелл дифференцирует различные течения либертарианства и консерватизма, наглядно демонстрируя процесс идеологической дифференциации.

Модель Б. П. Митчелла является одной из наиболее актуальных для спектрального моделирования идеологий, поскольку учитывает современные идеологические модификации. Для ее построения необходимо выявить восприятие иерархии и государственной власти в идеологии, соотнести эти позиции и на их основе определить положение идеологии.

Таким образом, идеологическое пространство может быть дифференцировано по ряду оснований, что позволяет дополнять простую лево-правую шкалу рядом значимых для углубления понимания идеологических процессов моделей. Это обусловило отсутствие универсальной модели идеологического спектра. Спектральное моделирование идеологий развивается по нескольким направлениям – отношение к власти, способам управления, выявление уровней идеологий, определение степени рационализации идеологических постулатов, рыночные и антирыночные ориентации.

Методику построения идеологического спектра регулярно обогащают актуальные модели, некоторые из которых обретают широкую популярность в сетевых политических сообществах и становятся фактором, влияющим на идеологическую идентификацию через индустрию политического тестирования. Кроме того, построение подобных моделей является значимой частью репрезентации идеологий, заявления о своеобразии своей позиции, поэтому идеологи, нередко, сами разрабатывают модели идеологического спектра, что хорошо видно на примере диаграммы Нолана. Так, моделирование идеологического спектра способствует развитию самих идеологий, что отражает связь научного познания и процесса генерации политических идей.

Список использованных источников

1. Ежов, Д. А. О партийном спектре современной России (некоторые вопросы теории) / Д. А. Ежов // *Власть*. – 2017. – № 1. – С. 180–182.

2. Мельвиль, А. Ю. Категории политической науки / А. Ю. Мельвиль. – М.: МГУ, 2015. – 656 с.

3. Мизес, фон Л. Либерализм / Л. фон Мизес; пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2014. – 299 с.

4. Baen, J. The Pournelle Political Axes [Electronic resource] / J. Baen. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20050407204125/http://www.baen.com/chapters/axes.htm>. – Date of access: 17.02.2020.

5. Амальрик, А. А. Идеология в советском обществе [Электронный ресурс] / А. А. Амальрик // Частный корреспондент. – 2012. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/ideologiya_v_sovetskom_obshchestve_29595. – Дата доступа: 17.02.2020.

6. Calibrating the Nolan Chart // Nolan Chart [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nolanchart.com/article9795-calibrating-the-nolan-chart-html>. – Date of access: 17.02.2020.

7. Mitchell, B. P. Eight Ways to Run the Country: A New and Revealing Look at Left and Right / B. P. Mitchell. – New Jersey: Transaction Publishers, 2001. – 304 с.

(Дата подачи: 23.02.2021 г.)

А. А. Сулейков

Институт экономики НАН Беларуси, Минск

A. A. Suleikau

The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 321, 329.15, 323.25 ВАК 23.00.02

ТЕОРИЯ ГЕГЕМОНИИ А. ГРАМШИ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

A. GRAMSCI'S HEGEMONY THEORY AS A SOURCES OF THE "SOFT POWER" CONCEPT

Статья посвящена соотношению концепций «мягкой силы» Дж. Ная и теории «культурной гегемонии» А. Грамши. Автор анализирует сущностные черты данных концепций, устанавливается логическая причинно-следственная связь между ними. В статье выделяются общие для данных концепций положения, а также подчеркиваются различия, разграничивающие их. Автор приходит к выводу о том, что теория «культурной гегемонии» Грамши во многом заложила теоретико-методологические основы формирования концепции «мягкой силы».

Ключевые слова: мягкая сила, жесткая сила, культурная гегемония, молекулярное сопротивление, гражданское общество.

The article is devoted to the connection between the concepts of "soft power" by J. Nye and the theory of "cultural hegemony" by A. Gramsci. The author analyzes the essential features of these concepts, establishes a logical cause-and-effect relationship between them. The article highlights the provisions common to these concepts, and also underlines the differences that delimit them. The author comes to the conclusion that Gramsci's theory of "cultural hegemony" has largely laid the theoretical and methodological foundations for the formation of the "soft power" concept.

Keywords: soft power, hard power, cultural hegemony, molecular resistance, civil society.

Термин «мягкая сила» является одним из наиболее часто упоминаемых как в современном общественно-политическом дискурсе, так и в политической на-

уке, а также в теории международных отношений. Восприятие этого понятия крайне разнится от источника к источнику: от нейтрально-научного до предвзятого, от крайне позитивного до отрицательного. Таким же образом может быть распределено отношение ряда ученых и публицистов к самой концепции «мягкой силы»: ряд исследователей указывает на неправомерность выделения «мягкой силы» как феномена политической реальности и отделения ее от иных форм политической власти (Льюкс, Липовецки) [1]; другие представители научного сообщества признают существование «мягкой силы» как одного из элементов политической сферы жизни общества, однако отказывают ей в приписываемой силе воздействия на деятельность политических акторов и полисимейкеров во внутренней и внешней политике (Фергюссон, Коэн, Каган, Грей) [2]; третья группа ученых и публицистов сосредотачивает свое внимание на вопросах, затрагивающих лишь отдельные элементы концепции: пределы влияния «мягкой силы» на действия субъектов политики, основные ресурсы и технологии использования «мягкой силы» (Русакова [3], Гапич и Лушников [4], Манойло [5], Галлароти [6]).

При этом, в русскоязычном дискурсе отсутствует общая точка зрения на корректность интерпретации англоязычного термина «soft power» именно как «мягкой силы». Впервые термин «soft power» был введен в лексикон политической науки американским исследователем Дж. Наем младшим в 1990 г. Однако, наибольшую известность и само понятие, и концепция получили благодаря более поздней работе Дж. Ная «Soft power: the means to success in world politics», которая была издана в 2004 году [7]. Первый русский перевод данной работы имел название «Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике» [8]. Также встречаются такие трактовки термина «soft power» как «мягкое влияние», «гибкое воздействие» и т. д. Однако наиболее распространенным стало определение «мягкая сила».

В то же время, при анализе компонентов концепции «мягкой силы» ряд исследователей находит определенные сходства между положениями, содержащимися в трудах Дж. Ная и в работах итальянского марксиста Антонио Грамши. Некоторые склонны «привязывать» теорию Грамши о гегемонии не только с «мягкой силой», но и с методикой «ненасильственного действия» и «цветными революциями». Так, в частности, С. Г. Кара-Мурза в своих трудах рассматривает концепты «гегемонии» и проистекающей из нее «молекулярной революции», сформулированные А. Грамши, в качестве предтечи методологии «цветных революций» [9, с. 24–28]. Для того, чтобы определиться со степенью и характером взаимосвязанности концепций «мягкой силы» Дж. Ная и «культурной гегемонии» А. Грамши, необходимо проанализировать их сущностное содержание.

Антонио Грамши, будучи видным деятелем итальянского левого движения (участвовал в основании и руководил Итальянской коммунистической партией, считается одним из виднейших теоретиков марксизма) во многом заложил теоретико-методологические основы неомарксистского движения. Ключевой чертой подхода Грамши к применению марксистского метода анализа общественно-политической сферы является существенный акцент на культурной составляющей жизни общества. Это было детерминировано тем, что особое внимание Грамши уделял вопросам поражения революционных процессов в ряде стран Европы. В частности, проблемным моментом было выявление причин провала применения в западноевропейских странах тактики борьбы

с существующей политической системой, аналогичной использованной коалицией левых сил, возглавляемой большевиками, в Российской империи и, затем, в Российской республике [10]. Главным результатом теоретических изысканий Грамши можно назвать формирование концепции «культурной гегемонии», которая, в последствии, легла в основу ряда общественно-политических доктрин и идеологий некоторых политических движений.

Согласно Грамши, культурная гегемония представляет собой господство идеологии правящего класса как формы ложного сознания над мировоззрением и интересами культурно и классово неоднородного общества. Картина мира, закрепленная в обществе и считающаяся эталоном «здорового смысла» является искусственно созданным конструктом, продуцированным правящим классом, во многом ложным по своей природе. «Здоровому смыслу» противопоставляется так называемый «хороший смысл» – точка зрения и форма мировоззрения, присущая неоднородным по своей природе угнетенным массам и как соответствующая их интересам, так и продуцируемая непосредственно условиями их существования и общественно-экономическим положением [11]. «Здравый смысл» как форма ложного сознания продуцируется институтами гражданского общества. Под самим же гражданским обществом теоретик марксизма понимает сеть частных организаций господствующего класса, прямо не включенных в аппарат государственной власти: профессиональные, культурные, общественные, религиозные, благотворительные организации и политические партии, средства массовой информации [12]. Посредством таких институтов, как школа, церковь, коммерческий и некоммерческий сектор, господствующий класс и прививает свои идеологические установки и свою картину мира как основному угнетенному классу (пролетариату), так и смежным и «пограничным» социальным группам.

Таким образом, развитое гражданское общество является неотъемлемым элементом «интегрального государства», включающего в себя также и политическое общество (аппарат государственного управления, непосредственно сами политические институты). Сам Грамши дает «интегральному государству» следующее определение: «Это – целый комплекс практической и теоретической деятельности, посредством которой правящий класс не только оправдывает и поддерживает свое господство, но и преуспевает в получении активного согласия тех, кем он управляет» [11]. Именно этот момент является наиболее существенным фактором, отличающим Восток и Запад и обусловившим успех Октябрьского переворота, ставшего началом новой революции. По мнению Грамши, на Востоке «государство было всем, гражданское общество было первобытным и желатинообразным. На Западе существовали соответствующие отношения между государством и гражданским обществом и, когда государство шаталось, сразу же обнаруживалась крепкая структура гражданского общества. Государство было только внешним рвом, за которым существовала мощная система крепостей и земляных укреплений, – более или менее многочисленных от одного государства к другому, само собой разумеется, но это обязательно требовало тщательной реконструкции каждой отдельной взятой страны» [11]. Из такого понимания «культурной гегемонии» проистекает так называемая концепция «молекулярной революции».

В «Тюремных тетрадах» Грамши упоминается, что противодействие гегемонии правящего класса и установление гегемонии новых сил в условиях наличия такой гегемонии, а, следовательно, и согласия в гражданском обществе, носит

«молекулярный» характер [13]. В силу наличия негосударственных институтов, способствующих укоренению воззрений правящего класса в сознании других слоев общества, противодействие гегемонии должно производиться не посредством прямого силового воздействия на государственные структуры, а посредством изменения мнений и настроений в сознании каждого человека. При этом, главным «полем боя» является именно гражданское общество. Таким образом, Грамши лишь дает указание на возможные методы противодействия существующей гегемонии, не развивая данную идею до уровня концепции.

Согласно определению, данному Наем в своей работе «Мягкая сила. Как добиться успеха в мировой политике» «мягкая сила» представляет собой способность достигать целей на международной арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов. Сущность концепции «мягкой силы» заключается в защите и продвижении национальных интересов государства через убеждение и привлечение симпатий посредством ее ценностей, достижений в культуре и интеллектуальной сфере [14]. Дж. Най под силой как таковой способность актора менять линию поведения других акторов. Применительно к сфере международных отношений сила трактуется как способность оказывать влияние на поведение других акторов для достижения желаемых результатов. При этом силовое воздействие в данном смысле осуществляется посредством:

1. Принуждения или угрозы принуждения («кнута»).
2. Вознаграждения, стимулирования путем предоставления определенных экономических благ («пряник»).
3. Побуждения, проистекающего из привлекательности государства, которая ненавязчиво заставляет другого желать того же, чего желает субъект, оказывающий воздействие [15, с. 14].

Соотносительно возможным видам силового воздействия Най выделил следующие типы «силы»:

1. «Жесткая сила». Она включает в себя вооруженные силы государства, а также ресурсы экономической системы («кнут» и «пряник»).
2. «Мягкая сила», осуществляемая при помощи третьего способа оказания силового воздействия – привлекательности» [15, с. 14].

Главным отличием между этими видами силы является инструментарий, способствующий осуществлению власти: проецирование «жесткой силы» реализуется посредством навязывания своей воли насильственными методами или угрозы их применения, тогда как «мягкая сила» обеспечивается механизмами согласования внешнеполитических акций и вовлечение в сотрудничество более широкого характера, как правило, на базе единых культурных, политических, экономических и идеологических ценностей, такому сотрудничеству благоприятствующих и позволяющих оказывать влияние на другие страны. «Жесткая сила», как правило, носит прямой характер, «мягкая сила», в свою очередь, применяется опосредованно и косвенно.

В целом, согласно Дж. Наю, основания «мягкой силы» можно систематизировать следующим образом:

1. Культура как «высокая», так и «массовая» (в тех ее частях, которые привлекательны для других), представляющая собой набор значимых для общества ценностей.
2. Политические ценности (когда они жизнеспособны как внутри страны, так и за рубежом).

3. Внешняя политика (в случае, если она носит легитимный характер, целесообразна с точки зрения морали и соответствует провозглашаемому политическим ценностям). Эти основания являются и главными ресурсами, формирующими «мягкую силу» государства.

Субъектами применения «мягкой силы» могут быть как государства, так и негосударственные акторы (транснациональные корпорации, глобальные НПО, некоторые знаменитые личности, а также и международные террористические организации). При этом ключевым каналом наиболее прямого из возможных применения «мягкой силы» является так называемая «публичная дипломатия».

Под публичной дипломатией понимается совокупность системно взаимосвязанных академических, образовательных, культурных и других мероприятий и программ, главной целью которых является взаимодействие и воздействие на институты гражданского общества других стран, их государственную и бизнес-элиту [15, с. 17]. Основной задачей таких мероприятий является формирование позитивного образа государства за рубежом. В качестве субъектов публичной дипломатии, как правило, выступают государственные органы, НПО, СМИ, акторы частного рынка и индивидуальные акторы. Таким образом, в случае привлекательности культуры, политики и ценностей, на которых она основана для населения внешних акторов, публичная дипломатия способна сформировать условия, способствующие росту «мягкой силы». Публичная дипломатия может осуществляться через информационные технологии, в том числе и Интернет, посредством образования культурных, научных и образовательных центров.

Исходя из вышеуказанного следует сделать ряд выводов. Во-первых, Грамши произвел теоретико-методологический прорыв в политической мысли XX века. Важно отметить, что именно он вернул в научный дискурс понятие «гражданское общество».

Во-вторых, концепции «культурной гегемонии» и «мягкой силы» обладают рядом схожих черт. В частности:

1. В обеих концепциях главным аспектом возможности властного воздействия является доминирование в культурной среде, области смыслов и ценностей, формирующих мышление объекта (сама «гегемония») и «молекулярное воздействие» на нее у Грамши и «привлекательность» у Ная).

2. Обе концепции указывают на то, что основным полем как применения «молекулярного воздействия», так и реализации «привлекательности» является гражданское общество и его институты (напрямую или опосредованно контролируемые государством).

3. В рамках обеих концепций одними из субъектов воздействия могут быть и являются представители творческой интеллигенции.

Тем не менее, главным отличием концепций является их разнонаправленность. Несмотря на возможность применения «мягкой силы» во внутренней политике, большинством специалистов она рассматривается как инструмент продвижения национальных интересов на международной арене. Во внутренней политике национальная «мягкая сила», как правило, рассматривается как способ защиты от применения «мягкой силы» внешними акторами. В то же время «мягкая сила» не всегда применяется для деструкции государственного аппарата или общественной системы объекта воздействия. Часто она выступает исключительно инструментом точечного воздействия.

Концепции «культурной гегемонии» и «молекулярного воздействия» во многом направлены на осуществление внутривнутриполитических изменений, ли-

шение национального правящего класса гегемонии и деконструкции существующей политической системы, что в рамках марксистской этики является более чем оправданным.

Также важно отметить, что, по мнению автора, исследователи, связывающие методiku «ненасильственного действия» и концепты А. Грамши допускают определенную неточность, вызванную излишним фокусом на практике трансформации политических систем на постсоветском пространстве. Так, если сама идея гегемонии и противодействия ей на молекулярном уровне может быть связана с концепцией «мягкой силы», это не означает прямой причинно-следственной связи идей Грамши и событий в ряде стран в начале XXI века. Как правило, большинство «цветных сценариев» базируются на доктрине ненасильственного действия, которая предусматривает размывание легитимности государственного руководства, в том числе, среди сотрудников государственных органов. То есть, фактически, это прямое нападение на государственный аппарат, но иными методами, призванными перевести сам силовой блок государства на сторону оппозиционных сил. «Мягкая сила» может использоваться на подготовительной стадии или на стадии осуществления сценария в целях консолидации протестных сил, однако она не является основным инструментом осуществления «цветного сценария». Исходя из методологии Грамши следует, скорее, сделать вывод о том, что «цветной сценарий» возможен лишь в тех государствах, в которых гражданское общество либо слабо, либо находится на стадии формирования, либо, находясь на одной из этих стадий, противодействует аппарату государственного управления в силу разнонаправленности их интересов. Это, в свою очередь, означает уже проигранную «политическим обществом» борьбу за гегемонию в обществе гражданском. Отчасти, к такому выводу склоняется и автор доктрины «ненасильственного действия», Дж. Шарп. В своих работах он неоднократно указывает на то, что основной целью его методики является парализация силового блока политической системы в тех странах, где правящая элита опирается преимущественно на силовую и административный аппараты [16, с. 68].

Список использованных источников

1. *Русакова, О. Ф.* Концепт «мягкой силы» в современной политической философии [Текст] / О. Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – Вып. 10. – С. 173–192.
2. *Минасян, Н.* Концепция «Мягкой силы» в контексте теорий международных отношений / Н. Минасян // 21-й век. – 2017. – № 3(44). – С. 35–42.
3. *Русакова, О. Ф.* «Мягкая сила» и «Умная власть»: концептуальный анализ / О. Ф. Русакова, Д.М. Ковалева // Социум и власть. – 2013. – № 3(41). – С. 15–19.
4. *Гапич, А. Э.* Технологии цветных революций / А. Э. Гапич, Д. А. Лушников. – М.: Риор. – 2010. – 132 с.
5. *Карпович, О. Г.* Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов / О. Г. Карпович, А. В. Манойло. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 111 с.
6. *Галларотти Д. М.* Как измерять мягкую силу в международных отношениях / Д. М. Галларотти // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 89–103.
7. *Нье J. S.* Soft power: the means to success in world politics [Text] / J. S. Nye. – N.Y.: Public Affairs, 2004.
8. *Най, Дж. С.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Дж. С. Най. – М.: ЛК Пресс, 2006. – 224 с.

9. *Кара-Мурза, С. Г.* Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза – Новосибирск.: Издательский центр Новосибирского отделения Всемирного Русского Народного Собора, 2007. – 176 с.

10. *Дымчак, Д. И.* Гегемония как ключевое понятие политической философии Антонио Грамши / Д. И. Дымчак // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2019. – № 4(65).

11. *Лестер, Дж.* Теория гегемонии Антонио Грамши и ее современное звучание [Электронный ресурс] / Дж. Лестер // Политнаука. Политология в России и мире. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/classic/leyster.php>. – Дата доступа: 22.01.2021.

12. *Кристаллинский, Л. Б.* Эволюция политической теории гражданского общества: критический аспект / Л. Б. Кристаллинский, С. В. Баранов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 8. – С. 65–72.

13. *Сейсяни, В. Т.* Взлет и падение американской контркультуры 1960-х в свете концепции культурной гегемонии Антонио Грамши / В. Т. Сейсяни, Е. Н. Хохрина // Известия Самарского научного центра РАН. – 2012. – № 2-5. – С. 1344-1346.

14. *Nye J.* Soft Power and Higher Education. EDUCAUSE non-profit organisation [Electronic resource] / J. Nye. – Mode of access: <http://net.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf>. – Date of access: 04.01.2021.

15. *Наумов, А. О.* «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века / А. О. Наумов. – М.: АРГАМАК-МЕДИА. – 2016. – 274 с.

16. *Шарп, Дж.* От Диктатуры к Демократии. Стратегия и тактика освобождения / Дж. Шарп. – М.: Новое издательство, 2012. – 84 с.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

Е. В. Тулейко

Институт экономики НАН Беларуси, Минск

О. В. Босько

Институт информационных технологий Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Минск

К. V. Tuleika

The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

О. V. Bosko

Institute of Information Technologies Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 35.08(047.2):316.77:004.9

МОДЕЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

MODEL OF COMMUNICATIVE ACTIVITY OF CIVIL SERVANTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Статья посвящена разработке комплексной модели коммуникативной деятельности государственных служащих в контексте цифровой трансформации. Содержится описа-

ние структуры предложенной модели и характера функционирования всех элементов ее системы в совокупности.

Ключевые слова: модель коммуникации; элементы модели; государственная служба; цифровая трансформация; аспекты коммуникативной деятельности.

The article is devoted to the development of a comprehensive model of the communication activities of civil servants in the context of digital transformation. It contains a description of the structure of the proposed model and the nature of the functioning of all elements of its system in aggregate.

Keywords: communication model; model elements; public service; digital transformation; aspects of communication.

Современные реалии ставят перед государственной службой новые задачи. Цифровая трансформация, внедрение технологий электронного правительства, переход на предоставление государственных услуг в электронной форме повышают требования к уровню коммуникативной компетенции государственных служащих, диктуют необходимость быть гибкими и адаптивными к изменениям.

Важность установления эффективных коммуникаций государственных органов с гражданами, обществом и субъектами экономики показала работа в условиях пандемии. Стало очевидным, что необходимо менять привычные системы управления информацией, использовать современные средства коммуникации для обеспечения эффективного взаимодействия, в том числе онлайн.

В целях адаптации деятельности государственных служащих к новым коммуникативным условиям необходима модернизация стратегий и подходов к коммуникации, применяемых на государственной службе. Для этого требуется анализ коммуникативного процесса, основанного на использовании социальных медиа в информационном поле, а также его составных элементов.

Для решения указанной задачи целесообразно использовать такой исследовательский прием, как моделирование. Моделирование является одним из общенаучных методов познания. В коммуникативистике цель моделирования – объяснение коммуникативных процессов; схематизированное, упрощенное описание реального коммуникативного процесса. Модель коммуникации – это ее схема, которая воспроизводит составные элементы и функциональные характеристики коммуникационного процесса, обобщая и в некоторой степени упрощающая все многообразие коммуникативных ситуаций.

Построение модели коммуникации предполагает описание ее структуры и характера функционирования. Содержание модели зависит от концепции, которой придерживаются ее авторы. Различные подходы к рассмотрению коммуникации ложатся в основу значительно отличающихся друг от друга моделей [1–4]. Однако, для понимания того, что происходит с современными средствами коммуникации и каково их воздействие на общество, необходимо рассматривать не один какой-то аспект изолированно, а весь комплекс элементов системы в совокупности.

Комплексные исследования, посвященные формированию модели коммуникативной деятельности государственных служащих в контексте цифровой трансформации, в настоящее время отсутствуют. Ряд исследований посвящено отдельным аспектам коммуникативной деятельности государственных служащих [1–4]:

1. Общим требованиям к коммуникации, среди которых выделяют следующие:
 - коммуникация должна иметь свое предназначение (цель);

- коммуникация должна быть ясной, конкретной и точной. Информация должна быть однозначно понимаема, доходить до адресата в неискаженном виде, соответствовать уровню подготовленности адресата;

- коммуникация должна быть своевременной: устаревшая информация, дошедшая к адресату с опозданием, способна дезориентировать его и привести к серьезным просчетам и ошибкам;

- коммуникация должна иметь обратную связь, поскольку именно от этого в наибольшей степени зависит эффективность данной коммуникации.

2. Формам и видам коммуникации. В рамках этого направления выделяют следующие виды коммуникаций: внешние (выходящие за пределы государственного органа и организации, например, обращение Президента к народу; пресс-релиз, отсылаемый в СМИ; правительственное сообщение и др.); внутренние (осуществляемые в рамках самой организации, например, совещания экспертов, секторные совещания, собрания сотрудников подразделений и др.).

Особое место в этом направлении принадлежит массовой коммуникации – процессу сообщения информации с помощью технических средств СМИ или коммуникации (печать, радио, телевидение, компьютерные сети и др.) большой аудитории.

Среди форм профессиональной коммуникации на государственной службе также выделяют: формы межличностного общения (государственный служащий – государственный служащий; государственный служащий – клиент); формы социального общения (государственный служащий – общество в целом); формы межгосударственного общения (государственный служащий – иностранное государство); формы информационного взаимодействия (государственный служащий – информация: документация, СМИ, интернет-сайты, блоги и пр.) [4, с. 32].

3. Коммуникативным каналам и барьерам. Под коммуникативным каналом понимается реальная или воображаемая линия связи (контакта), по которой сообщения движутся от коммуниканта к реципиенту. Коммуникативные барьеры, как правило, подразделяются на четыре класса:

- помехи и шумы (компьютерные вирусы, засорение пространства Интернет и др.);

- межъязыковой барьер (несоответствие языков, кодовых систем, тезаурусов коммуниканта и реципиента);

- социальный барьер, возникающий у людей, говорящих на одном языке, но принадлежащих к различным социальным группам;

- психологический барьер, возникающий вследствие искажений в восприятии информации, сопровождающий процесс коммуникации.

4. Инфраструктуре коммуникации. К информационно-коммуникационной инфраструктуре относится совокупность технических и программных средств, коммуникаций, персонала, технологий, стандартов и протоколов, обеспечивающих создание, передачу, обработку, использование, хранение, защиту и уничтожение информации [5].

5. Управлению коммуникациями, необходимому для удовлетворения информационных потребностей субъектов коммуникации. Управление коммуникациями, как правило, включает в себя три процесса:

- планирование управления коммуникациями;

- мониторинг коммуникаций;

- оценка эффективности коммуникации.

6. Обратной связи, источниками которой могут являться: собрания; результаты обсуждения на совещаниях, заседаниях, коллегиях, конференциях; личные приемы, письма, жалобы, предложения (обращения граждан и юридических лиц; результаты опросов, референдума и др.).

7. Результату коммуникации. Потенциальными результатами могут быть рост узнаваемости государственного органа и организации среди определенных аудиторий; динамика отношения аудитории к государственному органу и организации; изменение степени освещения (по уровню или тону) деятельности государственного органа и организации; оживление каналов обратной связи, повышение уровня удовлетворенности населения качеством и доступностью услуг и др.

8. Условиям коммуникации, заключающимся в наборе правил и знаний, приемов и техник эффективной устной, письменной и интернет-коммуникации.

9. Факторам, влияющим на коммуникацию, таким как личностные, социально-экономические, политические, организационные и др.

Для разработки комплексной модели коммуникативной деятельности государственного служащего в контексте цифровой трансформации (далее – Модель) были определены ее цели, принципы и составные элементы.

Целью разработки Модели является системное представление коммуникативной деятельности государственных служащих (объекта исследования) в условиях цифровой трансформации, отражающее ключевые элементы, существенные свойства и взаимосвязи исследуемого объекта.

Основными принципами (общими требованиями) разработки Модели являются следующие:

1. Информационная достаточность, которая предполагает, что проведен достаточный анализ информационных источников, касающихся функционирования системы (Модели), и выявлены недостающие (недостаточно исследуемые) элементы системы;

2. Адекватность, обозначающая, что Модель отражает наиболее существенные черты и элементы системы;

3. Целостность, определяемая тем, что Модель должна представлять собой целостную систему, включающую в себя большое число элементов, находящихся в сложной взаимосвязи друг с другом;

4. Возможность развития модели, предполагающая расширение спектра рассматриваемых элементов и их функций;

5. Блочное строение, предполагающее разделение и описание Модели отдельными частями (блоками), обладающим определенными связями между собой, но позволяющими рассматривать их обособленно.

Основными элементами Модели являются:

1. Коммуникатор.

2. Получатель.

3. Сообщение.

4. Канал коммуникации.

5. Барьеры коммуникации;

6. Инфраструктура коммуникации.

7. Связи (в том числе наличие обратной связи).

8. Управление коммуникацией.

9. Результат (эффект) коммуникации.

10. Условия и факторы коммуникации.

С учетом вышеизложенного представим Модель коммуникативной деятельности государственных служащих в контексте цифровой трансформации в виде рисунка и обозначим ее основные характеристики (рис. 1).

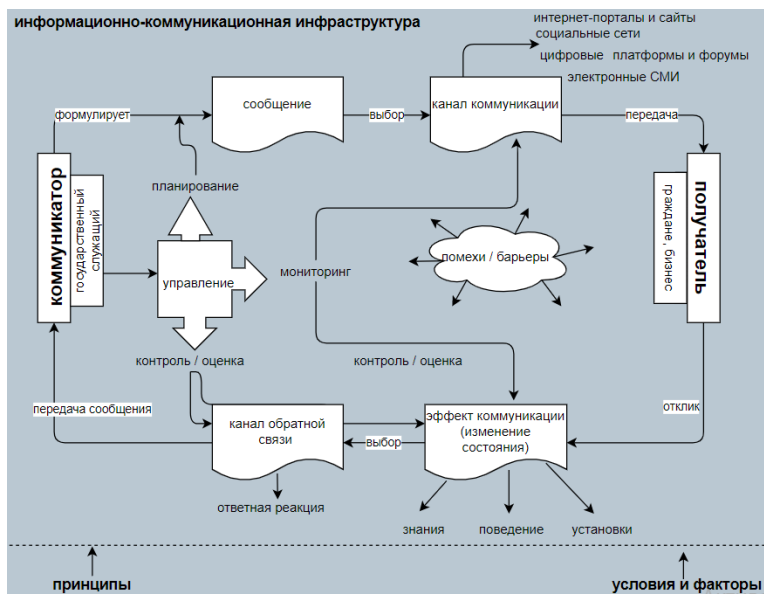

Рис. 1. Модель коммуникативной деятельности государственных служащих в условиях цифровой трансформации

1. В данной Модели основным субъектом коммуникации является государственный служащий, получателем сообщения являются граждане, бизнес и др. В процессе коммуникативной деятельности эти роли могут изменяться.

2. Коммуникатор определяет цель (информирование, послание, пропаганда, агитация и др.) и содержание информационного сообщения в зависимости категории получателя информации, его базовых характеристик и интересов.

Можно выделить ряд условных целей, для достижения которых государственные служащие используют современные коммуникационные каналы:

- вовлечение (дискуссии, предложения, отзывы, опросы);
- повышение уровня лояльности и доверия;
- просвещение, пропаганда и консультирование (разъяснения, повышение грамотности населения в сфере деятельности органов власти);
- получение регулярной обратной связи;
- повышение оперативности связи [6, с. 635–636].

3. Сообщение представляет собой информацию, передаваемую от одного субъекта коммуникации к другому: от государства (государственного служащего) к населению и от населения к власти (государству). Как правило, основным мотивом появления и трансляции сообщений со стороны власти является стремление последней к информационной открытости для населения. У населения же

основной мотив появления сообщения имеет две основные составляющие: обратная связь на сообщение власти и реализация потребности в самовыражении.

4. Канал коммуникации.

К современным каналам коммуникации государственных служащих можно отнести:

- официальные сайты государственных органов и организаций и интернет-порталы, электронные сервисы, позволяющие гражданам взаимодействовать с представителями органов государственного управления, оставлять обращения, рекомендации, осуществлять обсуждение и др.;
- интернет-опросы, используемые для решения различных задач профессиональной деятельности государственных служащих и обеспечивающие обратную связь с населением по важным политическим, социально-экономическим и иным аспектам жизнедеятельности общества;
- онлайн-присутствие на официальных заседаниях, обеспечивающее межведомственное взаимодействие;
- официальные аккаунты государственных служащих, государственных органов и организаций в социальных сетях, ведение публичных аккаунтов, а также Telegram-каналов, на которых размещается официальная информация и которые позволяют увеличить охват аудитории;
- государственные цифровые платформы, обеспечивающие сетевое взаимодействие между государственными служащими, населением, бизнесом и формируемые на различных отраслевых рынках;
- социальные интернет-форумы, представляющие возможность для осуществления социального диалога по отдельным социально-экономическим аспектам жизни общества и государства, демонстрации лучших технологий в социальной сфере и др.

При выборе социальных сетей в качестве канала коммуникации следует учитывать особенности их использования: популярность и распространенность среди различных целевых аудиторий; время для опубликования информационного сообщения; формы предоставления информации и др.

5. Получатели сообщения в зависимости от восприятия информации и эффекта коммуникации осуществляют обратную связь с коммуникатором также посредством вышеизложенных коммуникационных каналов. В зависимости от эффекта коммуникации коммуникатор корректирует коммуникационное поведение и вырабатывает дальнейшую стратегию коммуникации.

6. Управление коммуникацией включает планирование, мониторинг, контроль и оценку эффективности коммуникации. Планирование управления коммуникацией – процесс разработки соответствующего подхода и плана на основе информационных потребностей каждой заинтересованной стороны или группы, целей коммуникации.

Эффективность коммуникации можно оценить с помощью таких методов как:

- контент-анализ текстов СМИ;
- анализ интернет-пространства;
- отслеживание посещаемости корпоративного интернет-сайта;
- проведение исследований (опросов, анкетирования и др.).

7. Основными принципами коммуникации являются наличие четкой цели, непрерывность, компетентность субъектов коммуникации, адекватность и своевременность, рациональность в выборе каналов коммуникации, эффективность,

соблюдение этических и нравственных норм и технологий поведения в сети, безопасность.

В условиях цифровой трансформации особое место принадлежит безопасности коммуникаций, определяемой следующими обстоятельствами:

- возможное получение доступа к аккаунтам третьих лиц, что может привести к размещению неправомерной или нежелательной информации;
- возможные нарушения действующего законодательства и стандартов, связанных с государственной службой;
- имиджевые и политические риски, связанные с ошибками, которые могут допустить государственные служащие, ведущие аккаунты, или с некорректными ответами на вопросы пользователей.

8. При осуществлении коммуникации необходимо учитывать условия и факторы, влияющие на коммуникацию (личностные, социально-экономические, политические, организационные и др.).

9. Развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры в настоящее время во многом определяется приоритетами органов государственного управления и их ресурсными возможностями. Основная проблема в информационно-коммуникационной составляющей инфраструктуры – отсутствие эффективных механизмов, обеспечивающих взаимодействие, обмен информацией и знаниями между субъектами во всей инновационной цепи.

Таким образом, модель коммуникативной деятельности государственных служащих в контексте цифровой трансформации – схема, которая воспроизводит составные элементы и функциональные характеристики коммуникативного процесса между государственными служащими и иными субъектами коммуникации, связи между ними, обусловленные цифровой трансформацией системы государственного управления и современными тенденциями развития. В модели представлены основные ее элементы и функциональные характеристики коммуникативного процесса.

Предполагается, что применение коммуникативной модели для анализа практической деятельности государственных служащих позволит объективно и достоверно оценить эффективность работы государственного органа, которая сегодня тесно связана с развитием информационных технологий и зависит от качества коммуникаций. В свою очередь внедрение в деятельность государственных органов новых каналов коммуникации, основанных на использовании информационно-коммуникационных технологий, будет не только способствовать повышению качества работы, но и станет одним из элементов роста общественного доверия к деятельности органов власти.

Список использованных источников

1. *Кашкин, В. Б.* Основы теории коммуникации / В. Б. Кашкин. – М., 2007. – 175 с.
2. *Шарков, Ф. И.* Теория коммуникации / Ф. И. Шарков. – М.: РИП-холдинг, 2004. – 246 с.
3. *Ивченков, В. И.* Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса / В. И. Ивченков // Медиалингвистик. – 2019. – № 6(1). – С. 135–144.
4. *Бессонова, Ю. А.* Профессиональная коммуникация на государственной службе как социокультурный феномен / Ю. А. Бессонова, Е. А. Иванова // Среднерусский вестник общественных наук. Сер. «Социология». – 2018. – № 3. – Т. 13. – С. 27–42.

5. Модельный закон «О критически важных объектах информационно-коммуникационной инфраструктуры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/309.pdf>. – Дата доступа: 30.01.2021.

6. Тхориков, Б. А. Интернет-коммуникации государственных гражданских служащих: Международный опыт и Российская практика / Б. А. Тхориков, В. В. Корнев // Научные ведомости. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2018. – № 4. – Т. 43. – С. 633–639.

(Дата подачи: 11.02.2021 г.)

Д. В. Харьковский

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

D. V. Kharkovsky

Academy of management under the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 328.185

К ПРОБЛЕМЕ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО СОЗНАНИЯ

TO THE PROBLEM OF FACTORS OF FORMATION OF ANTICORRUPTION CONSCIOUSNESS

В статье предпринимается попытка выявления факторов, оказывающих влияние на формирование антикоррупционного сознания личности, обосновывается их роль и предлагаются некоторые меры по противодействию коррупции как негативному явлению общества.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционное сознание; формирование антикоррупционного сознания; противодействие коррупции.

The article attempts to identify factors that influence the formation of the anti-corruption consciousness of the individual, justifies their role and proposes some measures to counter corruption as a negative phenomenon of society.

Keywords: corruption; anti-corruption consciousness; formation of anti-corruption consciousness; anti-corruption.

На формирование антикоррупционного сознания решающее воздействие оказывает культура в целом, в то же время и бессознательное на уровне ощущений, влечений, страстей и детерминирует сознательные действия и поступки. Бессознательное накапливается в виде информации, которая и остается в памяти человека, в том числе в виде его социального опыта, что и оказывает, так или иначе, воздействие на антикоррупционное сознание. Эти же накопленные знания, опыт, социокультурные традиции в процессе развития, становления личности выступают решающими факторами формирования антикоррупционного сознания.

Антикоррупционное сознание, в процессе социализации личности формируется под воздействием системы факторов, к которым можно отнести следующие:

- семья и созданные в ней семейные ценности;
- среда общения субъекта и профессия;
- общественное мнение;
- правовое воспитание;

- образование;
- место жительства;
- средства массовой информации.

Институт семьи является первичным звеном в формировании антикоррупционного сознания. А ведь если разобраться, то мы сами же порой в личности формируем «коррупционное сознание» с малых лет, начиная с детского сада и школы. Особенно, если этот садик в народном сознании является элитным. Далее ребенок видит, как мы, сдаем в родительский комитет денежные средства на «подарки воспитателям, учителям», а также каждый год первого сентября отправляем ребенка в школу с дорогим букетом цветов. Учитывая, что все воспитатели и педагоги любят детей, и, как правило, относятся ко всем одинаково, с материнской заботой, можем сделать вывод, что отношение ко всем детям одинаково хорошее. Дети в свою очередь делают вывод, что воспитатель или педагог проявляет благосклонность именно ко мне и именно из-за символического знака внимания, проявленного в символическом подарке. Вроде бы мелочь, а на подсознании у ребенка остается неизменная социальная норма, которая и продолжает передаваться из поколения в поколение.

Мыслитель Платон (428–348 гг. до н. э.) считал, что именно воспитание детей является одной из важнейших политических проблем. Он уже тогда видел свою выстроенную систему воспитания, которая была изложена в трудах «Государство» и «Законы». А ученик его школы – Аристотель (384–322 гг. до н. э.) утверждал, что правильное воспитание юношества – главное средство сохранения государственного строя. «...Если не дисциплинирован один, то не дисциплинировано все государство», – подчеркивал Аристотель [1].

Так же Симеон Полоцкий (1629–1680) в работах «Обед душевный» и «Вечеря душевная» излагал свои взгляды, носящие отпечаток эпохи, на воспитание детей: «Родителям же приписывается вина злонравия чад их» [2].

Нельзя не упомянуть и мысли Э. Ферри (1856–1929) итальянского профессора уголовного права, который установил, что личности детей преступников часто испорчены родовыми пороками: им неведомо другое поведение, кроме асоциального. Э. Ферри акцентировал свое внимание на том, что на формирование личности несовершеннолетнего преступника в большей степени влияет не наследование генов, а пример образа жизни родителей [3].

Если рассматривать институт семьи, то здесь нередко ребенок также видит, как мама или папа, идя на прием к врачу или в какую-либо организацию для решения различных проблем бытового характера в знак благодарности берет с собой «бутылку шампанского и коробку конфет» для благоприятного решения вопросов. Такие уроки возмездных отношений, полученные в детском саду или средней школе, или банально в семье переходят потом в большую взрослую жизнь, где, как правило, уже «дары» не ограничиваются малыми суммами, а составляют порой и крупные размеры.

Мы видим, что законопослушные качества личности как раз и формируются в раннем возрасте, в первичном, самом близком социуме каждого ребенка, – в семье. Именно в ней и начинают закладываться моральные ценности, жизненные принципы и ориентиры, которые и являются фундаментом в формировании антикоррупционного сознания личности.

Несомненно, среда общения и взаимоотношений также будет играть свою роль в формировании антикоррупционного сознания посредством определенно-

го коррупционного давления на личность и «проверять на прочность» ее морально-психологическую готовность противостоять этому давлению. Осуществляя свою социальную роль в жизни, человек находится в определенных условиях общения и взаимоотношений в обществе. Не важно, какой у него социальный статус, социальное окружение, сфера осуществления трудовых функций, он всегда находится в определенных условиях коррупционного воздействия и давления. Так сложилось в обществе, что за оказание каких либо услуг (работ) иной деятельности, принято человека благодарить. Зачастую благодарность заключается в предоставлении каких-либо материальных благ или ценностей. Учитывая человеческое стремление к получению выгоды для себя и своих близких, не все готовы устоять перед таким искушением. Особенно когда речь идет о серьезных доходах, способных поменять жизнь в лучшую сторону.

Таким образом, мы видим, что от сферы деятельности субъекта также зависит вовлечение его в коррупционную деятельность и влияет на формирование антикоррупционного сознания.

Что касается экономических, политических, социальных и правовых взглядов, распространенных в обществе, – так называемого общественного мнения, – то граждане в нашей стране предрасположены к тому, чтобы давать взятки. Предлагаю рассмотреть результаты исследования, озвученные в ходе проведения Республиканского круглого стола «Коррупционные риски кадрового потенциала Беларуси как препятствие на пути реализации прав человека» 18 мая 2019 года старшим преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского университета продовольствия. Так вот, на вопрос анкеты: «Как Вы относитесь к неофициальным вознаграждениям должностных лиц?» 12,2 % заявили, что они считают себя обязанными отблагодарить «благодетеля», если вопросы все решены положительно и 15,6 % отблагодарят в случае хорошего результата. Практически каждый десятый из опрошенных (9,7 %) таких «благодарностей» придерживается, так как считает, что это традиция. Еще 16,7 % респондентов делает различного рода вознаграждения в силу того факта, что иначе не будет положительных результатов. Только трое из десяти респондентов (29,2 %) считают, что делать разного рода неофициальные вознаграждения – это недопустимо в принципе. Есть еще и те, кто затруднился с ответом, таких у нас – 15,5 %, тут тоже однозначно нельзя утверждать об их готовности противостоять коррупции [4].

Определенно можно сделать вывод, что общественное мнение поощряет одну из самых болезненных проблем белорусского общества.

Учитывая, что антикоррупционное сознание является частью правового сознания в целом, не является сугубо психологическим понятием и не может быть сугубо нравственной проблемой общества, определим, что одним из основных факторов, оказывающих влияние на его формирование, будет правовое воспитание.

Правовое воспитание будет является основной мерой профилактики в вопросах коррупции и направлено на формирование в обществе нетерпимого отношения к коррупционному поведению. Здесь, безусловно, необходимо идти в направлении повышения уровня правовой культуры. В этой связи роль правового воспитания отводится деятельности государства, общественных структур, средств массовой информации, и направлена на формирование правосознания и правовой культуры, а следовательно и на формирование антикоррупционного сознания.

В широком смысле слова, антикоррупционная направленность правового воспитания должна быть основана на: повышении среди населения в целом позитивного отношения к праву, его соблюдению; повышении уровня правовых знаний, в том числе о коррупционных формах поведения и мерах по их предотвращению и формировании представления о мерах юридической ответственности, которые могут применяться в случае совершения коррупционных правонарушений [5].

Основными методами правового воспитания по форме воздействия на правосознание людей являются убеждение, принуждение, стимулирование [6].

В то же время, по мнению ряда исследователей для снижения уровня коррупции, целесообразно воспользоваться различными сочетаниями таких методов, приемов и средств воспитания, как [7]:

- *убеждение*, путем прямого психолого-педагогического вмешательства в процессы формирования направленности личности с целью воспитания соответствующего морального сознания и нравственных качеств, противостоящих коррупции;
- *подражание известной личности*, такой как А. Солженицын, А. Сахаров, Д. Лихачев, Ж. Алферов, обладающей высоким моральным авторитетом для экономических субъектов и способной служить эталоном безупречного нравственного экономического поведения;
- *формирование ценностных ориентаций*, морально-нравственных установок, навыков и привычек морально-нравственного поведения в экономических отношениях, несовместимых с коррупцией;
- *организация гармоничной системы стимулирования*, главное назначение которой – это усиление синергетического взаимодействия первых трех основных методов.

В системе стимулирования следует особо выделить два мотивационных воздействия: *поощрение* как прием воспитания, направленный на эмоциональное подкрепление успешно производимых действий и нравственных поступков в экономических отношениях; и *наказание*, которое ориентировано на пресечение негативных, противоречащих нравственным принципам, действий человека в экономических отношениях. С помощью наказаний можно в определенных пределах корректировать экономическое поведение субъекта, что заставит его под угрозой неотвратимых санкций изменить безнравственные или даже противоправные цели и средства своей деятельности. Таким образом, с помощью нравственно-этических и материальных санкций можно будет противодействовать коррупции и ее последствиям.

Нельзя сказать, что применяемые формы реализации правового воспитания населения в целях формирования нетерпимого отношения к коррупции на сегодняшний день не совсем эффективны. Видимо просто их одних не достаточно и нужен комплексный подход как в образовательной, так и трудовой сфере.

Предлагаю рассмотреть некоторые подходы, касающиеся влияния образования на профилактику коррупционных проявлений в обществе и формирование антикоррупционного сознания.

Если говорить об образовании, то опять, как бы этого ни хотелось, придется вернуться к институту семьи. Вообще коррупционные проявления в системе образования встречается редко, и роль школьного образования в процессе социализации подрастающих поколений трудно переоценить. Но, к сожалению, это

в определенной мере относится и к приобщению молодежи, что называется «с малых лет», к практике мздоимства, или мы вспомним все тот же невинный «букет цветов» или «коробку конфет». Если так рассмотреть с точки зрения человеческого отношения к проблеме, то на первый взгляд, никак не связано с мздоимством.

Между настоящим подарком и оплаченными родителями подношениями учителям со стороны детей и взрослых существует большая разница. Отсутствует то, что составляет смысл дара – безвозмездность. Чаще всего налицо более чем явная мотивация родителей-дарителей, которая заключается в том, чтобы обеспечить благосклонность педагога к их чадам. Приходится констатировать, что в подавляющем большинстве случаев такого рода подношения, по сути, представляют собой все-таки мзду. Добро бы дело ограничивалось только цветами – этой традиционной формой проявления уважения. Не так уж редко подарки учителям выходят за рамки символических знаков внимания [8].

Известно, что главной задачей образования всегда было обучение личности и воспитание. И здесь мы видим некоторую взаимосвязь в так называемом звене «образование – воспитание». А если еще и самообразование с определенной спецификой и конкретной задачей, то мы с уверенностью можем говорить о нем, как об одной из форм «антикоррупционного воспитания». Соответственно и назвать его необходимо «антикоррупционное образование», которое будет включать в себя распространение правовых знаний и разъяснение положений действующих нормативных правовых актов, а также практики их применения в целях формирования убежденности в необходимости соблюдения законов и предупреждения коррупционных правонарушений.

В отличие от антикоррупционного воспитания, антикоррупционное образование представляет собой целенаправленный процесс обучения антикоррупционному поведению и антикоррупционной деятельности, реализуемый компетентными образовательными учреждениями [9].

Е. С. Носакова предлагает антикоррупционное образование в зависимости от субъектного состава его непосредственных объектов (от вида антикоррупционного правосознания, который необходимо формировать) подразделить на две группы: антикоррупционное образование, целью которого является формирование антикоррупционного обыденного правосознания, и антикоррупционное образование, реализуемое посредством среднего и высшего профессионального юридического антикоррупционного образования, целью которого является формирование антикоррупционного профессионального правосознания [10].

Антикоррупционное образование должно стать основным источником формирования антикоррупционного сознания, основными целями которого являются: формирование антикоррупционного мировоззрения, прочных нравственных основ личности, гражданской позиции и устойчивых навыков антикоррупционного поведения. В их реализации велика роль, в первую очередь, системы высшего образования. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, здесь сосредоточена значительная часть интеллектуального потенциала страны, которая могла бы исследовать различные аспекты коррупции и предложить научно обоснованные рекомендации борьбы с ней; во-вторых, вузы воспроизводят кадровый и интеллектуальный потенциал, определяющий будущее развитие страны.

Изучение международного опыта показывает о целесообразности и необходимости внедрения антикоррупционного образования на всех образовательных уровнях: от дошкольного образования до высшего.

Уже с детских лет предпринимаются попытки сформировать у детей правосознание и нетерпимость к коррупционным проявлениям. Такой подход является оправданным и должен системно и повсеместно внедряться и в нашей стране.

Антикоррупционное образование на этапе общего среднего образования в основном сводится к ряду следующих мероприятий: проведение классных часов, на которых обсуждаются проблемы, связанные с наличием коррупции в стране, доводится система правовых мер по противодействию коррупционным проявлениям.

В рамках образовательного процесса в учреждениях высшего образования на первой ступени высшего, только лишь в зависимости от профиля обучения, а не всех специальностей учебные планы предусматривают изучение учебной дисциплины «Противодействие коррупции». А что мешает изучать данную дисциплину в рамках подготовки различных специалистов, независимо от сферы и профиля обучения? Согласитесь, проблема коррупции остро стоит во многих сферах и это нужно учитывать при подготовке всех специалистов, а не только направлений права, экономики и управления.

Естественно, исходя из определенной роли в социальном институте, выполняя определенные функции в социуме, да и просто, занимаемой должности, требования к антикоррупционному сознанию может быть разным: у одних достаточно только его наличия, а у других, в силу выполнения специфических обязанностей, дополнительно – его формирование в подчиненном коллективе, мониторингу, анализу, принятию организационных мер, создающих условия для его поддержания на высоком уровне.

Если рассматривать такой «территориальный фактор» формирования антикоррупционного сознания, как место жительства субъекта, то здесь тоже возможно увидеть некоторые закономерности. Урбанизация повышает коррупционную активность должностных лиц. В крупном городе жизнь деперсонифицирована, чем в малом населенном пункте, где еще, наверное, сохранились остатки соседской общины.

Давайте рассмотрим результаты некоторых социологических исследований, проведенных с участием и под руководством Ю. М. Бубнова, доктора социологических наук, профессора, заведующего кафедрой гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия.

Согласно статистических данных, полученных в ходе многочисленных анкетных опросов, проведенных в Могилевской области в период с 1998 года по 2008 год, жизнь в большом городе, похоже, действует на граждан развращающе. Во всяком случае, давать и брать взятки жители города областного масштаба соглашались почти в два раза чаще, чем обитатели районных центров (соответственно 41 % и 23 %) [8].

Еще одно исследование было проведено также представителями Могилевского государственного университета продовольствия с целью выявления специфики освещения коррупционных преступлений в государственных электронных СМИ на примере интернет-сайта информационного агентства БЕЛТА методом контент-анализа. Выборочная совокупность контент-анализа составила 49 уникальных публикаций на сайте belta.by за 1-е полугодие 2018 года (т. е. за период с 1 января по 1 июля 2018 года). Целенаправленно были изъяты из выборки «серийные» публикации, в которых дублировалась информация об одних и тех же правонарушениях. Одним из индикаторов контент-анализа было место совершения коррупционного правонарушения.

В ходе процедуры контент-анализа было установлено, что информационный ресурс *beta.by* преимущественно сфокусирован на освещении коррупционных преступлений, совершаемых на территории города Минска (40,8 %). Также интернет-сайт уделяет достаточное внимание правонарушениям, которые регистрируются в районных центрах Беларуси (34,5 %) и областных центрах (26,5 %). Доля публикаций о коррупционных эксцессах в сельской местности незначительна и составляет всего 4 %. Интересно, что проведенный ранее контент-анализ независимого новостного портала *Naviny.by* показал приблизительно схожую картину. С одной стороны, подобная статистика может свидетельствовать о реальной географии распространенности коррупции в стране, но, с другой стороны, вполне вероятно объясняется тем, что агентство БЕЛТА в своей редакционной политике изначально следует столичной информационной повестке [4].

Еще одним фактором формирования антикоррупционного сознания является проведение информационной политики через средства массовой информации по контрпропаганде непомерного обогащения, безудержного потребления, вещизма и ложных представлений о жизненном успехе. На смену популяризации потребительства и роскошного образа жизни должна прийти взвешенная пропаганда идеологии социальной справедливости, профессионализма и высококвалифицированного труда, качественного образования и здорового образа жизни.

Чаще всего в средствах массовой информации коррупцию относят к сфере деловых отношений и большой политики. Именно там время от времени в информационных сводках правоохранителей мы видим факты резонансных дел коррупционных преступлений. Многомиллионные суммы взяток, злоупотребление служебным положением, легализация доходов преступным путем и многое другое – присутствует почти каждый день в информационных ресурсах на телевидении информационных порталах сети Интернет. С одной стороны, работает как фактор утраченного, а с другой, наоборот – формируют в сознании уже некоторую норму в модели поведения отдельно взятых субъектов.

Трансляция по телевидению, даже социальной рекламы, а также серьезные аналитические передачи по данной тематике будут способствовать привлечению широких масс к проблеме коррупции. Но и здесь, учитывая каждый информационный инструмент необходимо использовать тонкий психологический инструмент, направленный на конкретную целевую аудиторию специалистами соответствующей отрасли информационно-пропагандистской работы.

Таким образом, рассматриваемые факторы, непосредственно или опосредованно будут оказывать влияние на формирование антикоррупционного сознания. Нельзя утверждать, что это исчерпывающий перечень, но они основные. Если учитывать роль каждого из них, то можно скорректировать государственную политику в решении одной из самых болезненных проблем современного белорусского общества – противодействия коррупции.

Список использованных источников

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. / Аристотель; под ред. А.И. Доватура [и др.]. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 551 с.
2. *Константинов, Н. А.* История педагогики: учебник для студентов пед. ин-тов / Н. А. Константинов [и др.]. – М.: Просвещение, 1982. – 447 с.
3. *Ферри, Э.* Уголовная социология / Э. Ферри. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 657 с.

4. Материалы Республиканского круглого стола «Коррупционные риски кадрового потенциала Беларуси как препятствие на пути реализации прав человека» 18 мая 2019 года.

5. Противодействие коррупции: учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.]; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2015. – 506 с.

6. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М.: Юристъ, 2009. – С. 232.

7. Рукина, И. М. Формирование антикоррупционного сознания / И. М. Рукина, Д. С. Петросян // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – Вып. 2. – С. 96.

8. Бубнов, Ю. М. Социологические очерки мздоимства / Ю. М. Бубнов. – Минск: Издательский центр БГУ, 2010. – 256 с.

9. Годунов, И. В. Азбука противодействия коррупции / И. В. Годунов. – М.: Академический Проект, 2012. – С. 39.

10. Носакова, Е. А. Роль системы образования в формировании антикоррупционного правосознания обучающихся / Е. А. Носакова // Юрид. мир. – 2012. – № 4. – С. 64.

(Дата подачи: 22.02.2021 г.)

П. В. Юсупов

Белорусский государственный университет, Минск

P. Yusupov

Belarusian State University, Minsk

УДК 328.182; ГРНТИ 11.15.89

КАНАЛЫ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В GR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

INTERNET COMMUNICATION CHANNELS IN GR-ACTIVITIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

В условиях пандемии Covid-19 и широкого распространения современных технологий все более важным становится обеспечение возможности сетевого контактирования представителей бизнес-кругов и государственной власти. Совершенствование IT-каналов коммуникации упростит возможность ведения диалога и повысит качество нормативного регулирования.

Ключевые слова: Government relations (GR); взаимодействие государства и бизнеса; бизнес; общественно-консультативные советы (ОКС); электронное обсуждение проектов НПА; представительство интересов.

In the context of the Covid-19 pandemic and the widespread development of modern technologies, it becomes more and more important to ensure the possibility of network contacts between representatives of business circles and government authorities. Improving IT communication channels will simplify the opportunity for dialogue and improve the quality of regulatory regulation.

Keywords: Government relations (GR); interaction between the state and business; business; public advisory councils; electronic discussion of draft laws and regulations; representation of interests.

«Организация отношений с органами государственной власти», или «GR-деятельность» – достаточно сложное понятие. Объединяя черты различных определений, GR – это деятельность специализированных субъектов по созданию долговременной коммуникативной стратегии взаимодействия частных акторов и органов государственной власти. Объединяя существенные признаки из различных определений GR, можно сказать, что это деятельность специализированных субъектов по созданию долговременной коммуникативной стратегии взаимодействия частных акторов и органов государственной власти. В США GR как деятельность по организации отношений с органами государственной власти выделяется в самостоятельную профессию в XX в. Во многом этому способствовала институционализация лоббистской деятельности благодаря принятию Федеральных законов США о регистрации иностранных агентов (FARA) в 1938 г. и о регулировании лоббистской деятельности в 1946 г. В западноевропейских странах в развитии GR большую роль сыграло создание Европейского объединения угля и стали (1952), а также Европейского экономического сообщества (1958).

На постсоветском пространстве значимый вклад в изучение GR внесли А. Д. Богатуров, Д. О. Матвеев, О. А. Морозов, Г. И. Грибанова, И. В. Сидорская, И. Е. Минтусов, О. Г. Филатова, Н. А. Антанович, Н. А. Беляев, Р. Н. Костицын, П. Л. Соловьев. Представленная в статье информация получена в ходе практической работы автора с данными ресурсами коммуникации.

Цель данной статьи – изучить применение сети интернет как канала коммуникации в GR-деятельности в Республике Беларусь.

Применение информационных интернет-технологий во взаимодействии с государственными органами становится все более важным, так как снижается порог доступа к коммуникации и время на её организацию. Пандемия covid-19 усилила потребность в развитии электронных способов коммуникации с государственными органами. На данный момент, основные сетевые каналы взаимодействия частных стейкхолдеров и органами государственного управления находятся в стадии формирования. Для понимания сути GR требуется выявить субъект и объект GR деятельности. Субъектами, коммуникации в рамках GR выступают с одной стороны представители бизнес-ассоциаций и союзов, профильных отделов компаний, а с другой – органы государственной власти, относящиеся к исполнительной и законодательной ветвям.

Субъектами GR деятельности могут выступать органы государственной власти, государственные учреждения, государственные унитарные предприятия, государственные корпорации, финансово-промышленные группы, автономные некоммерческие организации, некоммерческие фонды со стороны государства, а от частного сектора – граждане и юридические лица, представленные коммерческими и некоммерческими организациями, учредителями которых не является государство.

Так называемые *базисные субъекты GR-деятельности* являются заказчиками различных отношений с властью, лоббирования (например, общественные объединения, профсоюзы). *Технологическими субъектами* являются профессиональные отделы коммерческих организаций по выстраиванию отношений с властью, в том числе и лоббированию, как правило, создаются в крупных компаниях. Технологические субъекты могут существовать не только в виде органов компаний, но и самостоятельных организаций, работающих по заказу. Исходя

из специфики GR-деятельности, субъект отношений может выступать одновременно и объектом этих отношений. Объектами являются властные структуры, главным образом законодательной и исполнительной ветвей.

Выделяют две модели взаимодействия государства и бизнеса: плюралистическую и корпоративистскую. Первая подразумевает конкурентную борьбу большого количества независимых акторов за продвижение собственных инициатив, в которой государство выступает арбитром. Корпоративистская модель отличается главенствующей ролью государства в отборе поступающей от стейкхолдеров информации, акторами выступают крупные ассоциации бизнеса, доносящие позиции отраслей в целом [1, с. 136].

Республика Беларусь движется по пути построения корпоративистской модели взаимодействия власти и бизнеса. Эта модель дает определенные преимущества: получение государственными органами уже агрегированного мнения; ограниченный круг стейкхолдеров; степень влияния стейкхолдеров на принятие решения органами государственного управления значительно ниже; качество подготовки предложений может быть выше по причине большого штата сотрудников для составления позиции. Однако перечисленные положительные стороны могут обернуться минусами, так как все ограничения могут привести к неэффективности системы сбора информации.

Развитие современных интернет-технологий во многом упрощает коммуникацию по различным вопросам. В настоящий момент в Республике Беларусь существует ряд возможностей электронной коммуникации, среди них: площадка «Правовой форум Беларуси»; подача электронного обращения по различным вопросам в органы государственной власти; проведение заседаний консультативных структур онлайн; доступ к контактам уполномоченных лиц государственных органов посредством сайтов министерств и ведомств.

Сайт «Правовой форум Беларуси» действует на основании Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», Постановления Совета Министров Республики Беларусь 25 января 2019 г. № 54 «О прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов», Постановления Совета Министров Республики Беларусь 28 января 2019 г. № 56 «О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов» и Приказа Национального центра правовой информации Республики Беларусь от 21 марта 2019 г. № 30 «О проведении публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов на сайте «Правовой форум Беларуси»» [2, 3, 4, 5]. Сайт позволяет субъектам направлять свои предложения по различным проектам нормативных правовых актов. Также нередко на обсуждение профильными министерствами выносятся проекты решений о внесении изменений в акты ЕАЭС (этап внутригосударственного согласования).

Правовой форум предоставляет возможность комментариев только для зарегистрированных пользователей. Регистрация осуществляется в двух категориях «Пользователь» и «Специалист (юрист)». Коренных отличий эти статусы не имеют, специалисты обладают правом размещения статей. При этом для получения статуса специалиста не требуется какое-либо подтверждение компетенции, что по нашему мнению является негативным аспектом [6].

Перед опубликованием любой комментарий попадает на модерацию. Тем не менее, качество данной модерации недостаточно высокое. Нередко пользователи по вопросам, вызывающим общественный резонанс, уходят от темы проекта

нормативно-правового акта (НПА) и начинают обсуждать свое личное мнение о других комментаторах. В большинстве случаев, наибольшим количеством комментариев отмечены акты, информация об обсуждении которых заранее публиковалась в СМИ.

Дизайн правового форума и его структура достаточно устарели и нуждаются в обновлении. Новым пользователям может быть затруднительно сразу разобраться с механизмом работы сайта и размещением на нем информации. Также, отсутствует единообразие в обозначении ссылок на портал Правового форума на сайтах министерств и ведомств. Возможные вариации обозначения: «Общественное обсуждение», «Проекты НПА», «Проекты», «Дополнительно».

Отдельным недостатком Правового форума является неполнота информации, приложенной к проекту того или иного акта. Зачастую государственные органы не публикуют финансово-экономическое обоснование принятия НПА, финансовые последствия не оцениваются, также не проводятся сравнения с зарубежным опытом правового регулирования.

Несмотря на вышеописанные недостатки, Правовой форум дает довольно хорошую возможность компаниям и бизнес ассоциациям различного размера высказать свое мнение по направленным проектам. Размер комментария никак не ограничен, а в профиле участника, возможно указать, от какой фирмы он направлен. В результате общественного обсуждения, формируется сводка замечаний и предложений, часть из которых может быть внедрена в проект.

Кроме исправления вышеописанных недостатков, считаем необходимым добавить возможность отслеживания на Правовом форуме стадий прохождения того или иного законопроекта с необходимой справочной информацией: указание комиссии Палаты представителей Республики Беларусь, курирующей законопроект; контактов членов комиссии; субъект законодательной инициативы; иная информация. Примером совершенствования функционала сайта может стать Федеральный портал проектов нормативных правовых актов Российской Федерации, который кроме вышеописанных сведений предоставляет возможность подсчета издержек от принятия того или иного акта и ряд других полезных функций [7].

Следующим способом является возможность подачи электронного обращения. На данный момент отправка обращения возможна двумя путями: посредством электронной почты (в редких случаях) и с помощью электронной формы на сайте государственного органа (в большинстве случаев). По нашему мнению, форма представляет собой наиболее удобный вариант, так как субъект не может не указать необходимые для рассмотрения обращения данные. Также к форме возможно приложить документы, разъясняющие суть обращения. Форма дает гарантию получения адресатом направленного письма. В настоящий момент государственные органы активно отказываются от способа направления обращений по электронной почте (уведомления для заявителей публикуются на сайте). Кроме того, что обращение может просто не дойти в силу технических проблем, оно может направиться в «спам», заявителем могут быть не соблюдены требования к содержанию обращения.

Определенным недостатком является различие в требованиях форм разных органов. Так форма Министерства финансов Республики Беларусь позволяет направить обращение объемом до 3000 символов и приложить файлы общим объемом до 5 мегабайт (что довольно мало), в то время как Министерство

здравоохранения Республики Беларусь ограничивает заявителя объемом в 2500 символов и позволяет приложить файлы объемом до 100 мб. Таким образом, следует установить единообразие в установленных государственными органами формах [8; 9].

Согласно п. 23 Типового положения об общественно-консультативном (экспертном) совете по развитию предпринимательства, утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20.03.2012 г. № 247 допускается принятие решением советом без проведения заседания совета, путем письменного опроса его участников [10]. В настоящее время, участники совета пользуются возможностью направлять отсканированные копии своих позиций и бюллетеней голосования на рабочий адрес секретаря совета. Это значительно упрощает взаимодействие при невозможности проведения очного заседания.

Вторым аспектом сетевого взаимодействия с консультативными структурами является информирование их деятельности и составе. Не все государственные органы своевременно публикуют протоколы заседаний и актуальный состав советов. Общую информацию и документацию о каждом из существующих ОКС в Республике Беларусь можно найти на сайте Министерства экономики Республики Беларусь [11]. Более подробно данные публикуются на сайте каждого отдельного ведомства. Сайты министерств и ведомств зачастую предоставляют рабочие контакты чиновников. Чиновники высшего уровня государственного управления (министры и их заместители) представлены телефонами их приемных.

С помощью сети интернет также проводятся семинары, совещания и воркшопы с участием или под началом государственных органов и стейкхолдеров со стороны бизнеса. Государственными органами Республики Беларусь зачастую используется ресурс pregovorka.by, созданный компанией hoster.by. Платформы Zoom, Skype и Microsoft teams более распространены именно среди бизнеса. Толчок применению государственными органами данных систем обусловлен невозможностью проведения очных мероприятий. В силу новизны данного формата, государственные органы чаще отменяют мероприятие, чем переносят его в онлайн. Причиной этого, по нашему мнению, является отсутствие достаточного опыта у многих чиновников по работе с данными системами. Решением ситуации может стать организация на базе высших учебных заведений курсов по работе с сервисами удаленной связи.

Улучшить взаимодействие посредством сети интернет также можно путем объединения различных государственных ресурсов в единый ресурс, позволяющий осуществлять контакты с органами государственной власти, подавать документы для совершения административных процедур и получать информацию о готовящихся к изданию проектах НПА. Проект подобного ресурса успешно реализован в Эстонской Республике [12]. Идентификация пользователей происходит посредством ID карт, что позволяет как гражданам, так и юридическим лицам осуществлять весь спектр коммуникации с государственными органами по любому вопросу через единый портал.

Таким образом, Government relations или взаимодействие органов государства и бизнеса является неотъемлемой частью процесса формирования политики в современных государствах. В Республике Беларусь сформированы базовые компоненты IT взаимодействия государства и бизнеса: Правовой форум, подача электронных обращений, возможность удаленного функционирования консультативных структур, доступность контактов чиновников и рост количе-

ства мероприятий на онлайн платформах. Тем не менее, в функционировании данных каналов коммуникации присутствуют недостатки. Среди технических недостатков Правового форума – устаревший дизайн, усложненность сайта, необходимость улучшить модерацию. Форуму требуется больший функционал. Пример – Федеральный портал проектов нормативных правовых актов Российской Федерации, дизайн которого позволяет прослеживать стадии продвижения проекта и процедуры оценки регулирующего воздействия.

Формы подачи обращений достаточно функциональны, единственным на наш взгляд усовершенствованием может стать придание формам различных ведомств единообразия в формате заполнения полей. Возможность направлять позиции в консультативные советы посредством электронной почты является плюсом, но учитывая возможность государственных органов организовывать мероприятия в режиме онлайн встреч было бы лучше проводить их именно таким образом. В целом, небольшое число министерств реализуют потенциал электронных коммуникационных систем, хотя техническое оснащение для этого имеется. Решение проблемы может стать организация обучения сотрудников взаимодействию через системы онлайн на базе учреждений повышения квалификации УВО. Коммуникация между органами государственной власти и бизнесом имеет большое политическое значение. Повышение прозрачности принятия решений и учет мнения стейкхолдеров позитивно сказывается на имидже структур власти.

Список использованных источников

1. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд [и др.]. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
2. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. О прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 янв. 2019 г., № 54 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 янв. 2019 г., № 56 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
5. О проведении публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов на сайте «Правовой форум Беларуси» [Электронный ресурс]: приказ Нац. центра прав. информ. Респ. Беларусь, 21 марта 2019 г., № 30 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/trebovaniya-k-predostavleniyu-dlya-publichnogo-obsuzhdeniya-proektov-normativnykh-pravovykh-aktov-i/>. – Дата доступа: 29.01.2021.
6. Правовой форум Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forumpravo.by/users/registration.aspx>. – Дата доступа: 29.01.2021.
7. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/#>. – Дата доступа: 29.01.2021.

8. Обращение юрлица и ИП. Форма Министерства финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/public/ru/feedback/?type=legal>. – Дата доступа: 29.01.2021.

9. Электронные обращения. Форма Министерства здравоохранения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minzdrav.gov.by/ru/ministerstvo/elektronnye-obrashcheniya.php>. – Дата доступа: 29.01.2021.

10. Типовое положение об общественно-консультативном (экспертном) совете по развитию предпринимательства [Электронный ресурс]: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 20 марта 2012 г., № 247 // Сайт Совета Министров Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/solutions/1799>. – Дата доступа: 29.01.2021.

11. Общественно-консультативные советы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/oks_predpr-ru/. – Дата доступа: 29.01.2021.

12. Портал электронного государства Эстонской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eesti.ee/en/>. – Дата доступа: 29.01.2021.

(Дата подачи: 22.02.2021 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абраменко Е. Г.</i> ПОНЯТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	3
<i>Барахвостов П. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ФРОНТИРОВ (НА ПРИМЕРЕ ОСМАНСКОЙ ВЕНГРИИ)	10
<i>Белявцева Д. В.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И РЕГИОНАМИ В УНИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВАХ	16
<i>Венідзіктаў С. В.</i> МАСАВАЯ ІНФАРМАЦЫЯ І МАСАВАЯ АЎДЫТОРЫЯ ЯК КАМУНІКАТЫЎНЫЯ ФЭНОМЕНЫ.....	24
<i>Волнистая К. С.</i> КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМНОГО И ОРГСИСТЕМНОГО ПОДХОДА НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЕВРАЗИЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	31
<i>Драгун Д. В.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОТЕСТНАЯ КИБЕРАКТИВНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ	35
<i>Евстафьев В. А.</i> ОБ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	43
<i>Зинченко А. Н.</i> ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЧАСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ПРИМЕРЕ ИХ СТАНОВЛЕНИЯ В АФРИКЕ К ЮГУ ОТ САХАРЫ	50
<i>Казлоў М. В.</i> ВЫКЛІКІ ФРАНЦУЗСКАЙ ПАЛІТЫЧНАЙ СІСТЭМЫ: МІГРАЦЫЯ І COVID-19. НА ПРЫКЛАДЗЕ ДЫСКУРСА ПАРТЫЙ ЭМАНУЭЛЯ МАКРОНА І МАРЫН ЛЕ ПЕН	56
<i>Калишук В. О.</i> ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	63
<i>Козловский В. А.</i> ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	70
<i>Колодкин Н. Г.</i> КОНЦЕПЦИИ РИСКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	76

<i>Корело О. Н.</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: «ГЛУБИННЫЕ» ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ	82
<i>Костиневич К. И.</i> РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	91
<i>Лемешова Т. В.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.....	101
<i>Ляхович-Петракова Н. В.</i> ОПЕРАЦИОННОЕ КОДИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	107
<i>Малишевский Н. Н.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ	113
<i>Мельник В. А.</i> МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ	119
<i>Михайловский В. С.</i> ВЕРИФИКАЦИЯ НЕОМАРКСИСТСКОГО КОНЦЕПТА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА	124
<i>Панченко А. В.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ.....	131
<i>Посталовская О. А.</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ЭКОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	144
<i>Радкевич М. И.</i> ИДЕОЛОГИЯ КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВ СОВРЕМЕННОСТИ	149
<i>Ревенко В. В.</i> ИМИДЖЕВЫЕ ПРОЕКТЫ В БЕЛОРУССКОМ СПОРТЕ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРАХ.....	155
<i>Рыжий А. С.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	162
<i>Семенова В. Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА	167
<i>Слуцкая Л. В.</i> РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В МЕЖДУНАРОДНОЙ GR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	175
<i>Стефанович М. С.</i> СУЩНОСТЬ И МЕТОДИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СПЕКТРА	181

<i>Сулейков А. А.</i> ТЕОРИЯ ГЕГЕМОНИИ А. ГРАМШИ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»	188
<i>Тулэйко Е. В., Босько О. В.</i> МОДЕЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	194
<i>Харьковский Д. В.</i> К ПРОБЛЕМЕ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО СОЗНАНИЯ	201
<i>Юсупов П. В.</i> КАНАЛЫ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В GR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	208

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 20

В двух частях

Часть 1

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Редактор *И. М. Подоматько*

Компьютерная верстка *Т. В. Лукашинок*

Подписано в печать 02.08.2021. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 12,7. Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 100 экз. Заказ 61.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.